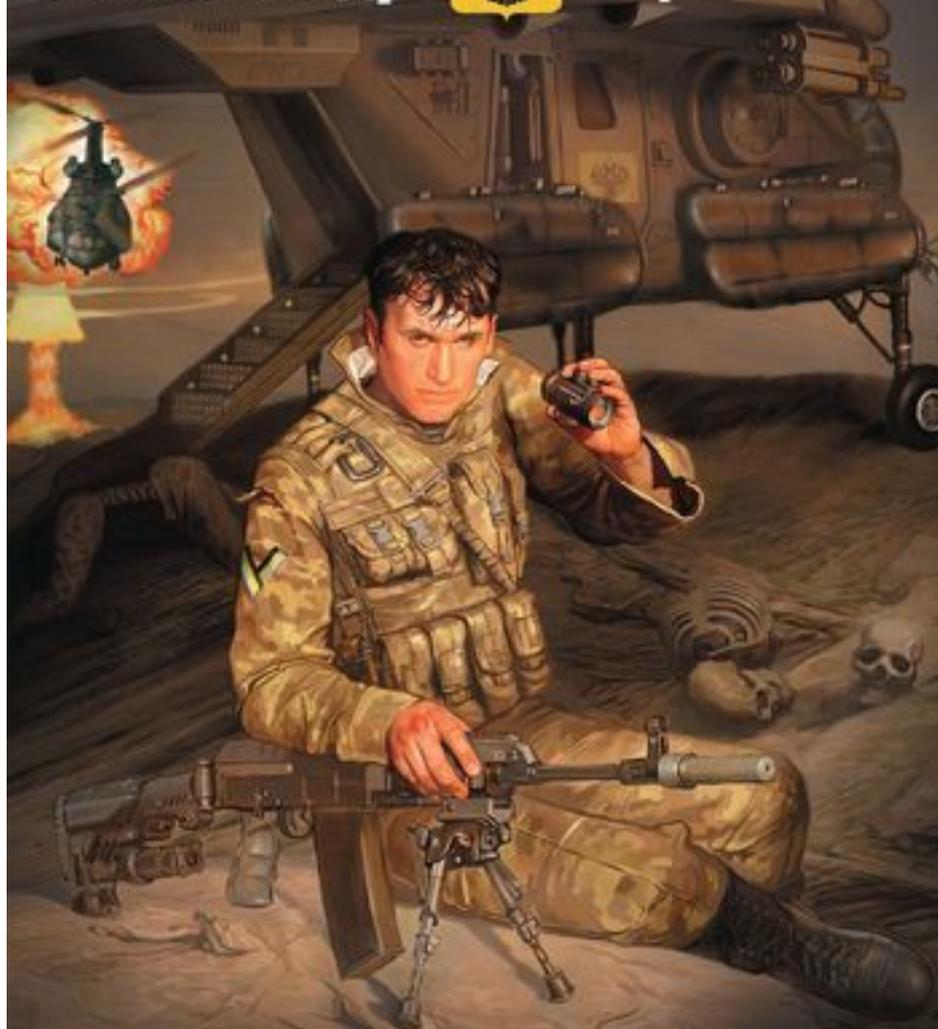

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Александр

Афанасьев

АДЕПТЫ СТУЖИ

книга вторая

ПОД ПРИЦЕПОМ

Бремя империи

Александр Афанасьев

Под прицелом

«ЭКСМО»

2011

Афанасьев А. Н.

Под прицелом / А. Н. Афанасьев — «Эксмо», 2011 — (Бремя империи)

Канун XXI века. Российская Империя раскинулась от Варшавы до Багдада, ее население достигает миллиарда человек, она – самое могущественное государство мира... Кто сказал, что все этим довольны? Тайная война Российской и Британской империй выходит на новый уровень. Английская разведка не гнушается ничем, легко ставя на кон жизни тысяч собственных подданных, не говоря уже о гражданах других стран. И гремят взрывы в самом центре Лондона, и вздымается ядерный гриб над афганскими горами, и оказывается в прицеле снайпера фигура американского президента. Цель интриганов из Лондона – максимально ослабить Россию и посорить ее со всем миром. Но пока на страже Родины стоят цесаревич Николай, военный разведчик князь Воронцов, спецназовцы Бес и Араб и миллионы русских патриотов в погонах и в штатском – коварным планам сбыться не суждено!

© Афанасьев А. Н., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Картинки из прошлого	5
Картинки из прошлого	17
Начало кошмара...	39
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Александр Афанасьев

Под прицелом

*Наш путь не отмечен,
Нам нечем,
Нам – нечем!
Но помните нас!*

Владимир Высоцкий

Картинки из прошлого

22 мая 1995 года.

База Королевских ВВС Файлингдейлс-Мур,

Северный Йоркшир, Великобритания

Не слишком умные люди иногда полагают, что систему безопасности, создаваемую государством, можно контролировать. Иногда даже приходится констатировать, что это действительно так. Но в большинстве случаев получается так, что спецслужбы и армия делают вид, что подчиняются, а политикам хватает ума делать вид, что они их контролируют. Спецслужбы и армия, как и любой сложный организм, живет своей, часто тайной и непонятной для посторонних жизнью. И возникает извечная дилемма – контроль или эффективность? Именно «или», потому что контролируемая со всех сторон спецслужба априори не бывает эффективной. Каждое государство и каждое общество решают эту дилемму по-своему...

База Королевских ВВС Файлингдейлс-Мур расположена почти на самом побережье, в Северном Йоркшире, одном из самых красивых мест Великобритании. Природа здесь дика и во многом первозданна, человек не осквернил ее своим назойливым присутствием. Вообще, само графство Северный Йоркшир очень красиво, это поросшие лесом холмы, маленькие деревушки, некоторым из которых несколько сотен лет. Однако здесь, у самого побережья Северного моря, природа была совсем другой – те же холмы и пустоши, но выстуженные постоянно дующим холодным ветром, на них растет только чахлый кустарник, трава да мох. И здесь, недалеко от берега, разместилась одна из баз ВВС Соединенного королевства – серый бетон ВПП, светло-серые, разбросанные по залитой бетоном пустыне ангары. Огромные белые купола радаров.

Базой тяжелобомбардировочной авиации ВВС Ее Величества эта база перестала быть в шестидесятые. Тогда уже у всех держав появилось ядерное оружие – у британцев, у североамериканцев, у германцев, у русских. Наличие ядерного оружия поставило перед военными новые, ранее не встречавшиеся проблемы и требования, а появление первых, пусть еще несовершенных МБР – межконтинентальных баллистических ракет – полностью перевернуло всю международную архитектуру безопасности. Флот, который и Великобритания, и Североамериканские соединенные штаты почитали как основное оружие, как способ не допустить кон-

тинентальных хищников к своим берегам, обесценился в одночасье. Обесценились и ВВС, господство в воздухе тоже потеряло приоритет. Теперь межконтинентальная баллистическая ракета, стартовая площадка которой расположена, скажем, в дремучей тайге, способна была в любой момент взлететь и за тридцать-сорок минут достичь цели на другом континенте, неся смерть миллионам. Океаны и находящийся на них флот, тучи истребителей в воздухе – больше ни от чего не защищали.

Для защиты от новой угрозы пришлось срочно выстраивать систему раннего предупреждения о ракетном нападении, появились центры постоянного мониторинга угрозы, самым известным был североамериканский НОРАД. Огромные средства выделялись на новые космические аппараты, способные контролировать земные пространства с околоземной орбиты, на суда, которые только в морских регистрах были записаны как научные, на самом же деле таковыми не являясь. Начали строить и наземные радары, а поскольку дело это было крайне дорогостоящее – радары строились и эксплуатировались совместно Великобританией и Североамериканскими соединенными штатами. Местом дислокации одного из таких наземных радаров контроля и был избран Файлингдейлс-Мур. Кроме того – там находился один из запасных центров контроля спутниковой группировки, группа антенн системы перехвата «Эшелон» и радары, действующие в интересах Королевских ВМФ и отслеживающие все перемещения кораблей Флота открытого моря Священной Римской империи и Флота Атлантического океана Российской империи. Кроме того – аэродром на Файлингдейлс-Мур использовался как промежуточная посадочная площадка самолетов АВАКС. Вот так – бомбардировщиков и флотских тяжелых патрульных самолетов-торпедоносцев на базе больше не было – а работы меньше не стало...

Сегодняшний день на базе был вроде бы обычным, разве что ветер посильнее и настолько холодный, что персоналу пришлось облачиться в парки, какие здесь носили зимой. Технический персонал базы, как всегда, следил за состоянием аппаратуры, принимающей и отправляющей гигабайты информации, в ситуационной комнате рассматривали последние снимки с Балтийских и Мурманских верфей, пытаясь определить – насколько достроены те или иные корабли, а техники на летном поле готовились к приему идущего из Северной Америки АВАКСа. «ЕСЗА» совершал тяжелый трансатлантический перелет, его надо было принять и дозаправить. Тут же на базе жил сменный экипаж – экипажи менялись точно так же, как это было принято в гражданской авиации. Вот только жить сменному экипажу приходилось не в отеле люкс в каком-нибудь крупном городе, а в таком вот британском, продуваемом всеми ветрами захолустье.

Ситуация изменилась примерно за полчаса до приема АВАКСа. На подъездной дорожке, ведущей к базе, показались сразу несколько автомобилей – «Даймлеры» и «Рейнджроверы», на которых ездит лишь правительство и высший генералитет армии Ее Величества. Старший по КПП сержант не придумал ничего лучшего, как поднять шлагбаум и пропустить машины без досмотра – за это потом он поплатится должностью. Машины проехали на территорию базы, но свернули не к административному сектору, где находилось ее командование, а устремились прямо на летное поле.

«ЕС-3» появился над базой очень точно – ровно в одиннадцать двадцать по Гринвичу. Это был большой, четырехдвигательный, выкрашенный в серый цвет самолет, с большой, постоянно вращающейся тарелкой антенны над фюзеляжем. Самолет этот делался на базе грузовой версии уже устаревшего «Боинга-707», но двигатели недавно поменяли на более современные, расходующие намного меньше топлива. Иллюминаторов в фюзеляже самолета больше не было, а в просторном салоне размещались только двадцать операторов систем, и небольшая комната отдыха – все остальное место занимала аппаратура. Аппаратура, кстати, тоже устаревшая, по эффективности она не шла ни в какое сравнение с гражданской – в области электроники прогресс у военных был очень неторопливый.

Шасси самолета привычно – такие АВАКСы садились здесь каждый день – коснулось бетонной полосы, самолет побежал по бетонке, гася скорость торможением и реверсом двигателей. В самом конце широкой бетонной полосы его уже ждал армейский джип. Повинуясь командам регулировщика, самолет свернул влево. Вообще-то джип сопровождения можно было бы и не высылать, экипаж садился на этой базе больше сотни раз и мог завести самолет на стоянку с закрытыми глазами, но порядок есть порядок.

Самолет загнали на стоянку, но дозаправлять на этот раз не торопились. К одному из люков поставили легкую, раскладную алюминиевую лестницу-трап – гражданских трапов на базе не было, – и из самолета появился улыбающийся, похожий на постаревшего скандинава-викинга гигант в больших противосолнечных очках и в гражданском охотничьем камуфляже. За спиной у него был рюкзак, а в руках – мягкий чехол для ружей. Выглядел этот человек как берсерк, как специалист по боям без правил, и к этому самолету, к обстановке этой базы... ну никак не подходил.

Он спокойно прошел к ожидающим его машинам, в одной из которых для него открылась дверь. Гигант забросил на заднее сиденье свое снаряжение, потом сам сел в машину – и странная колонна отправилась в обратный путь, к выезду с базы, только когда машины скрылись за ангарами, из самолета начал выходить экипаж...

В черном «Даймлере» седой, как лунь, человек обернулся с переднего сиденья.

– Как дела, генерал? – спросил он.

Скандинав, несмотря на свой совершенно не армейский вид, был не просто генералом, а относился к высшему командному составу и в данный момент руководил ключевым компонентом ВВС САСШ – Стратегическим авиационным командованием. Это был Лерой Томпсон, Болванка, трехзвездный генерал ВВС САСШ. Болванкой его прозвали не потому, что он был болваном, совсем нет. Просто он шесть раз выигрывал соревнования бомбардиров – больше, чем кто-либо другой, находящийся на действительной службе. Соревнования проводились ежегодно на базе US AFB Barksdale, основной точке базирования тяжелобомбардировочной авиации САСШ. Заключались соревнования в том, что нужно было метнуть имитирующую бомбу бетонную болванку точно в центр выложенного на земле белого круга, причем сделать это с летящего на высоте в несколько километров тяжелого бомбардировщика. У генерала Томпсона, в молодости и впрямь увлекавшегося игрой в баскетбол, было «чувство мяча». Играя в баскетбол, он научился мгновенно просчитывать траекторию мяча и выбирать точный момент для броска по корзине. А если умеешь это – то выбрать момент для нажатия на кнопку бомбосбрасывателя не так уж и сложно.

Генерал Томпсон прибыл в Великобританию нелегально. Официально он явился сюда с инспекционной проверкой, а если бы началась ревизия – то дотошный ревизор выяснил бы, что генерал прилетел на служебном самолете ВВС САСШ для того, чтобы поохотиться в Великобритании. Тем самым он использовал вверенное ему федеральное имущество для личных потребностей, за что, конечно же, заслуживает строгого взыскания. Но истинная цель визита вряд ли кому-нибудь когда-нибудь станет известна.

Между тем она заключалась в том, что у генерала Томпсона возникла проблема. И проблема эта называлась «зеленые», или «зеленые козлы», так их величали в армии. В последнее время в мире становилось все больше и больше людей, озабоченных охраной окружающей природной среды, а из них выделялись люди, готовые пойти на многое, даже на террористические акты, для того, чтобы защитить природу. И одним из самых раздражающих факторов для «зеленых козлов» были ядерные испытания. А у генерала Томпсона, поскольку он командовал не только ядерными средствами, базирующимися на дальних бомбардировщиках, но и

всеми межконтинентальными баллистическими ракетами САСШ¹ – голова из-за этого болела больше всего.

Раньше ведь как было? Первые атомные заряды испытывались очень просто. Занимался этим обычно флот. Просто брали два корабля – военный эсминец и исследовательский. Выходили в Тихий океан, искали небольшой атолл. Наспех проверяли, нет ли там кого. Потом закладывали заряд и взрывали. Иногда заряд не взрывался, иногда получался «пшик», то есть мощность заряда в тротиловом эквиваленте оказывалась на порядок ниже расчетной. Иногда взрыв был такой, что задевало и корабли – то есть мощнее запланированного. Еще построили полигон в Неваде – там взрывали прямо в пустыне, а туристы, приехавшие поиграть и попытать удачу в городе греха, выбирались за город – поглазеть на все это. Имелись даже специальные туристические смотровые площадки и очки продавали наподобие сварочных, потому что напрямую на вспышку смотреть нельзя.

Сейчас уже, конечно, многое изменилось. Испытательные ядерные взрывы в воздухе, в космосе, на открытой земной поверхности теперь категорически запрещены. Оставались две стихии – толща воды, но там была проблема с установкой измерительной аппаратуры, и глубокие заброшенные шахтные выработки. Однако «зеленые» протестовали и против этого, они пытались прорваться на территорию особо охраняемых объектов, приковывали себя наручниками к ограде, устраивали пикеты на КПП, преследовали военных и гражданских специалистов так, что невозможно было работать. Недавно произошел вопиющий инцидент – один из «зеленых» прорвался на объект незадолго до намеченного испытания, попытался ударить специалиста по безопасности ВВС палкой, и тот применил оружие. Все это, естественно, раздула пресса, с большим трудом удалось отмазать сержанта, просто исполнявшего свой долг, от обвинения в убийстве, и на всякий случай, обляпанный грязью с головы до ног, военный министр запретил проведение ядерных испытаний на всем Северо-Американском континенте.

А взрывы были нужны. Очень нужны! Из-за запрета на проведение ядерных испытаний срывалось начало производства и принятие на вооружение «ядерного оружия двадцать первого века», в том числе тактического, которое можно будет применять в обычном бою. В этом научном направлении САСШ шли на шаг впереди всех остальных держав мира.

Ведь в чем заключается проблема ядерного оружия? Вовсе не в чудовищной разрушительной силе, ученые уже в семидесятые годы создали ядерные взрывные устройства, уместяющиеся в габарит крупнокалиберного артиллерийского снаряда. И разрушительная сила этих снарядов была такой, что они годились именно для массового применения, даже в бригадном тактическом звене. Проблема ядерного оружия крылась в одном из его поражающих факторов – в проникающей радиации.

При ядерном взрыве проникающая радиация дает примерно десять процентов поражающей мощи, для сравнения, ударная волна – пятьдесят процентов. Но это при самом взрыве. А потом – проникающая радиация делает безжизненной землю на многие годы, причем поражает она всех без разбора – не только солдат противника, но и своих солдат. В итоге получается – какой смысл воевать за территорию, которой потом сам же не станешь пользоваться? Вот и пришли к тому, что ядерное оружие – на которое тратились гигантские доли военных бюджетов, – никак не использовалось и не приносило никакой выгоды в бою. Просто оно находилось – на складах, на носителях – как сдерживающий фактор, и не более того.

Но североамериканские ученые совершили в последние годы самый настоящий прорыв в области радиоактивных элементов. Им удалось создать устройства, которые при взрыве дают только короткоживущие изотопы, с периодом полураспада максимум несколько часов. В итоге появилась возможность применять ядерное оружие как обычное – и уже через несколько часов

¹ Это действительно так, в САСШ нет такого понятия, как «ракетные войска стратегического назначения», все ракеты относятся к ведению Стратегического авиационного командования US STRATCOM. (Прим. автора.)

вводить на пораженную территорию собственные военные части без какой-либо защиты от радиации. Это был прорыв, грозящий в очередной раз полностью отринуть все, что человечество знало о войне, и полностью изменить саму войну. Удар всего одного крупнокалиберного снаряда мог вывести из строя целый танковый полк противника, уничтожить целую военную базу. Это было абсолютное оружие – и оно на данный момент имелось только у Североамериканских соединенных штатов.

Проблема возникла только в проведении комплекса испытаний. Без положенного числа испытаний ставить подозрительные боеголовки на ракеты стал бы только безумец.

Хотя Великобритания и Североамериканские соединенные штаты были союзниками, в таком деле – союзников нет и не может быть. Поэтому перед этим визитом РУМО² вместе с АНБ³ более полугода вели изоощренную дезинформационную операцию. Целью этой многоступенчатой операции прикрытия было получить у британцев нужный полигон для испытаний, при этом не дать им возможность заполучить ключевые технические решения нового оружия. Поэтому в группу, отвечающую за подготовку операции с североамериканской стороны, были включены установленные британские агенты – несмотря на декларируемое союзничество, и Великобритания, и Североамериканские соединенные штаты постоянно следили друг за другом. Включены в состав группы подготовки эти агенты были исключительно для того, чтобы через них передавать дезинформацию британской разведке. Первый этап дезинформации заключается в том, что североамериканцы вообще не испытывают ничего принципиально нового, что речь идет исключительно об усовершенствовании зарядов в плане надежности и технологичности изготовления. Контролировать прохождение и усвоение британцами дезинформации должны были кроны в структуре самого британского министерства обороны, а также Секретной разведывательной службы, передавало эту дезинформацию АНБ. Если этой дезинформации оказывалось мало – в ход шел второй этап дезинформационной операции, за который отвечало РУМО. АНБ к нему не имело никакого отношения. Британцам в этом случае удавалось узнать о новом оружии североамериканцев – вот только технические и конструкторские решения этого оружия им передавались заведомо тупиковые, отрабатывая которые они лишь зря потратили бы время. В случае, если и этого оказывалось мало, – вступал в действие еще один план – экстренная эвакуация североамериканцев с подконтрольной британской территории, с уничтожением или вывозом готовых изделий. При необходимости к обеспечению эвакуации привлекался отряд спецназа морской пехоты САСШ с находящегося в Индийском океане авианосца «Хьюго Лонг».

Дезинформационная операция получила кодовое название «Чужой флаг». И генерал Лерой Томпсон сейчас выполнял первую фазу операции, войдя в контакт с британцами...

– Ужасно, сэр... – с жутким североамериканским, режущим тонкий британский слух акцентом ответил генерал, – моя задница за время полета стала каменной.

– Насколько мне известно, – улыбнулся сэр Томас Галифакс, постоянный заместитель министра обороны, – вам приходилось перелетать океан и в более худших условиях, сэр.

– Это верно. И не раз. Но кресло бомбардира в «Б52», пусть оно и не такое мягкое, как диван в комнате отдыха, как-то... роднее, что ли...

Обе стороны – и гость, и хозяин рассмеялись...

Причиной, почему на контакт пошел именно генерал Томпсон, стала психология. Британцы, особенно их аристократия, были ужасными снобами, до сих пор они воспринимали

² РУМО – Разведывательное управление министерства обороны.

³ АНБ – Агентство национальной безопасности, занимается перехватом и дешифровкой данных, контролирует систему «Эшелон».

американцев как бывших обитателей колоний, людей недалекого ума. Генерал Томпсон всеми силами поддерживал в хозяевах встречи это впечатление, выставляясь придурковатым, недалеким военным, помешанным на охоте и баскетболе. Мало кто знал, что генерал являлся доктором философии и защитил диссертацию по военному применению теории игр. Еще он писал статьи в военные журналы – под псевдонимом.

Генерала привезли в один из старинных охотничьих замков. Были просто замки, а были охотничьи. Седой, чопорный, типично британский дворецкий,двигающийся так, будто проглотил палку, отвел генерала в его апартаменты на втором этаже замка. До ужина – британцы ужинают очень поздно – оставалось больше часа, поэтому генерал бросил свои вещи в угол и начал оглядываться. Как его и предупреждали – отопления нет, смесителя на раковине тоже нет. Голые камни, покрытые каким-то бурым дерьмом, – XVII век. Генерал вырос в веке XX, в стране, где почти не было истории, – и мог засвидетельствовать, что даже в квартире, к примеру, в Южном Бронксе, намного уютнее.

Вздыхнув, генерал начал распаковывать армейский спальник – в нем можно с комфортом устроиться даже в лесу...

Конечно же, сразу решать глобальные проблемы не стали. Вечером все собрались на ужин. Ужинали при свечах, ели жесткое, подкопченное кабанье мясо и пили весьма недурственный, с дымком, виски. Ужин проходил в старинном помещении с очень высоким потолком, подпираемым закопченными балками. На стенах висели какие-то картины, но из-за слабости освещения генерал разглядеть их не смог. Британцы держались подчеркнуто вежливо, подливали ему виски, но генерал пить его не спешил. Разговоры шли на совершенно нейтральные темы – об охоте и о женщинах. Спать генерал лег в армейском спальнике, от жаровни с углями отказался...

Утром он проснулся в шесть от истошного рева охотничьей трубы. Странно, но несмотря на выпитый вчера виски голова была светлой. Прокляв все на свете, генерал вылез из спальника, хлебнул ледяной воды из стоящего рядом с кроватью кувшина и начал одеваться.

Одевшись, генерал вышел на площадку перед замком, умудрившись не заблудиться в его коридорах. Солнце еще не взошло, но ночь отступала, был какой-то серый рассвет, освещаемый лишь горящими факелами. На площадке перед замком фыркали, ржали, переступали с ноги на ногу кони. Генерал с ужасом подумал, что до места охоты ехать придется верхом – держаться на лошади он не умел совершенно...

– Генерал Томпсон!

Сэр Томас звал его из какой-то... повозки или кареты с верхом... в нее были запряжены две лошади, а правил ими не кучер, а тот, кто и сидел в этой самой повозке. Генерал двинулся на зов, все с удивлением смотрели на его камуфлированный длинноствольный «ремингтон». Такое оружие здесь использовать не принято, а другого у него не было.

– Что это?

– Это шарабан. Залезайте, пора ехать.

Подвеска шарабана – ржавые рессоры – генералу уверенности не внушила.

– Э... а он меня выдержит?

– Выдержит, залезайте же... – с нотками нетерпения повторил сэр Томас.

Генерал, схватившись за какой-то поручень... или как это здесь называется... полез в шарабан, уместился рядом с сэром Томасом. В шарабанае оказалось на удивление удобно, на сиденьях были мягкие кожаные подушки. Сэр Томас сделал какое-то странное движение вожжами, что-то крикнул – и шарабан медленно двинулся, покачиваясь на неровностях и скрипя, но в то же время плавно.

– Как вам? – крикнул сэр Томас.

– Необычно, – признал генерал, – и медленно.

– Медленно. Это традиционная охота, она сохранилась только здесь. Некоторые из нас охотятся на кабана с «веблеями» прошлого века выпуска!

У генерала был новенький вороненый «ругер редхок» сорок четвертого калибра, заряженный усиленными охотничьими патронами, – и то он ждал этой охоты с опаской. Потому и взял с собой «ремингтон» с картечью – на всякий случай. Представить же, что у кого-то хватает ума охотиться на кабана с револьвером, которому век от роду, было выше его понимания.

– У нас тоже иногда охотятся с дульнозарядным оружием!⁴ – вежливо ответил он.

– Это хорошо. Традиция – суть и смысл охоты!

Шарабан неспешно продвигался к месту запланированной охоты, вокруг скакали лошади, всадники придерживали их, чтобы поддерживать одинаковую скорость с шарабаном.

– Егеря обложили просто великолепного кабана, – продолжал рассказывать сэр Томас. – Он уже заporол одну охотничью собаку и сейчас пережидает в буреломе. Егеря всю ночь жгли костры, чтобы он не сбежал.

Генерал помрачнел. Встретаться накоротке с таким зверем и без винтовки – дело скверное. А вооружение его соседа по шарабану наводило на еще более мрачные мысли – что-то похожее на обрез двухстволки, на широком кожаном поясе, на котором один к одному примостились большие, тупоносые патроны...

– А вы пойдете с этим? Что это такое?

– Это «хаудах»⁵. Еще от моего прадеда, он долго жил в Индии, и один раз этот «хаудах» спас его от разъяренного тигра. Похоже, почти приехали...

Шарабан съехал с более-менее наезженной дороги, покатил по неровному лугу. Изрезанной, неровной темной линией на горизонте вставал лес...

У самой кромки леса через каждые несколько ярдов горели костры – яркие, совершенно бездымные. Солнце еще толком не встало, и выглядело это так, как будто за лесом что-то горит, такое багрово-красное зарево, высвечивающее кромку леса. Сам лес выглядел угрожающим, понизу ничего не было видно.

Сэр Томас, бросив вожжи, выскочил из шарабана, начал что-то негромко обсуждать с подбежавшими егерями. Рядом спешили остальные всадники, кто-то собирал лошадей, вел их в сторону. Люди смеялись, лязгали оружием, весело переговаривались...

Из шарабана вылез и генерал. Что происходит, он не понимал.

Переговорив с егерями, сэр Томас повернулся к нему.

– Кабан не вышел из подлеска, он где-то там. Мы идем прямо сейчас, пока не поздно.

– Куда идем? – недоуменно спросил генерал.

– В лес, куда же еще.

Генерал посмотрел на лес, на густой подлесок, где видимость была – буквально метров пять-семь перед собой. С ружьем в такой густой подлесок соваться бесполезно, там с этой дурой просто не развернешься, стволом зацепишься за ветки. Господи, да они совсем рехнулись – когда они выйдут на кабана, у них будет буквально пара секунд...

– Это безумие. Там же ничего не видно. Солнце еще толком не взошло.

– Солнце скоро взойдет. Пойдем парами, вы со мной, генерал, – с этими словами сэр Томас протянул руку, и егеря вложили в нее два фонаря, на вид весьма старых, годов сороковых выпуска или даже раньше.

Пронзительно завывла егерская труба, подавая сигнал к началу охоты...

⁴ На самом деле так охотятся, потому что с дульнозарядным оружием сезон охоты открывается раньше, а закрывается позже. Автор видел даже винтовку «AR-15», переделанную под дульнозарядную.

⁵ «Хаудах» – двухствольный нарезной пистолет, заряжающийся патронами очень крупного калибра. Применялся как запасное оружие при охоте на слонов.

Уже на первых метрах генерал понял, что совершил большую глупость, согласившись на все это. Генерал охотился на оленя, всегда покупал лицензию и любил это дело – но он стрелял в оленей из винтовки, а не из револьвера, да и кроме того – он всегда находился на каком-то расстоянии от оленя и имел чистую линию прицеливания. Здесь же лес был сильно захламлен валежником – видимо, его специально не убирали, потому что кабаны как раз такие места любят. Фонарь пробивал сумрак метров на десять, не больше, и светил довольно тускло, это тебе не аккумуляторный Maglite и тем более не охотничий прожектор. Треск валежника под ногами, когда они продвигались вперед, должен был известить кабана об их подходе и дать ему время для того, чтобы подготовиться к атаке. Атаковать для кабана – дело довольно простое. Они шли по лесу широкой цепью с минимальным интервалом между стрелками, у каждого – либо крупнокалиберный револьвер, либо такой же обрез, как у сэра Томаса. Кабану всего-то оставалось – залечь в густом подлеске и внезапно рвануться вперед, когда расстояние от его лежки до стрелков сократится метров до десяти. Генерал не был специалистом по кабанам и никогда на них не охотился, но подозревал, что кабан животное опасное и на рану крепкое.

Кабан вышел прямо на них, и вышел неожиданно. Он уже был испуган егерями и поэтому достаточно зол, а лучи света, гуляющие по лесу, и вовсе привели зверя в ярость. Более того – кабан был опытным, один раз уже сумел уйти от охотников и запомнил, как он это сделал. Подчиняясь инстинкту, кабан залег в гуще валежника, прислушиваясь, а главное – принявшись к тому, что происходит. У этого кабана, как и у всех его сородичей, было не слишком выдающееся зрение – зато он хорошо слышал, а нюх у него был просто превосходным. Он уловил запах, запах человека – дым, кожа, еще какая-то дрянь. И когда люди подошли совсем близко – он рванулся вперед, сметая все на своем пути...

Когда-нибудь охотились на кабана? Если да, тогда представляете, насколько опасна эта охота. Даже на британского кабана, который будет полегче, чем русский. Хороший кабан весит далеко за сотню килограммов, его тело сильно напоминает таран – его таким сделала сама природа, потому что кабану часто приходится пробираться через густой подлесок. У взрослого кабана плотный слой жира – калкан – таков, что его не всегда возьмет даже автоматная пуля. А клыками кабан может запросто пропороть незадачливого охотника так, что не зашьет ни один врач. И еще – живучесть кабана просто феноменальна – все жизненно важные органы прикрыты толстым слоем плотного жира, как броней, попасть по стремительно мчащемуся в подлеске кабану очень сложно, но даже с пробитым пулей сердцем кабан может пробежать до пятидесяти-семидесяти метров. И не дай господь оказаться у него на пути.

Целью атаки кабан выбрал сэра Томаса – от него пахло кубинскими сигарами, одну из которых он выкурил не далее чем вчера – и обладающий тонким обонянием кабан навелся на этот запах, как тепловая головка самонаведения ракеты – на самолет. Внезапно впереди затрещали кусты, и что-то темное с визгом метнулось вперед. Генерал первый раз участвовал в охоте на кабана, но охотником он был изрядным, и реакция у него была – поэтому он вырвал пистолет из кобуры и начал раз за разом стрелять в черное пятно, с треском рвущееся через валежник...

Револьвер опустел, в голове шумело, от отдачи болела рука – первый раз он выстрелил, не обхватив как следует рукоять револьвера, и отдача едва не вывихнула большой палец. «Сорок четвертый» «магнум» вольностей не прощает. Чуть в стороне от него что-то мокро хрипело и хлюпало, в голове мутилось...

– Сэр Томас...

Молчание. По лесу шарят фонари, остальные охотники собираются к месту стрельбы.

– Сэр Томас...

Неужели...

– Сэр Томас!

– Поднимаюсь... все в порядке.

Подожли остальные охотники, они о чем-то переговаривались, но генерал не понимал, о чем, – так болела голова. Кто-то направил луч фонаря на кабана – кабан лежал на боку, из ран едва сочилась черная кровь, кабан мокро хрипел, не в силах встать...

– Добейте...

Генерал недоуменно уставился на остальных.

Поняв, что американец находится в шоке, кто-то осторожно подошел к кабану почти вплотную, приставил дуло старинного револьвера куда-то за ухо. Гулко громыхнул выстрел, кабан визгнул и затих. До сэра Томаса он добежал и даже сшиб его на землю, но добить, растерзать его клыками не смог.

– С охотой, сэр!

Господи... Да они же тут психи все поголовно.

Кто-то затрубил в рог, вызывая егерей, – тушу кабана надо было вытаскивать из этой чащобы. Какая-то добрая душа сунула генералу в руку открытую фляжку, тот сразу выхлебал все, не чувствуя ни вкуса, ни запаха. Начало отпускать, он засунул пустой револьвер в кобуру.

– С охотой, сэр... – повторил кто-то.

В честь героя дня охотники трижды крикнули «Хох!» – эта традиция была перенята у европейских королевских домов. Затем двинулись на выход из чащобы – генерал уже немного отошел и теперь удивлялся, как он вообще согласился на такую авантюру – лезть в этот проклятый лес за кабаном с одним револьвером. Сэр Томас шел, прихрамывая и опираясь на чью-то руку, но при этом буквально излучал довольство.

Точно – психи...

Навстречу, весело переговариваясь, пошли егеря, провели под уздцы упирающуюся лошадь. Двое тащили за уздцы, третий что есть мочи хлестал коротким кнутом – лошадь чувствовала запах крови, запах дикого зверя и не шла, а вытаскивать тушу было нужно. Уже совсем рассвело, и солнце щедро осветило лесную опушку, играя лучами в зеленой траве. На опушке, у самой кромки леса, егеря уже расставили складные стулья из каких-то палок и плотной зеленой материи, разожгли костер и сейчас вешали над огнем котлы. Чуть в стороне поставили большой тент – для тех, кто хочет скрыться от солнца. Еще чуть дальше стоял шарабан, а в нем сидел человек с коричневым саквояжем – по всей видимости, доктор, на всякий случай.

– Поздравляю вас с охотой, – сэр Томас подошел к генералу Томпсону, – если бы не вы, кабан разорвал бы меня своими клыками.

– С вами все в порядке?

– О, вполне. Кабан просто сбил меня с ног. Все пройдет...

Охота затянулась до двух часов дня. Отведали свежей кабаньей печени, приготовленной тут же, причем с кровью. Потом – похлебка со свежим мясом. Тушу кабана повезли в замок – к вечеру ее должны были зажарить на вертеле. О том, что будет с его показателями холестерина в крови, генерал Томпсон старался не думать.

Возможность поговорить о деле выпала только вечером. Насладившись кабаньим мясом с травами, генерал поймал взгляд сэра Томаса – тот едва заметно кивнул и направился в кабинет, дверь в который скрывала толстая плотная портьера. Выждав момент, генерал направился следом, остальные сделали вид, что ничего не заметили...

За портьерой и дверью обнаружился на удивление уютно обставленный кабинет – видимо, это было какое-то вспомогательное помещение, потом его переделали под кабинет, потому что обычно не было такого, чтобы вход в кабинет был из обеденного зала. Впрочем, за темными деревянными панелями могло скрываться сколько угодно помещений – в старинных замках немало потайных ходов-выходов.

Уютно горел камин, отблески пламени высвечивали монументальные ряды книг на полках, висевшую на стенах старинную карту. Над самым камином едва виднелись в темноте два скрещенных рыцарских меча, прикрепленных к стене.

– Виски? – сэр Томас колдовал над баром.

– Нет, спасибо... мне сегодня хватило.

– А я выпью немного. Вы напрасно отказываетесь, генерал, у владельца этого замка есть собственная винокурня в Шотландии, и далеко не все, что там делается, попадает в продажу. Кое-что можно попробовать только здесь...

– Разве этот замок не принадлежит правительству Ее Величества?

– Нет... Мы только его арендуем. Министерство обороны арендует его на время. Обычно летом – это охотничий замок. Вот и я пользуюсь случаем.

Генерал Томпсон представил, что было бы, если бы Пентагон арендовал подобный замок, а потом об этом пронюхала бы бюджетная комиссия Конгресса...

– У вас есть ко мне просьба, генерал? – сэр Томас наконец закончил с напитком, осмотрел бокал на свет, на отблески пламени, отхлебнул из него немного и довольно сощурился.

Генерал потер лоб.

– Я так полагаю, вы представляете характер моей просьбы...

– В общих чертах, сэр... – вежливо, но уклончиво ответил сэр Томас. Генералу внезапно пришло в голову, что сэр Томас хочет определенности, причем определенности вслух, потому что где-то здесь работает диктофон. Говорить на диктофон не хотелось – но и не говорить было нельзя.

– У нас возникла проблема... с гражданами, озабоченными состоянием окружающей природной среды. Их действия становятся все более и более агрессивными, и они имеют большую поддержку наверху. Нормальное проведение испытаний становится невозможным. Черт возьми, я с трудом не допустил судебного разбирательства в отношении парня, который виновен был лишь в том, что сделал то, что должен был сделать!

Сэр Томас Галифакс сочувственно покачал головой.

– Я уполномочен обратиться к правительству Ее Величества с предложением сдать в долгосрочную аренду один из безлюдных островов... или землю в горах Северной Индии... для совместного использования в качестве полигона. Обязательное условие – удаленность, отсутствие местных жителей и...

Сэр Томас поднял руку.

– Достаточно, сэр. Ваша позиция понятна. Со своей стороны я уполномочен заявить, что правительство Ее Величества не может выделить под эти цели какую-либо территорию в пределах метрополии или ее колоний, но...

Сэр Томас повысил голос:

– Правительство Ее Величества готово выдвинуть правительству Североамериканских соединенных штатов встречное предложение. В нашей зоне интересов находится такое государство, как Афганистан, – при этом официально оно не является колонией или доминионом Ее Величества. Вы должны понять нас, генерал, у нас тоже есть проблемы и с прессой, и с экологами. Еще не хватало, чтобы наши экологи узнали о том, что правительство сдало британскую землю для ядерных испытаний иностранному государству, даже дружественному. Но Великобритания готова взять на себя урегулирование вопроса с правительством Гази-шаха, законным, замечу, правительством Королевства Афганистан о предоставлении в бессрочную аренду... скажем, значительной части территории в горах, на которой находятся глубокие пещеры. Или... там есть выработки компании «Англо-Американ», заброшенные шахты, которые могут быть использованы в наших интересах и целях.

Генерал – хоть и не был разведчиком, – но как специалист по военному применению теории игр и командующий войсками стратегического применения, он сразу понял всю опас-

ность этого предложения. Афганистан был одним из худших мест на планете. Это была «серая зона», зона беззакония и слабости власти, причем в таком виде эту территорию поддерживали именно британцы. Им было выгодно нахождение Афганистана в таком качестве, вялотекущая гражданская война здесь серьезно усиливала оборону жемчужины британских колониальных владений Индии от нависшей угрозы с севера. На севере лежала огромная страна, в Туркестане была сконцентрирована мощная ударная группировка войск, предназначенная как для того, чтобы закрыть южную границу Империи, так и для того, чтобы угрожать Великобритании – через Индию, и Японии – через континентальную Японию. Великобритания поэтому-то не брала Афганистан даже в свои доминионы – им он нужен был как щит и буфер. А наличие на территории Афганистана стратегически важного объекта для Североамериканских соединенных штатов автоматически пристегивало САСШ в фарватер британской политики по Афганистану и автоматически противопоставляло САСШ Российской империи в этом регионе.

Ну что за сволочи!..

Надо сказать, что генерал не был англофилом, он не был WASP⁶, он не отсчитывал родословную своих предков от кого-то, кто сошел с «Мейфлауэра», он родился в дерьмовом районе Нью-Йорка, и только армия спасла его от тюрьмы. Сейчас он испытывал чудовищное желание поступить с улыбающимся англичанином так, как было принято поступать в таких случаях в его районе: хук правой – и все дела.

Но поступить так он не мог. Он был генералом североамериканской армии и посланником тех, кто руководил не только североамериканской армией, но и государством в целом. У него была миссия, и он должен ее выполнить – так или иначе.

И поэтому генерал с преувеличенной любезностью, так, что аж скулы свело, улыбнулся сэру Томасу.

– Мы бы все-таки предпочли какую-то другую территорию.

– Сэр, Афганистан – это все, что мы можем вам предложить. Политика правительства Ее Величества на этот счет незыблема – никаких военных баз третьих стран даже наших давних друзей и союзников, тем более военных баз, созданных с целью обеспечения испытаний оружия массового поражения, на территории метрополии или ее доминионов никогда не будет. Это последнее и окончательное предложение.

Генерал снова улыбнулся – так же натянуто и принужденно.

– Боюсь, я не вправе дать вам ответ прямо сейчас, мы рассчитывали совсем на другое. Решение по вашему встречному предложению будет, безусловно, приниматься в Вашингтоне после соответствующих консультаций. Однако, если вы выдвигаете такое предложение, мы должны будем понимать, кому и как будет подчиняться эта база и как будет обеспечена ее безопасность. Сами понимаете – обстановка в Афганистане такова, что меры безопасности потребуются очень и очень существенные.

– Разумный вопрос. Правительство Ее Величества готово предоставить в ваше распоряжение полностью оборудованную передовую базу со взлетно-посадочной полосой, способной принимать самолеты фронтовой военно-транспортной авиации. Эта база выстроена в соответствии с нашим вековым опытом по проживанию в местах... подверженных мятежам и бунтам. Она очень надежна. Что же касается вооружения и персонала базы – мы ожидаем, что Североамериканские соединенные штаты позаботятся об этом сами. Кроме того – мы предоставим офицеров связи, которые при необходимости организуют поддержку базы силами, расквартированными в Северной Индии, или силами правительственных войск Гази-шаха. В свою очередь правительству Гази-шаха необходимо будет оказывать материальную помощь, размеры

⁶ WASP – White Anglo-Saxon Protestant – белый англосаксонский протестант, элита Североамериканских соединенных штатов.

которой можно определить в ходе трехсторонних переговоров. Гази-шах примет помощь деньгами либо вооружением, не думаю, что это окажется обременительным для вас.

А офицеры связи заодно будут соглядатаями и станут совать нос в то, что их совершенно не касается.

– Я передам предложения Правительства Ее Величества в Вашингтон в точности, – уклонился от окончательного решения генерал.

– Вот и хорошо. А теперь давайте покончим с делами и пойдем проверим, изжарился ли до конца окорок кабана, которого сегодня вы так лихо подстрелили.

При планировании дезинформационной операции североамериканцы допустили ошибку. Очень серьезную. Вся игру они рассчитывали на британцев – и не брали в расчет русских, чьи базы находились менее чем в двухстах километрах от планируемого испытательного полигона в Афганистане. Ядерные взрывы на таком расстоянии от собственной территории для русских были неприемлемы. В группу, обеспечивающую прохождение дезинформации, попали не только британские агенты – туда попал и русский осведомитель. Поскольку осведомитель находился в АНБ, не в РУМО, – он мог знать только первый уровень дезинформации, но не второй, которым занималось РУМО. И он передал в Санкт-Петербург ту же самую дезинформацию, что ушла в Лондон, – североамериканцы совместно с британцами собираются устроить в Афганистане полигон для испытаний ядерного оружия. А русских это совсем не обрадовало, и интересы в этом деле у них были совсем другие, нежели у британцев.

Картинки из прошлого

02 июня 1995 года.

Восточнее Санкт Петербурга.

Стеклянный дом

Главное разведывательное управление Министерства обороны Российской империи располагалось в комплексе зданий, построенном в конце семидесятых годов на двадцатом километре трассы Санкт-Петербург – Москва. Это было семиэтажное здание, чем-то похожее на североамериканский Пентагон – только меньше размерами, имеющее три кольца вместо шести и полностью, снизу доверху покрытое зеркальными панелями. Всем разведкам мира, да и журналистам это здание было известно как Стеклянный дом. Места в России было много, поэтому рядом со своим дворцом гэрэушники разбили регулярный парк с беседками, системой речушек и искусственным озером, в котором водилась рыба – зеркальные карпы, которых можно было покормить. Внутренний дворик был полностью накрыт прозрачным куполом, и там, под этим куполом, находился настоящий тропический сад с теплолюбивыми растениями, где можно было отдохнуть и подумать. В отличие от Пентагона рядом со стеклянным дворцом не было ни одной автомобильной стоянки – все они размещались под землей, а тоннель к ним вел прямо со скоростной трассы. Разведотделу Адмиралтейства также предлагали переезд из центра Санкт-Петербурга, но они наотрез отказались, а ГРУ согласилось – и не прогадало.

Сообщение агента ГРУ, проникшего в структуры АНБ САСШ, было в установленном порядке принято станцией системы перехвата и анализа сети «Невод», расположенной в Финляндии. Агент этот был настолько важным и засекреченным, что его вывели из оперативного подчинения вашингтонской резидентуры ГРУ, там про него вообще ничего не знали, а люди, которые его завербовали несколько лет назад, были немедленно отозваны в Россию и переведены в невыездные, на работу в центральный аппарат ГРУ. В его личном деле не было ни фотографии, ни каких-либо установочных данных – только двадцатизначный номер. Сообщения шли только в одну сторону: от агента получателю, ему никогда не давали никаких заданий, он сам выбирал данные, которые могли показаться русской разведке интересными, и посылал их. Посылал он их с анонимного электронного почтового ящика, который менял каждые шесть месяцев по схеме, оговоренной при вербовке. Агент этот занимал очень высокое положение в североамериканском разведсообществе и был известен как большой любитель фотографировать самолеты – такое у него было хобби, плейнспоттинг. Людей с таким хобби по миру немного – но они есть, они торчат возле каждого более-менее известного аэропорта с мощной фото- и видеоаппаратурой, а снимки самолетов посылают на несколько форумов в Интернете или друг другу. Вот и агент – в выходные дни, как и все остальные, свихнутые на этой теме, торчал у аэропорта, делал снимки, а потом посылал их в Интернет. Вместе с выкладыванием снимков выкладывалась информация – на разных сайтах, по кускам, нужно было знать всю последовательность, чтобы получить на выходе информационный пакет. Информация была еще и зашифрована. Для того чтобы расшифровать эту информацию, нужно было иметь исходный код программы шифрования – а он был каждый раз разный, агент скачивал его раз в полгода на одном из ничем не примечательных сайтов, прописанных на Британских

Виргинских островах. Информацию эту получал (после прохождения нескольких стадий анонимизации) куратор, который завербовал агента и продолжал с ним работать, только уже из России – и передавал их на расшифровку. В ответ на переданную информацию ГРУ высылало агенту жалованье, но не на номерной счет в одном из банков Швейцарской Конфедерации, как можно было бы подумать и как обычно делалось при такого рода взаимоотношениях. Жалованье выплачивалось золотыми слитками, которые доставлялись в Майами и закладывались в депозитную ячейку одного из местных банков. Куда девалось потом это золото – русская разведка никогда не пыталась выяснить, потому что это непременно привлекло бы внимание. Так и работал этот канал, без малого уже девять лет. Канал обладал высочайшей степенью надежности: информация по нему поступала первоклассная, а уровень защиты агента был таков, что даже случись североамериканскому кроту проникнуть в святая святых ГРУ – все, что он мог узнать, так это тот самый двадцатизначный номер. Ну и характер передаваемой информации, но он немного мог дать.

Куратор получил очередное послание со снимками примерно в восемь двадцать по петербургскому времени и немедленно передал его на обеспечивающий суперкомпьютер для расшифровки. Для нее потребовалась сорок одна секунда, хотя шифр был предельно сложным. Далее вся информация была передана на распечатку – на каждой станции ГРУ был принтер со скоростью печатания несколько листов в секунду. По распечатке все файлы – и рабочий, и исходный были уничтожены, как это полагалось в соответствии с процедурой, а распечатанная информация наряду с другой отправилась ежедневным утренним рейсом на бронев автомобиле, замаскированном под банковский, в дорогу по направлению к Санкт-Петербургу. Примерно в полдень по местному времени сообщение попало на пост руководителя ГРУ, генерал-полковника Константина Гавриловича Штанникова. В отличие от Пентагона, где чем ближе к внешнему кольцу, тем выше чин людей, занимающих кабинеты, – в ГРУ было совсем наоборот. Кабинет начальника ГРУ располагался на пятом этаже внутреннего кольца здания и выходил окнами на тропический сад, где даже водились бабочки. Сейчас одна из бабочек, ярко-красная, сидела на письменном приборе начальника ГРУ, а сам генерал-полковник во второй раз перечитывал заинтересовавшие его места в сообщении агента.

Прочитав, генерал-полковник недовольно фыркнул. Протянув руку, осторожно взял бабочку – та даже не пыталась улететь, прошел через весь кабинет к окну, открыл его и выпустил бабочку в окно. Круглый год в саду цвели тропические цветы, и их дурманящий аромат нравился генералу. Еще раз прокрутив в голове сообщение агента, он закрыл окно – правила не позволяли держать окна в этих кабинетах открытыми.

– Какого черта?.. – генерал хотел сказать это про себя, но получилось так, что он промолвил это вслух.

Генерал чувствовал подвох и не мог понять, в чем он. Британцы вместе с североамериканцами собрались испытывать ядерное оружие в Афганистане, используя инфраструктуру и возможности частной компании «Anglo-American». Мутное дело...

Генерал вернулся к столу, забарабанил пальцами по клавиатуре – он никак не мог избавиться от привычки бить по клавишам слишком сильно, и клавиатуру приходилось менять раз в месяц. Через минуту с небольшим усилия генерала были вознаграждены – на экране появился текст Вашингтонской конвенции 1976 года об ограничении испытаний оружия массового поражения. Бегло пробежав текст, генерал с удовлетворением убедился, что память его не подвела.

Конвенцией было категорически запрещено одному государству, ратифицировавшему конвенцию, проводить ядерные испытания, а равно испытания любого другого оружия массового поражения в пределах двухсот миль от территории любого другого государства, ратифицировавшего конвенцию. Правило это действовало без исключений и распространялось на все виды территорий, в том числе колониальных, подмандатных и контролируемых любым иным

образом. Следовательно – если Британия собирается испытывать ядерное оружие там, где это указал агент, – тем самым она грубо нарушит запрет, наложенный Конвенцией. А дело это настолько серьезное, что вполне допускает визит со срочным докладом к Его Величеству. Это надо же, придумали – атомный полигон почти у самой границы!

Генерал Штанников собрал все бумаги в папку, снял трубку красного телефона, набрал четырехзначный номер.

– У аппарата... – послышался знакомый голос.

Телефон этот выводил не в приемную, а напрямую на Его Величество, аппараты такие имели на своих столах очень и очень немногие.

– Ваше Величество, генерал Штанников телефонирует. Я имею к вам срочное, не терпящее отлагательств дело и прошу аудиенции.

Государь вздохнул. Он работал *истово*, брал в этом пример со своего пращура Николая Первого. Конечно, насчет наказания городских Его Величество самолично не распорядился – но и дел было столько, что рабочий день иногда затягивался до семи-восьми часов вечера. Не доверяя премьерам, во многие вопросы Государь вникал лично, имел мнение насчет них, приглашал специалистов и беседовал с ними, чтобы лучше уяснить суть вопроса. Он действительно управлял государством.

Приходилось вникать и в дела тайные, в те, о каких бы он предпочел не знать. То, что делали спецслужбы, сама работа спецслужб претила прямой и честной натуре Государя, он предпочитал говорить правду там, где нужно было лгать, и считал, что большая часть несчастий в этой юдоли скорби – от лжи. Но, тем не менее, в дела спецслужб он тоже вникал и никогда не отказывал в аудиенции их руководителям, потому что помнил урок отца: Император должен заниматься не тем, чем он хочет или чем ему приятно заниматься, а тем, чем нужно заниматься для блага государства и каждого из подданных. Точно так же и сейчас – он даже не подумал отказать в аудиенции генералу Штанникову, пожертвовав временем, которое отводил на чтение...

– Через два часа у меня будет свободное время. Вас устроит?

– Вполне, Ваше Величество.

– Тогда жду вас через два часа, – Государь положил трубку.

Положил трубку и генерал Штанников. Окинув взглядом рабочий стол, он начал собираться – входить с докладом к Императору неподготовленным нельзя...

Государь принял его не в рабочем кабинете, а в библиотеке. Выслушал, не задав ни единого вопроса. Когда начальник ГРУ умолк, Император встал со своего места, подошел к открытому окну, из которого открывался прекрасный вид на фонтан. Он должен подумать... и еще он не хотел, чтобы генерал прочитал на его лице то, что он обо всем об этом думает...

В который раз Государь с горечью убедился, что Каха Несторович Цакая, беспредельно циничный и жестокий человек, оказался прав. После бейрутского кризиса он спросил в сердцах: «Пресвятой бог, да когда же это все кончится?..» В кабинете был только Цакая, и Государь вообще-то задавал риторический вопрос, но действительный тайный советник вдруг поднял голову от бумаг и твердо ответил: «Ваше Величество, это не кончится даже тогда, когда наш флаг будет реять над Лондоном»... В который раз он оказался прав...

Как и полагается первому солдату Империи, Государь всегда требовал доставлять ему книги по военному делу и внимательно их читал – благо владел и английским, и немецким. Последним, что он прочитал, была «Непрерывная война», изданная в Британии, явно под псевдонимом. На самом деле, конечно же, это очередной труд ученых из Тэвистока, одного из мировых центров, где разрабатывают и ставят на поток способы манипулирования людьми. Автор на пяти сотнях страниц подробно разбирал способы глобальной дестабилизации обстановки во всем цивилизованном мире, он это называл – «состоянием непрерывной войны». рассмат-

ривалась теория создания и поддержания зон «управляемого хаоса» – как метод выстраивания обороны страны и создания проблем противнику. Упоминался и главный противник – нетрудно догадаться, – какая страна имелась в виду.

А теперь еще ядерные испытания? Это что – проверка? Отреагируем – нет?

Государь повернулся от окна.

– Я так понимаю, это нарушает некие международные договоренности?

– Совершенно верно, Ваше Величество, я...

Государь поднял руку, прерывая.

– Не стоит напоминать. Положения Вашингтонской Конвенции я помню. И если британцы не считают нужным соблюдать какие бы то ни было нормы цивилизованного поведения в отношении нас – мы тоже снимем перчатки и выйдем на ринг. Высочайший рескрипт, официально поручающий вам операцию противодействия, я оформлю завтра, на имя министра. Эти ядерные испытания вплотную к нашей границе состояться не должны...

02 июля 1996 года.

Лондон, Великобритания.

Киссбери-роад, Тотенхэм.

Публичная библиотека Святой Анны

Публичная библиотека Святой Анны – из небольших и тихих, хотя и расположена недалеко от центра Лондона, в Тотенхэме. Очаровательное двухэтажное здание постройки начала века на углу улицы, темно-коричневый кирпич, зеленые, аккуратно подстриженные кусты, старомодные витражные окна. Такие здания могут строить только в Великобритании, другие как ни стараются – не получается.

Среднего роста старичок в старомодном костюме и очках с толстыми линзами – минус пять как минимум – неспешно вошел в холл, помахивая старинной, темного дерева с набалдашником из почерневшей от времени меди, палкой. Церемонно раскланялся с библиотекаршей, сдал в гардероб армейского образца плащ с висящими на плотной ткани бриллиантами капле – с утра зарядил дождь. И неспешно прошествовал в отдел прессы. Хотя записался в библиотеку он всего пару недель назад – как-то так получилось, что он настолько органично вписался в окружающую обстановку, что спроси любого сотрудника библиотеки – и он будет до хрипоты уверять вас, что мистер Мандель – настоящий джентльмен викторианской закваски, ходит в публичную библиотеку Святой Анны уже лет двадцать как минимум. Нет, что вы, что вы – тридцать...

Первым делом мистер Мандель прочитал вчерашние газеты – свежие еще не привезли. А в прессе он придерживался исключительно консервативных изданий – читал «Дейли Телеграф» и «Бритиш Уикли Газет». Читал он всегда обстоятельно, всматриваясь в каждую колонку, иногда возмущенно фыркая от написанного.

Когда стрелка старых часов в читальном зале минула цифру «десять», мистер Мандель оставил газеты на столе, там же на стуле оставил и трость, чтобы показать, что место занято, и неспешно отправился в... уголок размышлений и уединения для джентльменов – понятно, дело стариковское...

Однако на первом этаже он свернул не налево, в узкую и длинную кишку коридора, ведущую к туалету, а направо. Там, к вящему неудовольствию постоянных посетителей библиотеки, открыли компьютерный зал – по настоянию правительства, черт бы его побрал! Если кто-то хочет портить глаза, читая с экрана – так пусть покупает компьютер домой и читает. Любой сотрудник библиотеки сильно бы удивился, завидев мистера Манделя здесь – это разрушало образ.

Дав служителю, присматривающему за залом, четверть фунта, мистер Мандель занял крайний к стене компьютер – его неоспоримым достоинством было то, что если сесть перед ним, загородив экран собой, то никто ничего не увидит. Впрочем, и следить никто не следил – порнографические сайты с компьютера публичной библиотеки открыть нельзя, и зритель просто принимал плату и следил, чтобы ничего не украли и не испортили.

Сначала мистер Мандель прошелся по почтовым серверам, прочитал письма, пришедшие на почтовые ящики, но ни на одно не ответил – этот канал связи действовал только в одну сторону. Затем неспешно достал из кармана старомодные золотые часы «луковицей», на золотой же цепочке, взглянул. Пора...

Вошел в один из чатов – им обычно пользуется молодежь. Его собеседник – он взял себе кличку Бухгалтер, bookkeeper был в числе активных пользователей. Мистер Мандель довольно улыбнулся, нажал мышкой на кнопку приватного чата...

– Как здоровье?

– Не жалуюсь... – мгновенно появился на экране ответ.

– Где?

– На девять часов. Желтая куртка.

Старик закашлялся, доставая платок, скосил глаза, но ничего, кроме желтой куртки, на указанном месте не обнаружил. Все правильно. Если человек надевает что-то яркое и необычное, то запоминают его именно по этому, необычному. Если через несколько часов попросить зрителя описать того, кто сидел на этом месте, он скажет: «Желтая куртка». И все. Не приметы, не возраст – желтая куртка, и точка. А если ее снять – человек буквально растворяется среди себе подобных...

– Дело?

– Сделано.

– Уверен?

– Сто.

– Осложнения?

– Там были люди.

– Кто?

– Мистер Бобби. Не местные!

Полицейские!

– Они тебя видели?

– Нет.

– Точно?

– Точно. Концы зачищены.

– Ты первый нашел объект?

– Нет. Они. Я с трудом успел.

Плохо... Но останавливать операцию нельзя даже в таких обстоятельствах.

– Опиши.

– Оба молодые. Примерно одного роста – чуть выше среднего, где-то около шести футов. Один светловолосый, другой темноволосый. Командовал темноволосый. Прошли специальную подготовку.

– Уверен?

– Да.

Грей и... тот, к кому его прикомандировали. Большие некому.

– Работай дальше. Время на исходе.

– Один из тех бобби мне знаком.

– Откуда?

– Он русский. Я его узнал.

Мандель, несмотря на всю его выдержку, вздрогнул. Русский!

– Откуда?

– Бейрут. Он был там. Старший лейтенант флота Александр Воронцов. Он снайпер, действовал в Бейруте.

– Ты СОВЕРШЕННО уверен?

– Уверен. Я хорошо его разглядел.

– Который?

– Темноволосый.

– Понял. Ничего не делай. Я с этим разберусь.

– Понял. Газета. Прощай.

– Прощай.

Человек в желтой куртке ушел, а мистер Джозеф Мандель молча, словно в оцепенении, сидел, глядя на экран. Все было настолько невероятно, что не укладывалось в голове. Пропал Преторианец, перестал выходить на связь. Пропал и Кросс. Одно из наиболее вероятных мест, где они оба могли находиться, – Дублин. Там они могли искать полковника – судя по всему, и нашли.

Что они узнали? Что им успел сказать полковник? Полковник был крепким орешком – не из тех, кто колется. Неужели раскололи?

Проклятье...

Старик аккуратно стер из памяти компьютера весь диалог, выключил чат, поднялся со своего места. Проходя мимо ряда компьютеров и направляясь к выходу, мистер Мандель незаметно подхватил свернутую газету, которую оставил предыдущий посетитель. Тот самый, в желтой куртке. Газета была свернута в плотную трубку, так он ее и засунул под мышку. Служитель ничего не заметил...

Из компьютерного зала он направился в туалет. Он чувствовал себя плохо – так плохо, как давно, уже несколько лет, себя не чувствовал. Мутило. Перед глазами расплывались, переливаясь всеми цветами радуги, круги...

В туалете, как и в любом подобном общественном месте, убираемом раз в день по вечерам, запах дешевого освежителя воздуха не мог перебить нормального, обычного для таких мест запаха – мочи, дерьма, хлорного моющего средства. Мандель, почти не видя ничего перед собой, ткнулся в ближайший, отгороженный пластиковыми перегородками закоулок, хлопнул за собой дверку, запер. Сел – прямо в костюме, не доставая из специального ящика бумажное одноразовое сиденье, – на стульчак, бросил рядом газету. Достал из внутреннего кармана пиджака небольшой металлический цилиндр, непослушными пальцами открыл его, вытряхнул в ладонь две белые крупинки, отправил в пересохший рот. Замер – прижавшись к стене и ничего не видя перед собой...

Через несколько минут отпустило...

Подобных приступов у бывшего директора Британской секретной разведывательной службы не было уже много лет – последний случился, когда он еще занимал свою должность. Тогда он чуть не умер. И он решил для себя – хватит. Старушка Великобритания не стоит того, чтобы гробить себя. Решил – и неожиданно для многих подал в отставку. Ни в Шотландии, куда он уехал попервоначалу, ни на Сицилии, куда он перебрался потом, такие приступы не

повторялись – закружится на мгновение голова, и все. А тут, похоже, организм решил напомнить о себе...

Власть...

Власть – это не ноша, и не привилегия, и не ярмо. Власть – это тяжелый наркотик, от которого невозможно отвыкнуть. Сэр Джеффри Ровен познал это в полной мере.

Он ведь пытался. Честно пытался все забыть. Как-то раз он целый месяц не включал компьютер – пытаясь с мясом, с кровью вырвать из себя ту жизнь, которой он раньше жил. И выдержал месяц, потом еще несколько дней – а потом включил.

Потому что он был избранным.

Или приговоренным.

А вернее всего – проклятым. Проклятым и обреченным на тайную власть. Он был обречен, как паук, – ткать паутину для других людей, – но разве сам паук не заложник своей паутины? Разве он может жить вне паутины?

И когда его ученик приехал к нему и сделал предложение, от которого невозможно было отказаться, – он и не отказался. Мог бы отказаться – бросить все, запутать следы и исчезнуть, раствориться, подобно глубоководной рыбе в темных глубинах океана. Африка. Центральная или Латинская Америка. Даже Россия – там он запросто сошел бы за русского – навыки остались, знание языка и привычек есть.

Просто от власти невозможно никуда уйти. И от игр разведки – тоже, раз начав, ты уже никогда не остановишься. Если уж ты переродился, ты привык жить в глубине, под чудовищным давлением толщи воды – жить на поверхности ты уже не сможешь. Глубоководные рыбы у поверхности не выживают...

Когда отпустило, старик осмотрелся по сторонам. На белой пластиковой стенке туалета черным маркером было криво написано послание. Послание будущим поколениям...

Drugs, brutal sex, rock-n-roll.

Наркотики, жесткий секс, рок-н-ролл...

Старик нащупал лежащую на грязном полу газету, которую он выронил, развернул ее, поднес к глазам – очки ему были не нужны, очки он одолжил у Колина – они только с виду выглядели внушительно, на деле там стояли нормальные стекла.

Газетка называлась «The Irish Sun», «Ирландское солнце». Ответвление самого знаменитого таблоида⁷ всех времен и народов – британской «Sun». Тонкая пачка бумаги желтоватого цвета, на которой убористым шрифтом, с фотографиями, во всех омерзительных подробностях расписывались все скандалы, произошедшие в Соединенном королевстве за неделю. Материалы были самыми разными – привидения в замках, измены в королевской семье, гомосексуальность одного из ведущих модельеров. Все это обсуждалось со всеми непристойными подробностями, часто – и с «фотографиями», большую часть которых сляпали в фотопопе. Была здесь и криминальная хроника.

Мандель подумал, что где-где – а в России такой газетенке точно не будет места. В Российской империи за клевету могли наказать публичной поркой – а тут в каждом номере ее было столько, что пороли бы всю редакцию...

Не все в Российской империи было плохо.

Криминальной хронике посвящались два листа. Старик бегло пробежался по броским заголовкам – как вам нравится, например: «Знаменитый грабитель банков изнасилован и убит сокамерниками» – и наконец нашел...

Жестокая перестрелка в окрестностях Дублина. Британский САС действует в Ирландии?

⁷ Желтая пресса, газета с грязными слухами, сплетнями, непристойными фотографиями, скандалами.

Информации в статье было мало – видимо, Гарда засекретила все, что только можно. Впрочем, «Sun» это никоим образом не смутило, как всегда, недостаток информации они заменили слухами и домыслами. Единственно, что было понятно, – убит один из высокопоставленных членов партии Шин-Фейн, перед смертью его пытали. Как, где, кем убит, удалось ли задержать или хотя бы опознать преступников – ничего этого не было. Судя по тому, что скандал на межправительственном уровне до сих пор не разразился, – задержать не удалось никого. Еще намекали на то, что при попытке задержать преступников потери – непонятно, то ли убитыми, то ли ранеными – понесла и Гарда. Как всегда – вранье.

Дальше шел обычный в этой газете бред. По словам корреспондента, ему удалось проникнуть в самый центр специальных операций Великобритании – в казармы Геррефорда (скорее всего, это был один из баров в окрестностях Геррефорда, где любят собираться спецназовцы), там он поговорил с кем-то из командования (скорее всего, в этом баре он задавал слишком много вопросов, за что ему начистили морду и вышибли оттуда), и это командование строго неофициально признало, что операции в Ирландии действительно ведутся и целью их является ликвидация высшего командного состава ИРА. Эта операция пошла не совсем так, как это изначально планировалось, но оперативникам все же удалось выполнить задание и скрыться. Завершалась сия статейка патетическим призывом к парламенту создать комиссию по расследованию незаконных действий спецслужб (видимо, морду набили сильно)...

Конечно, в этой статье много домыслов, но были и крупницы истинной информации – статью, на сто процентов лживую, не стала бы публиковать даже такая помойка, как «Sun».

Итак, что же там произошло?

Была перестрелка – скорее всего, была. Насчет потерь в Гарде это еще вопрос, но перестрелка была.

Избиение, пытки – скорее всего тоже правда. Грью и Кроссу, вероятно, удалось захватить объект и получить от него некую информацию. Какую – непонятно, но полковник вполне мог расколоться. Это когда ты стоишь и смотришь, а на глазах у тебя распинают или расчлениают человека – вот тогда ты крутой и сильный. А вот когда тебя захватывают в плен и пытаются спецназовцы, обученные методам «проведения экспресс-допроса в полевых условиях», да еще эти спецназовцы успели соприкоснуться с тем, что происходит ежедневно в Белфасте, Дерри и других городах Северной Ирландии, – вот тогда птицей запоешь. Соловьем певчим.

Скорее всего, полковник раскололся. Если даже не раскололся, все равно надо предполагать худшее. В разведке иначе нельзя.

А это значит – что и Грей, и Кросс знают куратора полковника. Доказать они ничего не смогут – полковник мертв, «пересмешника» успел ликвидировать сам полковник, а им никто не поверит – но знать они знают.

Куратором полковника был он сам – бывший глава СИС, сэра Джеффри Ровен, он же Джозеф Мандель... в общем, человек со множеством лиц и имен. Самому на контакт с полковником, по правилам проведения секретных разведывательных операций, выходить не стоило, но и другого выхода не было. Полковник был личным агентом сэра Джеффри с давних времен, и никому, кроме своего куратора, он бы не поверил. Не всегда удается выстроить длинную цепь от куратора к агенту, да и не всегда это нужно – чем длиннее цепь, тем больше вероятность того, что в ней окажется слабое звено, болтун или откровенный предатель. Если бы он послал к полковнику другого человека – потом пришлось бы убивать и его, и не факт, что это решило бы проблему – до своей смерти он мог проболтаться или оставить записи.

Значит – он раскрыт. Наполовину – но раскрыт. Если Грей или Кросс заговорят – будут проблемы. Конечно, им не поверят ни в полиции, ни в разведке, но если они догадаются пойти в ту же «Sun» и вывалить на стол все известное им дерьмо...

На операции можно будет ставить крест.

Сэру Джеффри была непонятна позиция Грея во всей этой истории. Грей был неизвестной, перевернутой вверх рубашкой картой. Молодой человек, аристократической крови, непонятно с чего пошедший служить в САС и добившийся там успехов. Когда они его вербовали – тот им поверил и даже передал первый отчет – чрезвычайно полезный, надо сказать. После чего он прервал связь с куратором и теперь действует в паре с Кроссом, совершая преступления.

Его мотивация? Деньги? Смешно. Желание узнать правду? Ну, не глупо ли? Хотя может быть.

Он что-то узнал?

Тоже может быть.

Знает ли он о том, что Кросс – действующий под прикрытием русский агент? Неужели знает? Неужели Кроссу удалось его вербовать? Так быстро? Тогда «адепт стужи» еще более опасный противник, чем предполагал сэра Джеффри. Может, Кросс использует его втемную? Также может быть. Все может быть.

Как бы то ни было – младший баронет Грей, карта, положенная на зеленый стол кверху рубашкой, человек, обладающий смертельно опасной информацией, – из полезного агента в одночасье превратился в нешуточную угрозу. Которую надо устранить любой ценой и как можно быстрее. Тем более – дело сделано, «адепт стужи» идентифицирован.

Теперь сам констебль Александр Кросс. Он же, судя по всему, старший лейтенант (хотя наверняка у него теперь более высокое звание) российского флота Александр Воронцов. «Адепт стужи»...

Снайпер русского морфлота, действовавший в Бейруте... Сэр Джеффри знал, что для реализации операции в Бейруте собирали группу специалистов, раньше имевших отношение к службе, но теперь находящихся в отставке. Птиц вольного полета. Вообще-то изначально была мысль не привлекать к активным операциям на русской территории вообще ни одного британского гражданина, находящегося на службе Ее Величества, – но потом поняли, что столько частных просто не набрать, и от этой идеи отказались. Кстати, зря.

Сэр Джеффри верил Бухгалтеру. Бухгалтер был одним из тех людей, которым он верил – в разумных пределах, конечно, но верил. Если Бухгалтер сказал, что опознал русского, – значит, так оно и есть.

И что теперь со всем этим делать?

Операцию останавливать уже нельзя – разогнавшийся под откос поезд невозможно остановить – сметет, сомнет. Теперь нужно запускать второй этап, по плану, как и договаривались. Лучший способ не допустить неожиданных неприятностей – действовать по плану.

Но самое главное – появлялось дополнительное задание. Задача, которую сэра Джеффри планировал на более позднее время – он не ожидал, что удастся так быстро и так неожиданно установить «адепта стужи».

Нужно ликвидировать баронета Грея. И как можно быстрее, пока он не придумал, что делать с полученной информацией.

С этой мыслью сэра Джеффри встал с неудобного стульчака, придирчиво оглядел костюм, не испачкался ли. Газету он бросил в туалете – такой прессе в туалете как раз самое место.

02 июля 1996 года.

Лондон, Великобритания.

Штаб-квартира SIS,

Воксхол-Кросс

Штаб-квартира специальной разведывательной службы представляет собой большое, серое, угловое здание у самой реки, на улице Воксхол-Кросс, рядом с одноименным мостом через Темзу. Здание это в отличие от «песчаного дома» контрразведки старое и поэтому постоянно нуждается в ремонте. Его перестраивали и ремонтировали такое количество раз, что заблудиться в переплетении коридоров мог даже опытный, не раз здесь бывавший человек, а сами кабинеты расположены почти бессистемно. Примерно до шестидесятых годов вообще считалось, что это здание относится к министерству иностранных дел и про истинное его назначение никто не знает. Но потом узнали, что все лондонские таксисты знают это место как «Шпионский дом», – и необходимость в какой-либо маскировке отпала.

Сэр Джеффри Ровен вышел из черного лондонского такси-кеба у самого подъезда – в Лондоне на такси предпочитали ездить многие, места для парковки машин мало, а парковка была дорогим удовольствием. Бросил таксисту несколько серебряных монет, взбежал по короткой лестнице к подъезду – всегда, когда он появлялся в штаб-квартире SIS, он чувствовал себя помолодевшим лет на десять.

На дверях стоял, конечно же, Гарри. Гарри, здоровяк из САС, тяжело раненный во время предпоследнего мятежа на территориях и категорически не желавший уходить из армии, ему подыскивали такое место службы, и он нес караул на этом посту вот уже без малого два десятка лет. Увидев бывшего начальника службы, Гарри расплылся в улыбке.

– Сэр...

Сэр Джеффри продемонстрировал ему временный пропуск, ибо порядок есть порядок.

– Сэр Колин у себя?

– Да, у себя... Вас проводить, сэр?

В службе всегда наготове были несколько провожатых – из практикантов. Иногда они сами плутали в лабиринтах шпионского дома.

– Нет, спасибо.

– На третьем этаже поставили стену, сэр. Прямого хода там теперь нет.

– Я учту...

Здесь его по-прежнему любили...

Сэр Колин сидел в своем кабинете – не самом просторном и не самом удобном, на самом верхнем этаже – на антресолях, как здесь говорили по аналогии с дворцами. На столе вкусно курилась белым дымком трубка – а сам он держал в руках и внимательно читал чье-то личное дело.

Выглядел он вроде бы как обычно – но сэр Джеффри был очень проницательным человеком и, послужив священником на Сицилии, проницательности этой не утратил. На лице его давнего друга и преемника в кресле главы СИС ничего не выражалось, – но он понял, что душевное состояние хозяина кабинета далеко от нормального.

– Преторианец вышел на связь?

– Вышел... – вздохнул сэр Колин, – и кажется, с первого же выстрела он попал точно в яблочко. Его прикрепили к некоему констеблю Кроссу, Александру Кроссу. Особый отдел полиции. Я запросил его досье сразу после того, как Преторианец передал свое сообщение. И чем больше я читаю это досье – тем больше вопросов у меня возникает...

– Разрешить?

Сэр Колин закрыл папку, подтолкнул ее по столу к гостю. Сэр Джеффри открыл папку, пробежался взглядом. Сирота... военное училище... специальные лодочные силы... плен. Операция в Бейруте...

Бейрут!

Все становилось на свои места.

– Это он и есть, – заявил сэр Джеффри, закрывая папку и возвращая ее хозяину.

– Почему? Он прошел две стандартные контрразведывательные проверки. Ни одна ничего не показала. Я подозреваю, что это один из связников адепта.

– Нет. Это сам адепт. И я даже знаю его имя. Это князь Александр Воронцов.

– Что?!

– Он самый. Его опознали.

Сэр Колин снова открыл папку, всмотрелся. Удивительно, но ни одной мало-мальски надежной фотографии Воронцова британской разведке достать не удалось, несмотря на то, что в событиях в Бейруте он играл весьма активную роль. Последняя фотография была изготовлена специалистами Службы, на основе фотографии из личного дела, еще времен Санкт-Петербургского Нахимовского. Стопроцентно достоверной эта фотография считаться не могла, потому что ее возраст был без малого десять лет.

– Кто его опознал?

– Ты знаешь, кто. Сегодня я с ним встречался.

Сэр Колин раздраженно отмахнулся, показывая, что не хочет ничего об этом знать, – и сэру Джеффри это сказало многое. Много – если не все.

Работая в разведывательной структуре, очень важно верить в то, что ты делаешь, причем верить искренне. Разведка – дело грязное и подлое, примеров этому – масса. Например – резидент в какой-либо стране, прожил больше десяти лет, обжился. Очень часто такие резиденты заводят местную жену и детей – Служба это поощряет, потому что так меньше шансов, что резидента раскроют. Но рано или поздно резидента приходится отзывать. И вот тогда-то возникает очень серьезная проблема – за время работы страна, против которой резидент работал, становится ему родиной, а его действительная родина, на которую он работал, – за границей. В стране пребывания у него есть жена и дети, иногда – налаженный бизнес, – и зачем ему возвращаться? Он может не только не вернуться – он может обратиться в контрразведку страны пребывания, провалить всю агентурную сеть, ему известную, и начать работать на другой стороне. В этом случае обычно принимается решение о ликвидации самого резидента, его жены и детей, для этого посылаются чистильщики, которые и исполняют приговор. Это на самом деле так, чистильщики в основном нужны для того, чтобы убирать своих же, оступившихся. Как, нормально? Представьте, что решение придется принимать вам. Будете спать спокойно, отдав приказ убить целую семью?

Для полноты картины надо сказать, что такое бывает крайне редко, почти никогда, но каждый резидент знает, что попытка предательства приведет к гибели его семьи. Это удерживает от необдуманных поступков. Но в этом есть и другая сторона медали – а как чувствуют себя те, кто отдает такие приказы? Приказы убивать, похищать, лгать, добывать информацию любой ценой.

Поэтому у таких людей возникает и развивается двойственная мораль, понятия «хорошо» и «плохо» меняются местами. Есть горькая шутка на эту тему: «Закрой глаза и поду-

май о Родине». У таких людей есть искренняя, непреклонная вера в то, что все то подлое, злое, грешное, что они делают, – это на самом деле хорошо, потому что это делается ради Родины.

Но выдерживают не все. Некоторые ломаются, понятия «добро» и «зло» у них встают на те места, где они и должны быть, и люди перестают верить. **Они перестают верить в высший смысл творимого ими зла.** Да, они могут и дальше творить зло, но они четко осознают для себя, что то, что они делают, это не добро, это зло. А за осознанием того, что ты творишь зло, следует либо раскаяние, либо самоубийство – такова человеческая природа.

И сегодня, здесь и сейчас, сэр Джеффри окончательно убедился, что сэр Колин не просто на грани – что он окончательно сломался и перестал видеть высший смысл творимого ими зла. А это означало, что нужно что-то предпринять. И срочно...

Но сэр Джеффри ничем не выдал своего открытия...

– Известный тебе человек встречался с Воронцовым в Бейруте. И он же увидел его в Ирландии, рядом с последним возможным источником утечки информации по недавним событиям.

– Источник зачищен?

– Да. Но Воронцов и Преторианец были рядом с ним какое-то время. Полковник мог им все рассказать...

Сэр Колин помрачнел.

– Мог или рассказал?

– Раз мог, значит, рассказал, ты знаешь правила не хуже меня. Теперь нам придется считать возможными источниками утечки и Воронцова, он же Кросс, и Преторианца. При этом Воронцов нам обязательно нужен живым, Преторианца же следует убрать как можно быстрее. Приказ зачистить концы можешь отдать только ты.

– А если Воронцов успеет сдать информацию?

– Да кто же ему поверит? Он же русский агент.

Желтая пресса поверит... А если начнется скандал, если репортеры станут копать – что-то все равно надо будет предпринимать.

– Лучше временно снять с тренировок нашего дублера и направить на зачистку концов его. Он служил вместе с Преторианцем, знает его повадки. Преторианец не будет ждать подвоха от своего сослуживца по полку, – подсказал решение сэр Джеффри.

– Как Воронцов прошел контрразведывательную проверку? Получается, его подменили во время плена? – ушел от принятия немедленного решения по Преторианцу сэр Колин, и сэр Джеффри еще раз убедился в своей оценке его состояния.

– Как? Да очень просто. Обычная наша проблема – за бумагами не видим сути. Я не уверен, что у него даже не сняли отпечатки пальцев при возвращении из плена.

– Но как русские послали своего человека к нам, не обеспечив прикрытие? Как сумели они так подобрать двойника? Ведь простейшая процедура снятия отпечатков и...

– Ты не послал группу в Белфаст добыть отпечатки Кросса?

– Нет.

– И не посылай. Они совпадут с теми, что есть в личном деле, в этом можно не сомневаться. Армейские архивы, где хранятся личные дела даже тех, кто служит в войсках специального назначения, – это проходной двор, контрразведывательный режим там никакой. Они просто подменили данные личного дела, вот и все. В плен к ним попали больше сотни наших офицеров, они просто сравнили их данные с данными своих людей – и подобрали совпадающие кандидатуры. Получилось, что одной из таких кандидатур оказался Воронцов. Как его вычислить? Флот? Так он тоже служил на флоте, причем в таких же частях, как наша специальная лодочная служба. В службе в таких частях много общего. Бейрут? Они оба там были, тут на несовпадениях не поймаешь. Внешность? Для этого и был подбор – подбирали людей примерно со схожей внешностью, благо у нашего флота и у русского флота требования при подборе

личного состава одинаковые почти. Биография? Обычная биография, заучить несложно, родственников нет и опознавать некому. К тому же после Бейрута он уволился с военной службы, какой смысл проверять его серьезно? Никакого. А при поступлении в полицию идет проверка прежде всего на благонадежность и на связи с экстремистами, с ИРА – полиция боится проникновения в свои ряды не русских агентов, а осведомителей и боевиков ИРА. Вот так он и оказался в полиции. А дальше... через полгода его стали воспринимать как своего, никто уже и подумать не мог о каких-либо подозрениях. Вот и все. Настоящий же Кросс в лучшем случае убит.

– В лучшем?

– В худшем он жив и консультирует русских. А знает он много – по крайней мере, по специальной лодочной службе. Совсем не хотелось бы, чтобы русские подводные диверсанты в деталях знали тактику наших.

– Хорошо... – сэр Колин закрыл лежащую перед ним папку, – я отдам соответствующие распоряжения. Скорее всего, он вернется в Белфаст, по крайней мере, на какое-то время.

– Я тоже так думаю. Только Кросса пусть берут живым, обязательно живым, – напомнил сэр Джеффри, – а если не будет такой возможности, то лучше пусть не трогают. Потом его возьмем официально, силами полиции.

05 июля 1996 года.

Белфаст, Северная Ирландия

Младший баронет Дориан Грей происходил из старого и почтенного семейства Греев, чьи корни терялись в далеких веках. По преданиям, предки Греев пришли на британскую землю вместе с когортами римлян еще в те далекие времена, когда существовала Римская империя. Барон Томас Грей был одним из тех, кто воевал с Кромвелем и республиканцами, чудом остался жив. Барон Хьюго Грей был одним из самых близких друзей короля Якова. После этого мужчины рода Греев в политику и в управление государством старались не лезть и большое значение придавали воинской службе. В период расцвета великой и единственной империи, над которой никогда не заходит солнце – Великобритании эпохи Елизаветы, – в армии служили сразу пятеро Греев, причем ни один из них не был в звании ниже майора. Тонкая алая линия мундиров, опоясывающая границы империи, отделяющая цивилизацию от варварства, – это про них. Тогда же они приобрели два громадных поместья – одно, индийское, принадлежало им и сейчас, другое, расположенное там, где сейчас Бурская конфедерация, – они навсегда потеряли.

Во время страшной Мировой войны младший баронет Дориан Грей потерял четверых своих прадедов. Один из них геройски пал в жестоком бою в пригородах Багдада, пытаясь остановить идущую на штурм города армию генерала Корнилова. Второй погиб в морской пучине – крейсер «Бэрхэм», на котором он шел, был подло торпедирован из-под воды германской подводной лодкой. Третий пал в бывшей Родезии от рук буров, решивших, что настал подходящий момент рассчитаться за Англо-бурскую войну начала века. Четвертый пал в бою под Эль-Аламейном, разорванный на части германским снарядом.

Несмотря на все это, баронет Дориан Грей вырос без особой ненависти к Российской империи или к Священной Римской империи германской нации, как и большинство его сверстников. Это старшие поколения всегда поднимали первый тост «За реванш», у молодежи же были другие заботы и дела. Синематограф, особенно голливудский, прямиком из североамериканской столицы грез. Рок-н-ролл, новый музыкальный стиль, родившийся в старой доброй Британии и завоевавший весь мир без единого выстрела, – дошло до того, что под рок-н-ролл

«отрывались» и «клубились» и в Царском Селе в России после официальных балов. Но, как и у его прадеда, деда и отца, у Дориана не было ни тени сомнения относительно того, чем ему заниматься в жизни. Армия, и только армия. Отслужив два года в полку герцога Йоркского, он подал документы на вступительный курс САС – и на удивление его, прошел. Инструкторами САС были люди в основном из рабочих предместий, к отпрыску аристократического семейства они испытывали вполне понятные чувства, но сломать его им так и не удалось. В Дориане Грее было то же, что в его дедах и прадедах, но не было у большинства людей – несгибаемый, стальной стержень внутри, позволяющий переносить все что угодно – издевательства инструкторов, два дня подряд без сна, бег в промокшей насквозь форме по холмам Брекон-хиллс со здоровенным бревном на плече. Он прошел все – и стал сасовцем, а потом – и командиром патруля, одного из лучших в полку.

Словом, Дориан Грей был тем солдатом, который пригодился бы в любой армии – русской, римской, североамериканской. Он был отличным солдатом, но он не был разведчиком.

Сэр Джеффри, который выбрал его из многих, не имел иного выхода – он не мог отправить на задание кого-то из Секретной разведывательной службы или из Пагоды – перед отправкой Дориана Грея на задание проинструктировал его относительно того, с чем ему предстоит столкнуться. И вот во время этого инструктажа он допустил ошибку – маленькую, почти незаметную. Но эта ошибка стала именно той маленькой соломинкой на чаше гигантских весов истории, которая и решила в итоге все. Собственно говоря, история эта хорошо доказывает – в разведке мелочей нет, любая неучтенная мелочь может привести к провалу.

Ставя лейтенанту Грею задачу, сэр Джеффри охарактеризовал противника как «агента русских» или «русского агента» – и счел, что этого вполне достаточно. Но «агент русских» – это понятие может иметь два толкования: либо это британец, завербованный русскими и теперь предающий свою Родину, либо это русский офицер-нелегал, въехавший в Британию незаконно и действующий, выдавая себя за британца. Согласитесь, разница весьма существенная. А поскольку Грею этого толком не объяснили – он решил, что «агент русских» – это «британец-предатель, работающий на русских». Он уже давно догадался, что с его напарником что-то неладно – больше просто никто не подходил так полно под портрет возможного «русского агента», нарисованный сэром Джеффри. Если бы он подозревал, что его напарник может быть русским – сдал бы без колебаний. Но – видя, как действует напарник, как он не на жизнь, а на смерть воюет с ИРА, не останавливаясь перед тем, чтобы нарушить закон... лейтенант Грей просто не мог поверить в то, что констебль Александр Кросс – предатель. Ну, не может такой человек быть предателем, предатели поступают совершенно по-другому, предатели совсем другие. Если бы Грей служил не в армии, а в Секретной разведывательной службе, он бы знал, что предатели именно такие, что предателями всегда бывают люди, которым ты доверяешь и которых ни в чем не подозреваешь, – короче говоря, там бы он набрался здорового цинизма и знания темных сторон жизни. Но Грей в разведке не служил – он служил в армии, а там нравы были совершенно другие. И каждый раз, когда он собирался выйти на связь и доложить о своих подозрениях, происходило нечто такое, от чего его подозрения усиливались. Но он молчал.

Однако на обратном пути в Белфаст он все-таки решился. Он получил приказ и должен его выполнить. Не выполнить приказ – такое просто недопустимо, особенно для кадрового военного. Не выполнив приказ, он опозорит весь свой род до девятого колена. В конце концов, он просто сообщит о своих подозрениях – а там пусть решают, проверяют, или что там должна делать контрразведка. Он хорошо выполнит свою работу, а они пусть выполняют свою.

Но лейтенант Дориан Грей ошибался, и сильно. Все-таки он не только не был разведчиком, но и не имел никакого таланта к разведке. Он-то думал, что его напарник, а временно и командир, ничего не знает о его подозрениях. В то время как его командир уже давно все понял...

– Что думаешь, босс?

Если бы самому мне это понимать. Мысли скверные. Последняя нить оборвалась, полковник мертв, а мертвые – не говорят. И что теперь? Электрик мертв. Полковник мертв. Хорошо хоть сами унесли ноги. И что обо всем об этом дерьме думать?

– Ничего хорошего...

Когда я начал подозревать? Да сразу же и начал. Есть одно правило, хорошее, надо сказать, правило, те, кто его знает, и не просто знает, а усвоил, в спинной мозг у них оно вбито, – те обычно остаются в живых.

ЕСЛИ ЕСТЬ СОМНЕНИЯ – СОМНЕНИЙ НЕТ!

Вот так. Живи по такому принципу, предполагай худшее – и останешься в живых. Есть и еще одно мудрое высказывание, принадлежащее Уильяму Блэйку: «Дорога крайностей приводит к храму мудрости».

Короче говоря, если на твоём жизненном пути вдруг попадается парочка, причем один похож на аналитика, а другой на ликвидатора – жди беды.

Грея я бы убрал еще там, в Ирландии, но мне не давал покоя один вопрос, и пока я не нашел на него ответа, активные действия предпринимать нельзя.

Если Грей чистильщик, посланный для того, чтобы зачистить концы в этом грязном деле с бомбардировкой Лондона, – при чем тут снайпер? Хорошо, как снайпер вышел на нас, я знаю – Грей его и навел. Иного объяснения нет, о том, куда и зачем мы направляемся, знали только двое – я и он. Если я никому об этом говорил, но снайпер нас все-таки нашел – значит, Грей и навел его на нас. Проще простого.

Оставался вопрос – с какой целью?

При чем здесь снайпер? Если Грей – чистильщик – неужели он сам не мог выполнить эту работу? «Исполнить» полковника, заодно и меня, а потом спокойно уйти, явиться к начальству, доложить о выполнении приказа. Для чего понадобился снайпер, для чего усложнять, ведь общеизвестно же – чем меньше звеньев в операции, чем она проще – тем меньше риск провала, тем меньше риск утечки информации?

Снайпер был контролером? Начальство не доверяет Грею и послало следом за ним контролера?

А почему тогда они вообще послали на такое задание человека, которому они не могут доверять?

Объяснение оставалось только одно. Грей сам не знал о контролере, начальство вело с ним двойную игру. Возможно, он был послан для того, чтобы зачистить концы, но по какой-то причине этого не сделал – просто не успел сделать или не захотел. И следом послали контролера – для того, чтобы убрать его самого после того, как он выполнит работу. Контролер, скорее всего, знал об операции куда больше, чем Грей, и, увидев нас двоих рядом с полковником, сделал выстрел сразу, как только ему представилась возможность.

И опять не получается... Если судить по тому, что произошло, у контролера приоритетной целью был полковник. Не я и не Грей – а именно полковник. Почему – если его должен убрать Грей? Ведь контролер – это живое приложение к винтовке, он исполняет приказы, и не более того. Если он убрал полковника – значит, приказ у него был убрать именно полковника. Не мог же кто-то из организаторов операции сам взять винтовку и отправиться на охоту?

Ничего не сходится. Значит, и действовать пока нельзя – можно только следить и пытаться понять. Если с Греем ведут двойную игру – шанс перетянуть его на свою сторону есть. Не стопроцентный, но есть. Благо время тоже еще есть – хоть немного, но есть...

Город Грей не знал – верней, знал, но плохо, на уровне среднего туриста. А еще – он плохо знал местную настенную живопись, позволяющую разбираться, где какие кварталы, и не соваться туда, куда не стоит соваться. На самом деле, разобраться, где какие кварталы в Белфасте, весьма просто – нужно посмотреть на стены и на то, что там написано. Если «One man, one vote» или «No discrimination»⁸ – значит, ты в католическом квартале и нужно уносить отсюда ноги, пока его обитатели не разобрались, что к чему. Если же «Not an inch» или «No pore here»⁹ – значит, ты среди протестантов, они же лоялисты. Тут нужно просто соблюдать осторожность и ни во что не ввязываться.

Как бы то ни было – выйдя с территории порта, Грей направил свои стопы в поисках места, откуда можно позвонить, по дороге несколько раз проверился, никого не заметил. И судьба занесла его не куда-нибудь – а в Фоллс, один из самых опасных рассадников терроризма, расположенный недалеко от порта. Квартал этот был со всех сторон окружен кварталами, в которых преимущественно проживали протестанты, – поэтому народ здесь был боевой, а дружина боевиков – одна из самых опасных и хорошо вооруженных во всем Белфасте.

Грей в последний раз проверился, нырнул в кабак, предварительно запомнив его название – «У тетушки Молли». На вывеске и вправду была нарисована женщина, седая и улыбающаяся, с кружками пива в руках. Он решил, что это – хорошее место.

В баре было полно народа – в Белфасте работы мало, поэтому в барах всегда многолюдно в любой час и в любой день, не важно – будний или выходной. Протолкнувшись к телефонным кабинкам в глубине прокуренного, темноватого помещения – кабинки эти один в один повторяли знаменитую красную лондонскую телефонную будку, – Грей бросил несколько пенсов в аппарат, набрал по памяти номер...

Ждать пришлось долго – его предупредили, что номер ответит только после десятого гудка – но, в конце концов, трубку взяли. Голос показался Грею смутно знакомым.

– Преторианец, – произнес в трубку он.

– Вы где? – мгновенно среагировала трубка.

– ... э... тут вывеска... «У тетушки Молли»... Я не мог выйти на связь...

– Где?!

– Тетушка Молли.

– Черт... Мы сейчас приедем. Держитесь!

Трубка загудела гудками отбоя...

Недоумевая, в чем дело, Грей положил трубку, вышел из кабины – и наткнулся на трех здоровяков, преграждающих ему путь. И вот тут-то он понял – как сильно вляпался.

Незнакомцы разглядывали его так же, как разглядывали бы, к примеру, свалившуюся в суп муху...

– Клянусь святым Патриком, Гордон, это же поросенок... – наконец проговорил один.

– Совсем эти поросята оборзели... – раздалось из зала, где вдруг установилась необычная для питейного заведения тишина. Мертвая тишина.

Грей отступил назад, чтобы прикрыть свою спину...

– Давайте разойдемся... – начал он, но его перебили:

– Слушай, Гордон, давненько я что-то не слышал «Шон Ван Вахт»¹⁰. Может быть, поросенок нам это споеет?

– Нет... Ему, наверное, больше нравится «Я родился под Юнион Джеком»¹¹, не так ли, поросенок?

⁸ Один человек, один голос. Нет дискриминации.

⁹ Ни дюйма! Папе здесь не место!

¹⁰ «Шон Ван Вахт» – название ирландской революционной песни 1798 года, означающее «Старушка», одно из аллегорических названий Ирландии.

¹¹ Еще одна веселая песенка, только исполняется она протестантами. Исполнение любой из этих песенок не в той компании

– Я родился под Юнион Джеком и под Юнион Джеком умру... – затянул кто-то в зале глумливый перефраз песни, немилосердно при этом фальшивя.

Несмотря на то, что пистолет у Грея был, – он даже не подумал его доставать. У посетителей этого бара также есть оружие, причем не только пистолеты – к гадалке не ходи. У хозяина сего славного заведения, как это здесь принято, наверное, имеется обрез. Пока что происходящее было назревающей дракой – и переводить это дело в назревающую перестрелку не стоило...

Нападение началось неожиданно, но Дориан был к нему готов. Кто-то из посетителей бросил камень – господи, откуда они камень тут взяли... Камень с грохотом врезался в стекло одной из телефонных кабинок, послышался громкий негодующий вопль хозяина – и Грей ринулся вперед.

В САС рукопашному бою в отличие от стрельбы учили слабо – но Грей все-таки кое-что в этом понимал. Самое главное – не останавливаться, пробиваться к выходу, отмахиваться от ударов и не дать оглушить себя ударом по голове или остановить каким-либо другим способом. Упал – значит, покойник.

Одного из здоровяков Грей сбил с ног, ему показалось на какой-то момент, что он натолкнулся на стену, но стена начала валиться, подобно подрубленному под корень дереву. Он отмахнулся правой, левой прикрыл голову, и вовремя – кто-то сильно ударил по руке чем-то наподобие кастета. Он ударил кого-то, сам не понял, кого, сделал еще несколько шагов к выходу в этом разъяренном человеческом море – и тут кто-то ударил его по затылку с такой силой, что в глазах потемнело. Левая нога не нашла опоры – и он начал падать...

Вот теперь точно – кранты...

Он даже не понял сначала, что произошло. Просто впереди что-то громынуло, даже не громынуло... такой звук, будто что-то рушится. И рев, приглушенный, похожий на работу дизельного двигателя.

– Назад! Назад! К стене! Руки на стенку!

Грей перевернулся на спину. Все болело, в голове словно бухал паровой молот. Что-то текло по щеке.

– К стене! Сэр, его здесь нет.

– Искать! Искать, черт возьми! Баронет Грей, где вы?!

– Сэр, кажется...

Кто-то присел над ним. В глазах плавали разноцветные круги.

– Вот он!

– Отойдите!

Знакомый голос...

– Грей... Вот ты где... Ты какого черта поперся сюда?

Чья-то жесткая и сильная рука взяла его за предплечье.

– Давай помогу...

Черт...

– Салливан... – вот кого Грей не ожидал здесь увидеть, так это Салливана, – ты-то что здесь делаешь?

– Я у тебя на прикрытии. Здесь уже пару дней. Меня прислали, как только с тобой оборвалась связь.

– Чтоб этих папистов...

В голове немного прояснилось, Грей огляделся по сторонам. Кто-то лежал, кто-то стоял, упершись обеими руками в стену, несколько вооруженных винтовками солдат контролировали папистов. Бронеавтомобиль «Хамбер» проломил стену в самом начале штурма – вот что это

был за треск. На фоне солдат, в камуфляже, с винтовками, выделялся капитан Салливан и еще двое, стоящие у вскрытой двери в кабак. Те двое были в штатском.

– Почему ты пропал со связи?

– Дела были...

К ним подошел один из солдат штурмовой группы, видимо, старший, с погонами первого лейтенанта.

– Сэр, надо уходить. Здесь становится небезопасно. Еще минут десять – сюда сбежится полквартала, и нам станет так же горячо, как чучелу Гая Фокса¹².

– Лейтенант, ты как? Идти сможешь?

– Я и воевать смогу...

– Тогда давай убираться отсюда. Здесь и впрямь становится небезопасно.

На улице действительно собралась немаленькая толпа, встретившая их появление воем и свистом. Миг – и рядом с ними глухо стукнулся об стену камень, только солдаты с винтовками и пулемет на бронетранспортере удерживали этих разъяренных людей от более активных действий...

– Сволочи...

Рядом с ними затормозил черный «Рейнджровер», двое штатских уже загрузились в него, один за руль, другой – почему-то на заднее сиденье.

– Давай помогу...

И вот тут бы и следовало задать себе вопрос – а с чего это о нем так заботятся? Но нет – не задал.

Лейтенанта Грея погрузили на заднее сиденье «Рейнджровера», капитан Салливан влез в машину последним – и таким образом Грей оказался заблокированным с двух сторон – и снова не придал этому значения. А когда тот штатский, что был за рулем, перед тем как поехать, обернулся с баллончиком в руках – придавать значение чему бы то ни было уже слишком поздно.

...Сознание возвращалось тяжело. Это больше походило на то, словно ты гребешь в колодце, колодец узкий, а где-то там, вверху – свет. И ты гребешь, гребешь изо всех сил, рвешься к этому свету – но он не приближается. Легкие горят огнем, мутится в голове – а над твоей головой все та же толща воды – стоячей, затхлой...

Грей пошевелился...

– Кажется, просыпается...

Боль усилилась, голова раскалывалась, что-то давило изнутри. Во рту был такой вкус, будто ударило током, – соленый такой...

– Сэр, он просыпается...

– Вот и хорошо. Давай, лейтенант, вставай, не симулируй...

Грей открыл глаза, попытался сфокусировать зрение...

Салливан. Машина. Лимонный освежитель воздуха. Еще один – в штатском костюме, с бледным, каким-то угловатым лицом...

Что происходит?..

– Что за... – Грей попытался встать – и обнаружил, что его руки сковала стальная змея наручников...

– Салливан. Какого черта вы делаете?

¹² *Гай Фокс* – организовал заговор против короля Якова I и был за это четвертован 31 января 1605 года. Его чучело сжигают на костре в день Гая Фокса, теперь отмечаемый. Отсюда, кстати, пошло слово «гуу», парень, повсеместно употребляемое в английском языке.

– Убираем за собой, – коротко ответил капитан. – Я вообще-то против тебя ничего не имею. Служба такая...

– Какая, ко всем чертям, служба? Это же я, Грей.

– Вот именно. И ты, лейтенант, пропал со связи, без каких-либо причин. Согласись, это требует...

– Какого черта? У меня специальное задание.

– И у меня тоже. Мое касается тебя. А твое – кого?

– Черт... Мое... Какого хрена, Салливан, я перед тобой отчитываться не обязан. Сними с меня эту дрянь.

– Извини, не могу. Ты, конечно, молодец, нашел агента, но на этом твое задание заканчивается и начинается мое.

– Какого агента?

– Русского. Какого же еще? Александр Кросс, констебль особого отдела полиции Белфаста. Это твое задание.

– Да, но как ты...

– Догадайся...

И тут Грей понял... В числе прочего, сасовцев тестировали на сопротивляемость при допросе. Головокружение, медный привкус во рту – симптомы очень знакомые...

– Что ты мне вколол? Скополамин?

– Он самый. Согласись, сейчас жизнь стала намного проще. Один укол – и подозреваемый расскажет тебе все сам, не надо его пытаться, ломать... Здорово...

Грей молчал...

– Сэр, его... – заговорил один из «штатских».

– Я уеду. Больше мне делать здесь нечего. Дождитесь, пока ему не приспичит пописать. У него в моче слишком большая концентрация этой дряни. Потом кончайте – но под самоубийство. Мне доложите.

– Хорошо, сэр...

Капитан открыл дверь машины...

– А ты сука, Салливан...

Капитан остановился, повернулся к Грею, подмигнул.

– И еще какая... Помнишь, я тебе говорил, что ответный матч за мной? Помнишь?

– Мы же с тобой служим в одном полку.

– Ну, извини. Тут уж ничего не поделаешь. Может, тебе стоило сообщить о русском агенте раньше, как ты думаешь?

Хлопнула дверь...

Несколько минут они сидели молча – Грей и эти двое. Потом тот, что сидел за рулем, обернулся.

– Пописать не желаешь? – как ни в чем не бывало спросил он.

– Не дождетесь... – огрызнулся Грей.

Водитель улыбнулся – как будто именно это он и ожидал услышать.

– Легче, парень... У каждого своя работа.

– И какая же она у вас?

– Убирать за другими дерьмо. Этим тоже кто-то должен заниматься, иначе вокруг все провоняется. Вот мы этим и занимаемся. Меня, кстати, зовут Ник, а это вон тот парень, что все время молчит, – он Виктор.

– Заткнись, – лаконично проронил Виктор.

– Да брось, Вик... – тем же беззаботным тоном ответил Ник, – парню скоро петь вон с теми пташками на небе, что же с того, что он узнает наши имена.

– В таком случае сказал бы ему свое имя, но не упоминал мое!

– Все равно он ничего никому не расскажет. Так ведь?
– Послушайте... – Грей старался найти нужные слова – Салливан псих. Скорее всего, и предатель...

– Странно. А нам он сказал, что предатель ты.

– Если он предатель – он и должен был так сказать. Я и в самом деле выполняю специальное задание. Если вы меня убьете – виселицы вам не избежать.

– Как страшно... – Ник закатил глаза, – умираю со страха.

– Салливан вам лжет.

– Да? Но он все равно наш босс. Верней, наш босс совсем другой человек, но он вызвал нас и показал нам на того парня, который уехал и сказал, что он наш босс, пока мы тебя не найдем, не допросим и не прикончим. Допрос любезно взял на себя этот парень, нашел тебя тоже он – а мы сделаем все остальное. Только, пожалуйста, ни о чем не проси и не умоляй.

Но Грей не собирался ни просить, ни умолять. Он думал, что делать...

Наручники... Без наручников он справился бы с этими клоунами за несколько секунд. Его учили открывать наручники – но для этого нужна иголка или изогнутая канцелярская скрепка. А еще нужно, чтобы эти два уroda не пялились на него, как туристы на экспонат в музее мадам Тюссо. Увы – ни иголки, ни скрепки у него не было, и хотя бы один из этих двоих постоянно не сводил с него глаз.

– Послушай, парень... Не осложняй жизнь ни себе, ни нам. Обещаю, все будет быстро, ты даже ничего не почувствуешь. Если хочешь, у нас есть горячий кофе в термосе.

Бежать? Машина стоит где-то, непонятно, где, скорее всего, это площадка для отдыха, какие есть около каждой автострады. Странно, почему больше нет ни одной машины? И сидят, суки, так, что один перекрывает своим телом ему выход на стоянку. Да... Не сорвешься...

– Парни, вы делаете большую глупость.

– Это мы уже слышали...

Если они выведут его в туалет, то как...

– Ты, наверное, подумываешь о том, как смыться. Можешь не стараться, мы знаем, кто ты, и наручники с тебя не снимем. Когда ты пойдешь поссать – мы с тебя сами спустим штаны. Так что не осложняй жизнь ни себе, ни... черт, а это еще кто?..

Развязка наступила быстро. На стоянку не должна была въехать ни одна машина – потому что они поставили на въезде небольшой заборчик со знаками «Ремонтные работы» и «Стоп». Но машина, тем не менее, заехала – какой-то черный североамериканский внедорожник. И затормозила – рядом. К этому они не были готовы, они прежде не работали в Северной Ирландии и не знали, как надо реагировать в подобных ситуациях. Ник еще успел заметить, что все стекла в дверях внедорожника опущены до самого низа – но понять, что это означает, он не успел. Водитель заехавшего на стоянку внедорожника, бросив руль, уже целился в них из автомата Калашникова с толстым набалдашником глушителя на конце ствола – прямо из салона, с места водителя. Прежде чем Ник успел дотянуться до своего оружия, скрытого пиджаком, – смотрящий в его сторону автоматный ствол плюнул огнем ему в лицо.

Он даже не понял, что произошло. Визг тормозов, и как-то дернулся тот молчаливый «штатский», что сидел между ним и свободой, – а потом по машине словно ударил град, посыпались стекла и что-то горячее, липкое хлестнуло его по лицу...

Это каким же надо быть придурком, чтобы пойти в католический квартал, в один из самых опасных – и там зайти в бар? Воистину – учишься только, когда кушаешь... неприятности большой ложкой...

Там же в порту я угнал машину. Хотите знать, где? Около порта есть стоянка, там оставляют машины те, кто уходит в плаванье на яхте. Машины дорогие, а охраняет стоянку один сторож, который тоже человек и тоже иногда отлучается покушать или по своим делам. Вот так

я обзавелся приличным североамериканским внедорожником – североамериканские машины вскрыть легче.

Пока обзаводился – едва не потерял Грея. Благо маячок, который я умудрился на него прилепить, работает в радиусе километра и ловится на обычный радиоприемник. Маячок я списал в числе прочего после одной полицейской операции – покажите мне полицейского, который так не делает. Правда, обычно списывают бензин и командировочные – а я вот списал это. Техника старая, в Четырнадцатом разведуправлении на нее без слез бы не взглянули – зато надежная. Вот так я за Греем, проявляя максимум изобретательности, – ведь он шел, а я ехал – и добрался до квартала Фоллис.

Стоять там, да еще напротив бара – верный способ привлечь к себе внимание, поэтому я начал кататься по окрестностям в пределах того же самого километра. Заодно похвалил свой выбор – подвеска неубиваемая, мягкая, в Белфасте это как нигде важно¹³.

Так вот, катаясь, я наблюдал и героический штурм паба католиков, и бронетранспортер, таранящий стену, и все остальное. А потом – поехал следом за «Рейнжровером», заподозрив неладное.

Потом я остановил свой внедорожник метрах в пятистах после «закрытой» площадки для отдыха – и имел честь наблюдать, что там происходило. Не все, конечно, понял – но кое-что уразумел. Трое – это было слишком много, тем более что один из них, из тех, кто забрал Грея, явно в перестрелке сопли жевать бы не стал. И вот, когда он уехал, – тут-то я и решил действовать. Благо времени на то, чтобы обратно добраться до своего внедорожника и положить в салон автомат, который ехал в багажнике, – много не заняло...

Чья-то рука открыла дверь, сильным рывком вытащила из салона труп одного из «штатских». Буро-красная жижа повисла на стеклах машины, там, где они еще не были выбиты, пахло просто отвратительно. Даже на лобовом стекле был след от отрикошетившей пули.

– Черт, вылезай. Воняет здесь...

Дориан сразу даже не понял, кто обращается к нему.

– Босс...

– Я. Всего лишь я. Давай вылезай, сидишь, как будто тебя по башке двинули. Давай!

С трудом лейтенант Грей выбрался из изрешеченной машины, привалился к ней, стараясь унять головокружение. Сотрясение мозга в сочетании с инъекцией скополамина – не лучший коктейль для хорошего самочувствия. Даже подготовка бойца САС, с которыми и не такое происходило, не помогала – лейтенант находился в странном полуоцепенении, не совсем понимая, где он и что с ним происходит.

Кросс тем временем быстро общарил того, кого вытащил из машины, и даже ухитрился при этом не заляпаться кровью и мозгами. Из кобуры он вытащил «уэбли» с глушителем, понимающе хмыкнул. Такую дуру – с ужасной развесовкой, крупногабаритную, с малой емкостью магазина, могли носить только те, кому она была выдана со склада. Те, кто покупал оружие за свои деньги, предпочитали «браунинги» или итальянские «пьетро беретта», но никак не «уэбли».

– На, вытрись! Твою рожу можно снимать в фильме ужасов. – Кросс протянул носовой платок. Дориан машинально взял его, начал вытирать лицо, глядя, как белая ткань платка украшается бурыми разводами.

¹³ В Белфасте есть совершенно уникальные лежачие полицейские – просто в дороге копают канаву и в нее заделывают обычную трубу. Сначала просто трубу, но потом, как только ИРА сообразила, что в эту трубу легко подложить фугас, ее начали заливать бетоном. Трубы эти располагают перед полицейскими участками, общественными зданиями и прочими уязвимыми местами – чтобы нельзя было из проносящейся на скорости машины обстрелять объект или кинуть гранату. А потом и торговцы стали перед своими лавками и магазинами такие же трубы закапывать, чтобы никто не стрелял по прохожим и покупателям. Можете себе представить, во что превратились в Белфасте дороги со временем.

Кросс тем временем затолкал убитого обратно в машину, захлопнул дверцу, чтобы не привлекать внимания проезжающих. Опустил стекла в машине, чтобы не было видно пулевых отверстий на них. Обыскал того, кто сидел за рулем, – у него был тоже «уэбли» – но маленький, карманный, калибра 6,35.

– Я...

– Потом разберемся. Поехали, нужно свалить из города, пока нас не стали искать. И вытри лицо как следует!

Начало кошмара...

03 июля 1996 года.

Лондон, Великобритания,

Риджент-парк

Утро. Свежая зелень травы, бриллианты капель на восковой поверхности листа. Бегуны в самых разных одеждах – шорты и майки, это по-североамерикански, более закрытые, обтягивающие костюмы для бега – это уже британцы. Прикорнувший в тени на скамейке бездомный – они попадались и здесь, в одном из самых закрытых парков Лондона, каким-то образом пробирались мимо зрителей. Девушка – совсем молоденькая, с мольбертом, выбравшаяся на пленэр.

Кошмар должен был начаться здесь и сейчас, в это тихое и не по-лондонски солнечное утро. Никто из жителей этого города, только начинавших отходить от ужаса артиллерийского обстрела, только начавших оттаивать душами и улыбаться встречным прохожим на улице, – никто и представить себе не мог, что может случиться нечто более страшное.

Но Великобритания сама открыла ящик Пандоры четыре года тому назад. Времена изменились – хотя пока что мало кто это замечал. А в этом новом времени, жестоком и чужом, не было такого кошмара, который не мог бы воплотиться в реальность...

Все возвращается...

Он проник в парк ночью, выбрав для проникновения тихое и плохо освещенное место на Принц Альберт-роуд. В этом месте не было ни одной камеры наружного наблюдения. Камеры по ночам все равно не работали, но он никогда не рисковал.

Он не рисковал никогда и ни в чем. Именно поэтому его данных – ни истинных, ни вымышленных – нельзя было найти ни в одной регистрационной книге лондонских отелей, мотелей и прочих странноприимных мест. Для этого дела он заранее, еще до того, как отправляться в Ирландию, снял шесть коттеджей – все под разными именами и с разной внешностью, – а три из них вообще по Интернету, благо такая возможность была. Все три располагались в непосредственной близости от двадцать пятой кольцевой дороги – так что он мог свободно перемещаться, въезжать и выезжать из города в любом направлении. В этих снятых коттеджах он жил, постоянно и бессистемно их меняя. Каждую ночь он ночевал в другом месте. Двух коттеджей он избегал до поры до времени – оба они на крайний случай. В обоих на участке он припрятал оружие. Еще несколько пистолетов он оставил в камерах хранения вокзалов и автобусных станций, арендовав их на длительный срок. Мало ли когда может понадобиться.

Еще у него были две машины. Одна – «Вольво-универсал» старой модели, уродливая и уныло-надежная, типичная машина для скромного конторского работника. Неприметная в потоке, неинтересная угонщикам, проблемная при перепродаже. Вторая – пошкарнее, темно-бордовый хэтчбек «Форд-Эскорт», трехдверный. Не особо приметная машина, но с мощным мотором и отточенным управлением.

Обе эти машины были не арендованными, а купленными – он знал, что в числе первоочередных мер полиция начнет проверять арендованные машины. Машины и отели – и обе эти линии при проверке ничего не дадут.

Сейчас он спокойно ждал, держа в руках пистолет. Пистолет был из числа его любимых – «рюгер амфибия 22», точное и совершенно бесшумное оружие. К пистолету он прикрепил гильзоулавливатель, а пуля, выпущенная из этого пистолета – мягкая свинцовая пуля двадцать второго калибра, – при попадании в тело человека настолько деформируется, что установить, из какого конкретно пистолета она выпущена, сложно, а определить, например, рисунок нарезки ствола и вовсе невозможно. В человеческом теле пуля превращается просто в комок свинца. И ранения при этом наносит страшные.

Винтовку на сей раз он с собой брать не стал – слишком велика и слишком не подходит ее футляр к окружению. Здесь он будет скорее привлекать внимание. Один раз сойдет и пистолет.

Он сам не знал, чего ждал. Просто ждал. К сегодняшнему дню он приобрел такой опыт в своем искусстве, что в подобные моменты он отключал разум и просто ждал. Ждал, пока кто-то невидимый скажет: «Пора». Тогда он, не раздумывая, стрелял.

Девушка ему нравилась. Наивная такая. Интересно, что она рисует? Он еще не решил – будет ли ее убивать или нет. Наверное, все-таки нет. Нужен свидетель. Тот, кто сможет рассказать, что произошло. Нет ничего лучше – для того, чтобы поднять шум, – чем рассказ свидетеля, у которого все произошло «буквально на глазах».

Солнечный луч, пробивающийся через листву. Неспешно трусящая по дорожке пара бегунов – двое мужчин, молодой и постарше...

Он просто поднял пистолет и выстрелил. Четырежды, по две пули на каждого – стандартная практика спецназа. Так называемый двойной удар. Бегуны свалились на покрытый трещинами пыльный асфальт, как набитые тряпьем куклы, – ни один из них не успел понять, что происходит.

Девушка оторвалась от мольберта, недоуменно оглянулась. Он снова поднял пистолет...

Нет...

– Сэр... Что с вами?..

В нескольких десятках метров отсюда сплошным потоком шли машины, по Принц Альберт-роуд, по Марилебон, по Парк-роуд, в небе неспешно тянул пушистую белую линию маленький серебристый самолет. А здесь – словно не в центре города, а где-нибудь в провинции, в лесу, недалеко от старого замка...

Пора уходить...

Девушка недоуменно покачала головой, встала, аккуратно положив кисть на полочку под мольбертом, чтобы не испачкать. Она так ничего и не поняла. Осторожно подошла к лежащим посреди беговой дорожки, присела на корточки, попыталась перевернуть одного из них. И увидела неспешно расплывающуюся багровую лужицу...

И тогда она закричала...

04 июля 1996 года.

Газета «Гардиан», криминальная полоса

...

Очередное злодейское преступление потрясло город. Вчера утром, во время утренней пробежки в самом центре Лондона, в одном из самых тихих и спокойных его мест, был убит постоянный заместитель министра иностранных

дел сэр Энтони Браун со своим спутником. Скотленд-Ярд, как обычно, отказался от комментариев. Не исключено, что это преступление совершено анархистами.

...

06 июля 1996 года.

САСШ. Коннектикут.

Частное охотничье владение

Система отправления власти в Североамериканских соединенных штатах, в отличие от Российской империи, Священной Римской империи германской нации, Японской империи и Австро-Венгерской империи характеризовалась тем, что в основе своей власть была тайной и делилась на два центра силы. Более слабым центром была публичная власть – президент, Конгресс, Верховный суд, губернаторы штатов. Они издавали некие законодательные акты, претворяли их в жизнь или следили за этим претворением. Считалось, что президент САСШ является одним из самых влиятельных людей в мире, что в его власти объявлять войны и заключать мир, принимать решения о будущем страны и прочее, и прочее, и прочее...

На самом деле это всего лишь ширма для всеобъемлющей и никому не подконтрольной тайной власти. Власть эта – в видимой своей ипостаси – представлена Федеральной резервной системой САСШ – частным банком, которому почему-то дали право печатать деньги. В невидимой – несколько десятков крупных финансовых институтов, кредитующих экономику и принадлежащих – через длинную и непонятную цепочку фирм и трастов – небольшой группе людей. Сама эта группа делилась на две основные подгруппы – это еврейский капитал и европейский капитал, который либо переселился из Великобритании, либо бежал из Франции после проигранной Мировой войны. Между этими двумя подгруппами существовало трогательное единение в постановке целей и выборе способов ее достижения. Одна из тех геополитических максим, в которой сходились и евреи, и европейцы, – была лютая, звериная ненависть к России. Евреи ненавидели ее потому, что в конце десятых не смогли взять власть, потеряв большое количество верных людей, потому, что с приходом к власти новой династии их стали ощутимо зажимать во всех делах, наконец, потому, что Российская империя жестоко подавляла попытки создать независимое еврейское государство на своей исторической земле – вокруг Иерусалима. Европейцы ненавидели русских за то, что они, во-первых, разорвали в свое время смертельные путы «Сердечного согласия»¹⁴, фактически предопределив этим ход Мировой войны еще до ее начала, во-вторых, вели жесткую антибританскую политику, демонстративно наращивая военно-морскую мощь и подчеркивая свою готовность к вооруженной конфронтации с Британской империей.

Поскольку тайная и явная власть сосуществовали на одной территории – между ними было заключено негласное соглашение об условиях этого сосуществования. Явная власть не вмешивалась в дела тайной, не пыталась изменить существующую финансовую систему – последний, кто нарушил это соглашение, президент Джон Ф. Джекобс, осмелившийся начать печатать «государственные» доллары, был убит. Тайная власть взамен обеспечивала некий уровень благосостояния народа, гораздо более высокий уровень благосостояния его избран-

¹⁴ *Сердечное согласие* – так называлась Антанта.

ных во власть представителей и регулярно давала деньги на балаганный спектакль под названием «демократические выборы». Эта же тайная власть, совместно с явной, вела глубокие и серьезные исследования на тему манипулирования людьми – как отдельными индивидами, так и большими массами населения, – а полученные результаты научно-прикладных разработок немедленно внедряла в практику в собственной стране. Так они и сосуществовали вместе, в своем неразрывном единстве – тайная власть и явная.

В Российской империи – да и в любой другой монархической державе – подобное «разделение властей» представить совершенно невозможно. Монарх олицетворял собой и публичную, и тайную власть в одном лице, он управлял страной так, как считал нужным, советуясь о том, как это управление осуществлять, с кем считал нужным – или не советуясь вовсе. Государство и олицетворявший его монарх имели почти неограниченное право на утверждение власти на территории своей империи путем открытого и публичного насилия. Собственно говоря, любое исполнение государственных функций связано с насилием в большей или меньшей степени, и ничего зазорного в этом нет.

Удивительно, но если брать общий уровень насилия в «демократических» САСШ и в абсолютистско-монархической России, Североамериканские соединенные штаты по этому показателю безнадежно проигрывали, уровень и публичного, и частного, криминального насилия в демократической стране был несоизмеримо выше. Хотя это и старались не признавать, не делать таких сравнений, по крайней мере в САСШ, – все равно это было правдой.

Возьмем тот же Бейрут. Войдя в мятежный город, армейские и жандармские подразделения уничтожили несколько десятков тысяч человек. Среди них были и местные исламские экстремисты, и пришлые – какой мрази там только не было на тот момент! Кто-то погиб в боях, кто-то прошел через военный трибунал – десять минут на рассмотрение дела, без адвоката и прокурора, и немедленное приведение приговора в исполнение. Вариантов приговора только два – расстрел или повешение. Еще кого-то солдаты повесили на месте, не довели даже до военного трибунала. Согласно своду законов Российской империи, командир воинского или жандармского подразделения, захвативший мятежников, оказывавших вооруженное сопротивление властям, имел право своей властью судить их на месте и немедленно привести приговор в исполнение. Так частенько и делали – не было возможности конвоировать захваченных до трибунала, или просто было лень это делать. Никого за это не наказали. Вот за мародерство на собственной территории пару подонков расстреляли перед строем – а за это никто и никого не наказал.

Недемократично? Еще бы! Чрезвычайщина! Произвол! Ни один честный человек не станет сотрудничать с государством! Агу их! Позор кровавой романовской диктатуре!

Однако же Бейрут за прошедшие четыре года восстановили – и теперь на его улицах ночью гулять намного безопаснее, чем раньше, – потому что многие бандиты и экстремисты были тогда расстреляны и больше угрозу подданным не представляли.

А теперь возьмем жутко демократичные Североамериканские соединенные штаты...

Во всех южных штатах, да какое там в южных – во всех – гетто, вооруженные до зубов банды – негры, мексиканцы, кубинцы, колумбийцы, сальвадорцы. Многотысячные банды имеют отделения в разных штатах и городах, а оружие для своих членов некоторые закупают оптом – чтобы подешевле было. Через южную границу, «защищенную» огромной стеной, на которую потрачены многие миллиарды долларов, прорываются мексиканские бандформирования, пролетают самолеты с наркотиками – какие-то сбивают, какие-то нет. Широко применяется смертная казнь – людей жгут заживо на электрическом стуле, травят газом и ядом, вешают. Но ситуация не только не улучшается – она ухудшается. Во многих «цивилизованных» городах на улицу страшно выйти не то что ночью – страшно и днем. Роскошные кварталы обороняются, создавая собственные эрзац-армии и службы безопасности, в бедных кварталах царит беспредел, ну а кварталы для миддл-класса – оказываются между молотом и наковальней.

И сравните это с Российской империей, где по ночам можно гулять по городу, и максимум, что с тобой случится – так это кошелек отнимут. И то вряд ли.

Да, в Бейруте при подавлении мятежа уничтожили множество бандитов и экстремистов, причем без соблюдения демократических судебных процедур. Да, в Российской империи монарх имеет право своей властью судить и приговорить к любому виду наказания, в том числе и к смертной казни любого подданного. С возмущением говоря об этом, обличители забывают упомянуть, что только старики помнят, когда Государь воспользовался этим своим правом в последний раз. В сороковые, наверное, когда еще шла война на Восточных территориях. Но дорогая ли это цена за спокойствие и возможность спокойно ходить по улицам? Не думаю. В Североамериканских соединенных штатах постоянно раздаются вопли о том, что необходимо ужесточить правила владения оружием, – обычно после того, как озверевший от наркотиков подонок ворвется с автоматом в школу или в закусочную. А в Российской империи для того, чтобы пойти в магазин и купить пистолет, достаточно записки от околоточного надзирателя, в гимназиях преподается начальная военная подготовка с обязательной стрельбой из боевого и мелкокалиберного оружия, с посещением воинских частей. Выходящий в отставку офицер забирает свой автомат с собой и хранит его дома на случай мобилизации, а казаки держат на чердаках даже безоткатные орудия. И опять-таки – никто не припомнит, чтобы где-то когда-то кто-то ворвался в гимназию и начал стрелять. Да и смертная казнь, повсеместно применяемая в Североамериканских соединенных штатах, в Российской империи в семидесятые годы отменена по всем уголовным составам преступлений, оставлена только по преступлениям подрывным и антигосударственным.

Странно, правда? И оружия на руках много, и смертной казни нет, и страна не слишком демократическая – а жить в ней спокойнее и проще.

Одним из институтов параллельной власти в Североамериканских соединенных штатах были НКО – некоммерческие организации. В той же России к ним относились с подозрением: если люди собрались вместе, чтобы денег заработать, дело сделать, – это одно, а вот если не для денег, тогда... надо разобраться, для чего именно. В САСШ же этих некоммерческих организаций тысячи и десятки тысяч. Какие-то занимались благотворительностью, какие-то наукой, какие-то и вовсе непонятно чем. Некоторые были учреждены одним богатым человеком – в САСШ богатые люди частенько составляли завещание так, что деньги после смерти попадали в траст, а на доходы создавали организации, раздающие гранты и занимающиеся тем, что покойник при жизни считал важным и нужным. Некоторые организации живут на пожертвования, некоторые на лоббистские перечисления, некоторые – на правительственные гранты, а некоторые – вообще непонятно на что.

К одной из организаций, которые занимаются непонятно чем и живут непонятно на что, относился «Орден Свободы». В отличие от многих организаций подобного рода, считающих, что чем громче они заявят о своих целях – тем быстрее эти цели будут достигнуты, «Орден Свободы» действовал в тишине. Он никогда не претендовал ни на какие гранты, частные или государственные, не имел постоянных сотрудников, не имел постоянного офиса, почти не вел никакие записи – вообще, патологически боялся какой-либо огласки своей деятельности. Деятельность эта была... не сказать чтобы незаконной. Собирались люди, вместе отдыхали, пили чай и кофе, устраивали семинары и диспуты, на которые приглашали виднейших ученых, политологов и социологов. А также... решали дальнейшую судьбу человечества. В принципе, судьбой человечества может распоряжаться каждый, в палатах любого сумасшедшего дома можно встретить и Наполеона, и Юлия Цезаря, и много кого еще. Но эти люди распоряжались судьбой мира реально, ибо имели достаточно денег и власти для этого...

На сей раз люди, решающие судьбы мира, собрались в небольшом частном охотничьем владении Трмонт, в штате Коннектикут. Штат этот был небольшим – всего пять с половиной тысяч квадратных миль, лесистым и тихим, – в то же время он располагался совсем недалеко

от средоточия политической власти САСШ – Вашингтона. В этом штате проводилась одна из лучших в стране, да, наверное, и во всем мире охот на оленей – настоящая оленья страна. Поэтому природу здесь особенно берегли, а во время сезона охоты магазины, торгующие охотничьим оружием, снаряжением и патронами, делали полугодовую выручку. Сейчас до сезона – он открывался в ноябре – было еще довольно далеко, а в лесу в это время года – сушая благодать. Поэтому предприимчивые владельцы охотничьих отелей наперебой рекламировали отдых в своих владениях – продолжительностью от месяца до одного уик-энда. Желающие находились – вашингтонская жизнь изматывала...

Охотничье владение Тремонт было одним из самых удаленных и крупных – как-никак двести квадратных миль, причем не в аренде, а в собственности. Еще большей странностью было то, что Тремонт никак себя не рекламировал, особо и не видно было, что он заботится о притоке клиентов, и даже никто и никогда не видел его владельца. Клиенты, конечно, были – в основном прилетали туда на вертолетах, потому что в поместье имелись две вертолетные площадки. Это, а также и многие другие странности заставляли местных думать, что владение на самом деле принадлежит правительству САСШ и используется для отдыха высокопоставленных чиновников. Собственно говоря, местные были не так уж и неправы.

Каждый заезд в Тремонт вызывал некоторое оживление – особенно в международном аэропорту Брэдли. Сам по себе этот аэропорт не был большим, он не был хабом, через который стыкуются рейсы, но бизнес-терминал в нем был, причем из приличных. Вот к нему и подружили два бизнес-джета «Фалькон», оба прилетевших из Великобритании и совершивших посадку с перерывом примерно полчаса. Эти самолеты привезли британскую делегацию, британскую секцию «Ордена Свободы». В бизнес-терминале прилетевшие не задержались – сразу после посадки гости проходили к вертолетам, стоящим рядом на поле, которые сразу после этого немедленно взлетали. Была ночь, и выяснить, что это за гости, никому не удалось...

Частное охотничье хозяйство Тремонт представляло собой тридцать небольших, но крепко сделанных и уютно оборудованных домиков, в каждом из которых при необходимости могли разместиться четыре человека. Домики были двухэтажными – на первом этаже большая гостиная с настоящим, отапливаемым дровами камином и кухня. Лестница из гостиной вела на второй этаж – состоящий из крошечного холла и четырех небольших спален. Домики изнутри были отделаны исключительно деревом, ни телефонов, ни телевизоров, ни компьютеров в них не было. Деревянная мебель, грубое домотканое полотно на шторах – если бы не электрическое освещение и современные кухонные приборы, можно было бы подумать, что ты находишься веке этак в XIX. Благословенное время, когда не звонил каждые пять минут сотовый телефон...

Были в хозяйстве Тремонта и строения побольше – ровно три. Одно из них – длинное, прямоугольное, приземистое – огромный обеденный зал на сто человек, с камином, в котором можно целиком зажарить тушу взрослого оленя – так, кстати, в сезон и делали. Еще одно здание – двухэтажное – несколько уютных гостиных, оборудованных самыми современными средствами связи и презентаций, – на первом, плюс конференц-зал на сто мест с трибуной – на втором. Третье здание – для обслуживающего персонала и охраны. Мало кто знал о том, что помимо прочего там хранится целый арсенал боевого оружия.

Охрана в хозяйстве Тремонта была незаметной – и в то же время на высшем уровне. Охрана такого охотничьего угодья – в котором помимо прочего активно разводят оленей – дело сложное. В своей работе североамериканская охрана привыкла полагаться на технические средства – заборы, датчики, камеры. Здесь – ну где поставить камеру? К дереву прибить и провод до него тащить? А как отличить срабатывание охранного периметра от появления оленей, которых здесь полно, – охотничье хозяйство как-никак – от срабатывания на приближающегося снайпера. Поэтому «ставить» охрану был приглашен бригадир британской армии в

отставке Дэвид Джоунс, отслуживший восемнадцать лет в Британской Индии и не понаслышке знающий, что такое война. И охрану он поставил...

Охраной покоя посетителей частного охотничьего хозяйства Тремонт занимались в основном коллеги Джоунса – бывшие британские военные, также отслужившие в Индии. Здесь они разыгрывали из себя рыбаков, охотников, егерей. Днем и ночью они перемещались по периметру хозяйства, искали следы, сломанные ветки, примятую траву, проверяли собственные ловушки – короче, делали то, что и должны делать охраняющие периметр военные. Как ни крути – а самая лучшая в мире охранная система – это опытный, прошедший войну следопыт, знающий, что и как искать, как оставаться невидимым в лесу, что означает сломанная ветка или отсутствие росы на траве. Дэвид Джоунс свое жалованье отработывал сполна...

В отличие от охраны с прислугой здесь было... не то, что плохо – просто ее было мало – по самому что ни на есть минимуму. В этом-то, собственно, и заключалась идея хозяйства – приезжающим сюда людям до смерти надоедало навязчивое обслуживание «высшего класса», и они хотели остаться наедине сами с собой и с природой. Поохотиться, половить рыбу в ручье, просто уединиться в лесу и послушать птиц. Некоторые даже готовили себе сами.

Оба вертолета, летавшие за британскими гостями, сели на подсвеченные по периметру посадочные площадки. Гостей никто не встречал – в некоторых домиках горел свет, а в некоторых нет. Поворчав для приличия, британцы разобрали свои вещи и начали расселяться...

...Экран был большим, двухсотдюймовым, собранным по индивидуальному заказу, – и отлично передавал все подробности. Цвет, звук – все было на уровне.

Это было «Шоу Опры» – самая популярная программа на американском телевидении бог знает сколько времени. Владелица этого шоу, самая богатая женщина шоу-бизнеса Америки – Опра Вингли, была полной и сейчас уже довольно немолодой негритянкой с ослепительной улыбкой, подозрительно гладким лицом и показной, даже нарочитой душевностью. В ее шоу – если его смотреть не североамериканцу – не было ровным счетом ничего интересного. Обычное ток-шоу с ведущей и гостями, со специально подобранными статистами в студии. Ведущая не отличалась ни умом, ни красотой, ни талантами, вопросы и ответы на них обычно репетировались заранее. Однако североамериканцы его смотрели – да так, что во время, когда шло это шоу, у телеэкранов собиралось полстраны, а рейтинг этого шоу не опускался ниже первого места уже много лет. Состояние же самой Опры приближалось к трем миллиардам долларов. Бытовала поговорка: «Если ты попал в шоу Опры, ты уже завоевал Америку...»

Сегодня гости были необычные – настолько необычные, что телекомпания CBS, которая на данный момент показывала шоу на своем канале, заранее дала рекламу. Ожидался только один гость – мегазнаменитый, но все же один. И только сама Опра и несколько человек в руководстве телекомпании знали, что гостей будет двое. По настоянию гостей запись шла в прямом эфире – как и обычно, из Чикаго.

Собственно говоря, это шоу и стало причиной, почему очередное собрание «Ордена Свободы» перенесли на месяц вперед. Поэтому же на нем не смогли присутствовать некоторые действующие политические деятели – график действующего политика обычно забит до отказа, и выделить несколько дней для отдыха на природе он себе никак не может позволить. Но и тех, кто все же успел приехать, было достаточно для принятия решений...

Сейчас несколько человек сидели в удобных креслах, в одном из кабинетов на первом этаже Большого дома – так называли дом для конференций – и смотрели в записи шоу, уже наделавшее немало шума в Америке. Шоу шло не с первых минут, режиссер выделил только самые значимые для этих людей отрывки. Смотрели молча...

На экране был зал, столь знакомый миллионам людей, была сама Опра, как всегда блиставшая своими белыми зубами и роскошной прической, была музыка. И еще была молодая пара – странная для Америки. Она – потрясающе красивая брюнетка, одетая в нарочито скром-

ное и в то же время обтягивающее – при российском Молодом дворе¹⁵ нравы были не слишком строгие – черное платье. Выделялось украшение – кольцо из серебра с десятками бриллиантов, подчеркивающее изящную линию шеи. Помимо обычных бриллиантов в кольце – в большом равностороннем бриллиантовом кресте по самому центру – находился удивительной красоты красный бриллиант, даже специалист, скорее всего, не решился бы назвать его цену.

Молодой человек – его в отличие от дамы в Америке никто не знал – выглядел сосредоточенным и спокойным. Строгий светло-серый костюм, больше походивший на военную форму, – это и являлось одним из вариантов парадной формы лейб-гвардии. В таком костюме было принято появляться на придворных приемах российского императора. Черно-желтая ленточка Георгиевского креста. Единственная награда – других он не удостоился, ибо не выполнил в свое время приказ. Не было бы и этой – но за него единогласно проголосовали его солдаты – те, кого он вел на смерть, и сам шел вместе с ними. Несколько планок и знаков отличия – «За ранение в бою», «За особое мужество, проявленное при выполнении воинского долга», «За Бейрутскую кампанию», «За службу в районе боевых действий». Знаки классности – парашют с цифрой сто – выполнено сто прыжков с парашютом. Оскалившийся снежный барс в перекрестье прицела и два кинжала – значок инструктора горнострелковой подготовки. Наконец, небольшой значок – синяя эмаль земного шара, белая – раскрытый купол парашюта и те же два скрещенных кинжала. Фалерист¹⁶, хорошо разбирающийся в российских наградах, мог бы сказать, что это – знак службы в частях разведки воздушного десанта Российской империи, один из наиболее почитаемых в армии. У обычных десантников два скрещенных кинжала заменял один обычный русский обоюдоострый меч.

Молодой человек говорил, глядя прямо в камеру, говорил спокойно и отчетливо, на хорошем английском с небольшим акцентом. Странно, но даже сейчас те люди, которые собрались у экрана, – все они ненавидели Россию, только в разной степени, – все они слушали, затаив дыхание...

– ...У вас неправильное представление о природе и сущности Государства Российского. Величие русского народа в том, что он никогда не боялся принимать на себя ответственность за жизнь и судьбу других народов. Русский народ никогда не уничтожал другие народы. Только благодаря русским существуют такие народы, как грузинский и армянский. А ведь, если вспомнить историю, армянский народ находился на грани полного истребления, когда преступное правительство младотурков приняло решение вырезать армян до последнего человека. Только благодаря русскому народу мир, спокойствие и процветание пришли на Ближний Восток, туда, где его никогда не было за всю его историю. На территории Междуречья, на тот месте, где в начале века были только гнилые болота, теперь цветут сады и колосится пшеница – как и тысячи лет назад, во времена Навуходоносора. Там, где были пустыни, теперь дороги, заводы и города. Там, где веками лилась кровь, наступил мир. И так есть везде, где властвует Российская империя.

– А как же события в Бейруте? – Опра сделала большие глаза. – Там ведь несколько лет назад творилось страшное...

Вопрос явно был кем-то подсказан до передачи – средний американец имел смутное представление не только о том, что происходило в Бейруте, но и о том, где Бейрут вообще находится.

– Да, там творилось действительно страшное. – Цесаревича этот вопрос ничуть не смущал. – На мирный город напали бандиты, пришедшие из других земель. Все думали, что в XX веке такого не может быть, но это свершилось. И самое страшное – эти люди убивали других

¹⁵ Молодой двор – так именовался в среде русской аристократии двор наследника престола.

¹⁶ Фалеристика – коллекционирование значков и медалей.

людей, тех, кто молится тому же богу, что и они, только за то, что они подданные моего отца. Этого было достаточно для того, чтобы их убить.

– И вы тоже там воевали? – ловко вставила вопрос ведущая.

– Да, и я там воевал. Более того – я был тяжело ранен и находился какое-то время при смерти. Предвидя ваш следующий вопрос, да, я там убивал. Но я горжусь этим, ибо я не убил ни одного безоружного человека, ни одного человека, на чьих руках не было бы крови невинных людей. В этом и заключается священный долг воина – не убивать, а защищать. Защищать тех, кто не может защитить себя сам.

Опра намеревалась что-то вставить еще, но молодой человек поднял руку.

– Позвольте продолжить. Благодаря тому, что русская армия вмешалась в происходящее, в этом городе по-прежнему есть жизнь. В этом городе не отрубают головы людям на площадях. В этот город может приехать каждый из вас и убедиться, насколько он прекрасен.

У вас на южной границе сейчас происходит нечто подобное. В вашей воле это прекратить. Североамериканский народ может протянуть руку помощи мексиканцам – и взять на себя ответственность за их судьбу.

– Но мы же ввели контингент стабилизации в Мексику. – По глазам ведущей опытный человек мог понять, что все пошло вразнос, причем в прямом эфире, и сейчас она пытается лихорадочно выправить ситуацию.

– Да, вы сделали это. Но вы также построили стену. Вы когда-нибудь были там, где проходит эта стена, мисс Вингли?

– Нет...

– А я был. Да, да, я некоторое время прожил в Лос-Анджелесе, я был рядом с этой стеной, я видел ее. Семь метров бетона, датчики движения, видеокамеры... Патрули, мертвая полоса, на которой ничего не растет. Вы построили эту стену для того, чтобы отгородиться ею от происходящего по ту сторону стены. Но от беды не отгородишься стеной. Беда уже пришла к вам, она живет в ваших городах. Каждый раз, когда от передозировки наркотиков умирает кто-то, кто мог бы еще жить и жить, кто мог стать ученым, врачом да просто человеком – вот это и есть беда. Что же касается контингента стабилизации... ваши солдаты посланы туда лишь для того, чтобы стать мишенями на улицах мексиканских городов. Все, что они делают, – это поддерживают своим присутствием правительство – слабое, коррумпированное и никому не нужное, – а также охраняют североамериканскую собственность. Страна, пославшая их, не дала им цели, не обеспечила победоносным командованием – она просто бросила их умирать непонятно за что на улицах чужих городов. В Мексике правят наркобароны и откровенные бандиты – и ваша армия ничего не может с этим поделать.

– Но есть законная власть... Президент Варгас...

– Который?

– Простите?

– Который по счету президент? Если брать последние десять лет – то в Мексике сменилось семь президентов. Ни один из них не остался в живых. Трех убили по приказу наркобаронов. Двоих расстреляли во время государственных переворотов. Одного растерзала толпа. Еще один скрылся в неизвестном направлении, прихватив солидную сумму денег и часть золотого запаса страны. Еще один был тяжело ранен во время визита в вашу страну – но остался в живых и пока работает. Сколько времени понадобится, чтобы его убить. Год? Месяц? В Мексике нет ни законной власти, ни армии. Власть может считаться законной только в том случае, если она обеспечивает своим гражданам или подданным некий разумный уровень благосостояния и безопасности. Ни один президент Мексики, включая нынешнего, этого сделать не может. Армия может считаться армией, если она способна на что-то большее, нежели совершить государственный переворот в собственной стране. Такой армии у Мексики тоже нет. В Мексике нет никого, кого можно было бы назвать законной государственной властью!

– И что же вы предлагаете? – Опра потеряла управление беседой, наверное, впервые в жизни.

– Я не могу предлагать вам сделать что-либо. Я могу лишь сказать, как поступили мы в такой ситуации. Лишь в сорок девятом году на Ближнем Востоке закончилась активная фаза вооруженного сопротивления. Долгие годы мы вели эту войну – но мы сражались на своей земле. Мы сражались на земле, которая стала нашей. Мы знали, для чего мы это делаем. Мы сражались не с народом – мы сражались с бандитами, с убийцами, с теми, кто хотел, чтобы на Востоке все было, как раньше. Чтобы отрезали головы, чтобы забивали камнями людей, чтобы жили в нищете многие и в невыносимой роскоши единицы. Чтобы торговали людьми, как скотом. Мы вели эту войну тридцать лет – но каждый знал, за что сражается, – поэтому мы и победили. Мы приняли на себя ответственность за судьбу живущих на земле Востока народов, мы прекратили длящиеся веками распри, мы принесли мир и процветание туда, где его никогда не было. И поэтому с полным правом можем называть себя великим народом. Настало время и для североамериканцев определить – кто они есть? Готовы ли они взять ответственность не только за свою судьбу – но и за судьбу других людей? Ответить на вопрос – являетесь ли вы великим народом. Я вижу и уверен – являетесь!

– Достаточно, – седовласый человек, на вид лет пятидесяти или чуть меньше, в речи которого слышался неистребимый тexasский акцент, щелкнул пультом дистанционного управления. Экран погас, а свет, наоборот, зажегся...

– Несите бремя белых угрюмым племенам... – процитировал один из сидевших рядом с телевизором членов британской делегации.

– Что, простите?

– Несите бремя белых угрюмым племенам, – повторил британец. – Это из Редьярда Киплинга. Славные были времена...

– Славные... – подтвердил кто-то.

– Что предпримет Белый дом? – спросил седовласый.

Все взоры сидящих у телевизора обратились к невысокому, угрюмому мужчине, самому молодому из присутствующих.

– Белый дом выпустил пресс-релиз. Публичные заявления наследника российского престола названы провокационными и безответственными.

– И все?!

– И все, – подтвердил мужчина, – я имел беседу с Президентом по этому вопросу. У него в голове только выборы. Больше ничего не будет. Никаких демаршей – ни официальных, ни неофициальных.

– Нормально... – пробормотал седовласый.

– Если брать в расчет дипломатический протокол, тут все правильно, – вступил в разговор еще один из членов британской делегации. – Наследник российского престола лицо частное, здесь тоже с частным визитом. Да и передача эта – тоже обычное телевизионное ток-шоу. А у вас здесь – демократия. Даже если бы он снял штаны прямо в студии – это не потребовало бы никакой реакции, по нормам дипломатического протокола.

– Дипломатического протокола! – взорвался утопающий в кресле в самом дальнем углу, невысокий человек с худым, крысиным лицом. – К чертям собачьим дипломатический протокол! Пся крив, о чем вы все здесь говорите! Этот человек обратился к североамериканцам с экрана! Это уже объявление дипломатической войны! Как он посмел сделать такое?

Это был Збигнев Подгурски, «маленький поляк», бывший помощник Президента САСШ по вопросам национальной безопасности. Россию он ненавидел больше всех присутствующих. Как и у любого поляка, на первом месте у Подгурски стояла любовь к Польше, оккупированной москалями. В его памяти еще жили те давние времена, когда польские войска занимали Москву, и теперь он делал все, чтобы это повторилось. Ради этого он был готов подставить

Североамериканские соединенные штаты – страну, которая приютила его и его родителей, дала семье Подгурски работу, кров над головой, образование. Все это он был готов отринуть в один момент – если того требовали интересы Польши.

– До этого всего наследник встречался с президентом? – в лоб спросил седоволосый.

– Да.

– О чем шел разговор?

– Не знаю, – раздраженно произнес молодой, – Президент разговаривал с ним без протокола, в лесу, во время пешей прогулки. О чем шел разговор, он никого не считал нужным ставить в известность.

– Даже вас?!

– Даже меня. Никого.

– Еще лучше... – теперь откровенно разозлился и седовласый. – Что он о себе вообразил?

Седовласый тоже готовился стать президентом – правда, пока он был только губернатором штата. Его прозвали «палачом» – за то, что в этом штате шире всего в САСШ применялась смертная казнь, не хватало электрических стульев. Его отец, покинув Белый дом, во власти потерял немного и готовил свое триумфальное возвращение. Если не сам, так кто-то из его сыновей хозяином въедет в Белый дом. К нынешнему президенту его семья имела свои счета. Когда отец был у власти – он был при нем чем-то вроде серого кардинала. Бывший алкоголик, которого никто не воспринимал всерьез, – но менее опасным он от этого не становился. Вокруг себя он собрал группу людей, чьи взгляды казались радикальными даже для его отца. Это были в основном евреи, в молодости баловавшиеся учением Троцкого, а сейчас совместившие в своих взглядах крайне левый экстремистский троцкизм и дикие представления о Североамериканских соединенных штатах как богоизбранной стране и единственном в будущем мировом гегемоне. Их взгляды сложно было даже классифицировать в принятых для демократических стран системах координат «левый-центр-правый». Впитанные в молодости постулаты крайнего левачества, даже анархизма, вполне мирно уживались в их головах с крайне правыми идеями агрессивного национализма и ортодоксального религиозного консерватизма, причем не протестантизма, а иудаизма. Опасаясь высказывать свои истинные взгляды на мировой порядок, официально эти люди принадлежали к правоцентристам и медленно поднимались вверх по служебной лестнице, помогая друг другу. В будущем они всерьез рассчитывали прийти в этой стране к власти и изменить ее внутреннюю и внешнюю политику самым радикальным образом.

– А вы, мистер Монтгомери, что скажете?

Дуайен¹⁷ британской делегации, постоянный заместитель премьер-министра Великобритании, опытный и мудрый сэр Кристофер Монтгомери раздосадованно покачал головой.

– Я удивляюсь, что вы вообще допустили такое до эфира...

– Передача шла в прямом эфире, – сказал кто-то, – ничего сделать было нельзя. Свободу слова никто не отменял.

– Ай, бросьте! – снова начал заводиться поляк, но сэр Кристофер поднял руку, прося тишины.

– Я не североамериканец, у нас один язык – но все же мы разные. Поэтому я... позволю себе взглянуть на Североамериканские соединенные штаты глазами иностранца. У вас есть хорошее выражение – Джо Сикс-Пак¹⁸. Так вот – представим себе такого Джо Сикс-Пака. Он работает на хорошей работе, у него есть почти новенький пикап и закладная за дом, выплаченная на две трети. Еще у него есть семья, собака и несколько ружей, с которыми он охотится на уток и на оленей. И вот этот самый Джо Сикс-Пак сидит перед телевизором и слушает Опру,

¹⁷ Дуайен – обычно самый старый из аккредитованных в стране иностранных послов.

¹⁸ Джо Сикс-Пак – обычный парень. Сикс-Пак – это упаковка из шести бутылок пива, обычно в американских супермаркетах пиво продается именно в таком виде.

слушает наследника российского престола и то, что тот говорит об Америке. Он слушает, как тот говорит о великой стране Америке, как он жил здесь и в чем, по его мнению, может заключаться величие североамериканского народа. Он слышит, что тот говорит на таком же языке, что и он. Он видит, что рядом с ним сидит ослепительно красивая девушка, девушка – мечта Джо Сикс-Пака, королева голливудских грез.

Он слушает, как русский наследник престола говорит о том, что Североамериканские соединенные штаты могли бы присоединить к своим штатам еще тридцать один штат¹⁹. Он говорит, что североамериканцы должны взять на себя ответственность за судьбу мексиканского народа, что североамериканцы, черт возьми, хорошие ребята и должны победить в этой войне. Он говорит много чего еще – и все это Джо Сикс-Пак слушает.

А потом тот же Джо Сикс-Пак переключает канал на новостную программу и тоже слушает. Про то, как в его страну из Мексики потоком течет кокаин и амфетамины. Про то, как здесь торгуют наркотиками, – это он и сам видит, видит каждый день на улицах родного города. Он слушает про то, как североамериканские солдаты попали в засаду на улице какого-то занюханного мексиканского городка и понесли очередные потери. Он может зайти в Интернет и посмотреть статистику по погибшим. Он знает, что на эту войну выделяются бюджетные деньги – а бюджет пополняет он, налогоплательщик.

Он смотрит и то, как ваши политики пререкаются между собой на трибуне. Как страну сотрясают предвыборные скандалы и льется заботливо припасенная к выборам грязь. Он смотрит на все это – и сравнивает...

И тогда он говорит себе: черт возьми, да этот русский прав! Он неплохой парень, кто бы что про него ни придумывал. Вот бы его нам в президенты! Или такого, как он. Тогда бы он быстро навел порядок, и наша страна стала бы больше, и нашим парням из морской пехоты не пришлось бы гибнуть в перестрелках. Теперь вы понимаете, что сделали русские этой передачей?

Когда сэр Кристиан закончил свою речь, все молчали. Молча пытались понять, что будет дальше.

– Чего хотят русские?

– Русские... – сэр Кристиан задумался, – русские много чего хотят. Мощь экономическая всегда конвертируется в мощь военную. Мощь военная всегда конвертируется в мощь политическую. Мощь политическая всегда конвертируется в мощь территориальную. Это закон политики, тут ничего не поделаешь. Сейчас русские выпутались из долгов и нарастили военную мощь – настолько, что мне кажется, они выстоят, если на них нападет весь остальной мир. Теперь они хотят мощь военную конвертировать в политическую мощь. Россия выходит из тени – и это новое ее лицо. Русские предлагают простые решения сложных проблем. В Мексике идет вялотекущая гражданская война? В Мексике торгуют наркотиками направо-налево? В Мексике есть многотысячные вооруженные банды, нападающие на вашу страну и бесчинствующие в ваших городах? Решение простое – нужно просто оккупировать Мексику, сделать ее штаты штатами САСШ и навести там порядок. Вот и все. Самое плохое – что сидящему у экрана Джо Сикс-Паку именно такое решение проблемы и нужно – простое и понятное.

Решение было действительно простым и понятным – но для собравшихся здесь людей оно было категорически неприемлемым. Для британцев оно было неприемлемым, потому что Североамериканские соединенные штаты, вобрав штаты Мексики, замкнутся в себе лет на пятьдесят – нужно будет обустроить новые территориальные приобретения, наводить там порядок, интегрировать население... В этом случае до того, что происходит за океаном, до того, кто и как угрожает старушке Британии, – им не будет ровным счетом никакого дела. Вероятность того, что САСШ удастся втянуть в конфликт с Россией на стороне Бри-

¹⁹ В Мексике тридцать один штат и один федеральный округ.

таниш, приближается в этом случае к нулю. А британцам этот конфликт был нужен – и североамериканская поддержка в нем тоже. Очень нужен...

– Этого нельзя допустить, – спокойно произнес седовласый.

– Это проще сказать, чем сделать, сэр... Джо Сикс-Пак ничего не понимает в геополитике. Но, тем не менее, от него зависит – кто будет управлять вашей страной. Как бы то ни было – действующий президент вынужден учитывать мнение избирателей, особенно, если он работает первый срок.

– Джо Сикс-Пак сделает то, что ему скажут по телевизору, – раздраженно заявил еще один из участников собрания.

– Вот именно! Это знают русские – поэтому они наносят вам удар вашим же оружием. О жизни этой звездной пары будет трепаться вся светская пресса, это тема для постоянных обсуждений. Вернется ли мисс Моника к съемкам? Скоро ли у них появится ребенок? А когда появится – кем он все-таки будет и где будет воспитываться? Не изменяет ли мисс Моника, верней, уже почти что миссис, своему избраннику? А он ей? Русские смогут в любой момент выйти на телеэкран, сказать Джо Сикс-Паку все, что захотят! Они уже продемонстрировали нам свои возможности – и это только первая ласточка.

– Дискредитировать? – с показным равнодушием в голосе произнес кто-то. – Объявим принца, к примеру, гомосексуалистом. Или кто-нибудь начнет серию публикаций про добрачные похождения мисс Джелли.

Сэр Кристиан улыбнулся, как добрый дедушка, услышавший сказанную внуком глупость.

– Вы, вероятно, не были в России. И не знаете высший свет. Для них не имеет значения то, что происходит здесь. Вот если бы кто-то там, в России, назвал наследника гомосексуалистом – скорее всего, была бы публичная порка после разбирательства и приговора за клевету. Здесь, в САСШ, свобода слова, каждый говорит, что хочет, никакой ответственности – и именно поэтому русские сказанному не поверят. Они хорошо знают дело Ларри Флинта²⁰ и выводы, следующее из него...

– Остается только одно, – подвел итог седовласый, – свадьба эта не должна состояться. Чего бы это ни стоило...

Несмотря на то, что сэр Кристиан был более всего заинтересован в продолжении разговора и в принятии конкретных решений, он решил выждать и первым ни к кому не подходить. В этом был тонкий психологический расчет – нельзя показывать перед собеседником заинтересованность в чем-то, поскольку твоя заинтересованность – это и твоя уязвимость, это рычаг, на который может давить собеседник. И расчет сэра Кристиана оправдался.

Седовласый подошел к нему под вечер, когда сэр Кристиан сидел на поваленном дереве у самого берега небольшой реки и, свесив ноги в резиновых сапогах в прохладную проточную воду, ловил форель на муху.

– Клюет? – кивнул техасец на воду.

– Есть немного... – сэр Кристиан не стал доставать из воды садок, он вообще не стал никак показывать заинтересованность в продолжении разговора. Он ловит рыбу. И все.

– Хотел бы и я научиться вашему, истинно британскому терпению. Мне его частенько не хватает...

– Чем же увлекаетесь, сэр?

²⁰ Дело Ларри Флинта, рассматривавшееся в Верховном суде САСШ, фактически положило конец преследованиям за клевету в САСШ. Ларри Флинт, издатель порнографического журнала «Хастлер», написал о том, что один из иерархов церкви занимался сексом со своей матерью. Суд посчитал, что несмотря на явную клевету в этом утверждении Ларри Флинт имел право это сказать, поскольку свобода слова защищена Конституцией САСШ. Надо также отметить, что большую часть жизни Ларри Флинт передвигался в инвалидной коляске – потому что в него выстрелил неизвестный снайпер, когда он выходил из здания одного из судов, где выиграл процесс, касающийся порнографии.

– Стрельбой. Скачками на быках-родео, как и любой другой техасец, но боюсь, у меня уже не те кости, чтобы выдерживать нечто подобное.

Сэр Кристиан с показным равнодушием кивнул, глядя на пенящееся у ног серебро воды.

– Я бы хотел поговорить с вами. Продолжить утренний разговор. Но, прежде всего... я должен понять – вы представляете группу людей, готовых на решительные действия?

Монтгомери оставил удочку, повернулся всем телом к собеседнику.

– Сэр, вы прекрасно знаете, кого я представляю. Что же касается решительных действий – не кажется ли вам, что это мы должны ждать решительных действий от вас, а не вы от нас?

– Это так... – раздраженно скривился седовласый, – но сейчас наступили другие времена. Треклятая политкорректность. Проклятье. Еще пару десятилетий назад за то, что мой отец сделал, ему бы устроили овацию в Конгрессе. А сейчас – выкинули вон.

– Ему бы устроили овацию в Конгрессе за проигранную военную кампанию? – едко подколол британец.

– Черт бы вас побрал! – разозлился техасец. – Это вы и ваши люди втянули его в авантюру! Это вами были даны определенные гарантии!

– Гарантии, сэр? Насколько мне помнится, это ваши люди, североамериканцы, не сделали ту работу, которую должны были сделать.

– Ну да. Вся предварительная подготовка операции была проведена вами. Основные силы – тоже ваши. Если бы не этот план...

Сэр Кристиан внезапно улыбнулся, – он хорошо знал, когда надо натянуть вожжи, а когда отпустить.

– Как бы то ни было, Джон... – он впервые назвал собеседника по имени, – если мы будем выяснять, кто и в чем виноват – мы никогда ни к чему не придем. А сейчас нам как никогда необходимо единство. Вы согласны?

– Согласен... Согласен, черт бы все побрал... – пробурчал техасец, – правда, тот парень, что занял мое место, может быть, и не согласен, не забывайте об этом.

– Время течет быстро... – загадочно заметил сэр Кристиан, – и в наших скромных силах немного ускорить его бег. Если вы задаете вопрос, готовы ли мы к неким решительным действиям, я вам отвечаю – да, готовы. Но основную часть работы должны выполнить вы сами.

– Не все так просто... Я уже разговаривал... с людьми. Она сейчас не появляется без охраны. Охрана у нее – из русских, к ним не подступиться. А принц и вовсе не появляется у нас, а когда появляется – то очень на короткое время, и его охраняет Секретная служба.

Британец расхохотался.

– Вы что, собираетесь их убить?

Техасец дернулся – от громких слов, да еще от вещей, названных своими именами.

– При чем тут это? Мы говорим о чем-то другом?

– Да нет. Об этом самом. Но, просто устранив их, ничего не решишь. Нужно не просто устранить их – нужно сделать это так, чтобы не вызвать сочувствия у пресловутого Джо Сикс-Пака. А еще нужно сделать это так, чтобы сделанное не вызвало войны.

– Войны?

– Вот именно. Войны. Война бывает разной, необязательно это сражения с миллионами участников. Война может быть и тайной – причем не менее разрушительной.

– Что вы предлагаете?

– Сделать домашнюю работу, я же сказал. Если вы просто убьете его или ее или их обоих сразу – последствия будут такими, какие вы даже не представляете. Мотив нужен такой, чтобы он вел куда угодно, только не к вам. И не к нам.

Техасец кивнул, соглашаясь, хотя он ничего толком не понял. Не страшно, есть люди, которые помогут.

– Наше соглашение касается только этого узкого вопроса? Или?

Есть!

– А как бы вы этого хотели?

Техасец посмотрел на собеседника, но не смог уловить его взгляда – хотя казалось, они смотрели друг другу прямо в глаза.

– Что?

Теперь заулыбался британец.

– Истинно североамериканский подход к делу. Это радует. Нам нужен прямой и равный доступ ко всем разведанным месторождениям природных ископаемых Латинской Америки и тем, что будут разведаны в будущем.

– Прямой и равный... – с сомнением проговорил техасец.

– Ну же... ведь Америка – страна равных возможностей для всех...

Оба собеседника понимающе улыбнулись. Равных-то равных...

– Про Аляску и любые другие территории, принадлежащие нашей стране, – речи быть не может.

– Допустим.

– Мексиканский залив?

– Но это же не ваша территория.

– Там наша исключительная экономическая зона.

– Бросьте. Я же говорю про равные возможности. Честные и открытые тендеры.

На самом деле при «честных и открытых» североамериканцы шансов почти не имели. Поднаторевшие в тайных интригах британцы никогда ничего не выигрывали честно и открыто.

– Согласен, – тяжело вздохнул техасец, – но нам понадобятся деньги. Предвыборные кампании недешевы.

– Этот вопрос решаем, – заверил британец.

Двое мужчин скрепили достигнутые договоренности рукопожатием.

– А насчет...

– Не здесь. И – не сейчас...

06 июля 1996 года.

Лондон, Великобритания,

железнодорожная станция «Ватерлоо Восточная»

Железнодорожная станция «Ватерлоо Восточная» расположена в самом центре Лондона – меньше километра по Ватерлоо-роуд – и въезжаешь на мост через Темзу. А за мостом – Букингемский королевский дворец и престижнейшие районы: Челси и Бельгравия, где земля ценится буквально на вес золота. Знаменитый и самый загруженный в мире вокзал Ватерлоо находится в сотне метров восточнее – станция расположена буквально перед его фасадом на другой стороне улицы, и с вокзала на станцию ведет крытый, отделанный черно-белыми шашечками переход. Севернее находится Королевский национальный театр, западнее – громадное лондонское колесо обозрения, оставшееся тут после какой-то выставки, и лондонский аквапарк. В общем и целом – одно из самых шикарных мест этого города. Четыре железнодорожные колеи, навесы, напоминающие перевернутую лодку, окрашенные в насыщенный коричневый цвет. Как всегда, спешащие лондонцы – неспешно прогуливающийся британ-

ский джентльмен давно остался в прошлом, жизнь сейчас – это жизнь на большой скорости. Поезда...

В отличие от североамериканских городов, в Лондоне обычные железнодорожные пути не спрятали под землю, подобно путям метрополитена, по ним так и ходили поезда, и на поезде можно было проехать через весь Лондон. Почему так – никто не знал, то ли денег у муниципалитета не хватало (хотя за те деньги, за какие можно было продать застройщику землю в этих районах, хватило бы построить тоннели под всем Лондоном и еще бы осталось), то ли эти самые железнодорожные пути считались культурным наследием города. Как бы то ни было, толпы людей приезжали из пригородов на работу не на метро, а именно поездом.

Бухгалтер занял позицию еще ночью. Он облюбовал крышу четырехэтажного здания странной расцветки и архитектуры – оно было похоже на ящик с детским конструктором и раскрашено в бледно-голубой и светло-коричневый цвет. Рядом точно такое же здание, девятиэтажное – но обнаружения он не боялся. Позицию он подобрал в будке на крыше – там находилось моторное отделение большого грузового лифта. Лифт этот он вывел из строя, поднявшись ночью по пожарной лестнице. Поскольку одет он был в рабочую форму, даже если кто его и увидит, подумают, что вызванный сотрудник лифтовой компании ремонтирует лифт, и не более того. Винтовку он до поры до времени спрятал в большом инструментальном ящике.

Сейчас он целился в стойку с часами, стоящими на перроне, прямо в циферблат, и спокойно ждал. Скоро должен подойти поезд.

Он не знал, кого ему предстоит убить, да это и не важно. Тот, кого он убьет сегодня, – всего лишь пешка в большой шахматной партии. Для того, чтобы выиграть партию, можно пожертвовать пешкой и даже целой фигурой. Фигурой был сэр Энтони Браун, постоянный заместитель министра иностранных дел. Он был хорошей, оправданной мишенью для русских и одновременно стал слабым звеном в цепи. Его похождения уже стали притчей во языцех, он открыто жил с любовником намного моложе его и был крайне уязвим для шантажа. Кроме того, он имел самое прямое отношение к провалам британцев во время бейрутского кризиса. Потому сэр Энтони Браун и умер на асфальте беговой дорожки Риджент-парка. Были и еще две фигуры – но прежде чем «исполнить» их, все это надо хорошенько залегендировать.

Бухгалтер рассматривал людей через прицел, пытаясь от нечего делать определить, кто и чем занимается. Вот девушка... с рюкзачком и этой современной ужасающей прической... нежно-розового цвета... студентка, наверное... лесбиянка, потому что сейчас быть лесбиянками и гомосексуалистами можно... подданные альтернативного сексуального выбора... не дай бог тронуть... страна катится псу под хвост, когда он начинал, такого не было... поэтому война будет в самый раз, война как следует встряхнет это разлагающееся в болотной тине общество...

Поэтому-то он не сожалел о том, что сделал, и не сожалел о том, что сделать только предстоит. Когда-то давно он прочитал какую-то философскую книгу, он уже не помнил автора... не помнил названия, но одна фраза запала ему в душу... если бы у него был родовой герб, он бы сделал эту фразу своим девизом.

Порой бывает необходимо, чтобы во имя целого народа умер один человек. Но целый народ никогда не должен умирать во имя одного человека.

Герба у него не было. У него вообще ничего не было – ни дома, ни семьи, ни даже места, которое бы он мог назвать домом. Был он сам, несколько счетов в Швейцарской конфедерации, счетов тайных, номерных, у которых нет и никогда не будет имени владельца. Только номер. Он и сам был лишь номером в досье, если это досье еще не уничтожили.

Он не мог и сам себе признаться – для чего он это делал? Для денег? Их у него вполне достаточно, особенно после Афганистана – можно было удалиться на покой и поселиться где-нибудь... может быть, в Латинской Америке. Не на Карибах, там часто селились британские отставники, чтобы провести остаток жизни, грея кости на пляже. Может быть, Аргентина?.. Для Родины – у него давно уже не было родины, родина предала его, использовала и выбросила,

как грязную тряпку, и не только его, но и многих, таких, как он. То, что он выжил, стало лишь статистической погрешностью, он не должен был выжить, он должен был лежать там, вместе со всеми. Их бросили, словно карты на стол, в геополитическом раскладе, а когда тот оказался проигрышным – просто вышвырнули как ненужный хлам. Он тогда вернулся, чтобы мстить, это было единственное, ради чего он выжил в той мясорубке, – но тут его нашел Монах. Он до сих пор не знал, как тот его нашел, – но факт остается фактом – в тот день, когда он выследил *кортеж*, когда он уже подготовил мину и спрятал ее под матрасом дешевого мотеля – к нему в дверь постучали. Монах пришел один. И он объяснил выжившему спецназовцу – теперь уже бывшему спецназовцу, – что есть разные способы мстить. И в его воле выбрать один из них.

Конечно же, Монах лгал. Это было смыслом его жизни, ложь, он учился в иезуитском колледже, постигая многовековой опыт лжи, – он лгал и ему. Ему просто понадобился ликвидатор, человек, отринувший от себя человеческое, человек, чья душа уже сгорела на адском костре. Человек, который не раскается. И он нашел такого человека. И хотя Монах лгал – в одном он был прав, это хороший способ отомстить.

Это теперь и стало смыслом жизни Бухгалтера. Мечь.

Вот он...

Он не знал этого человека и видел его впервые, но понял, что это он. Пожилой, в плаще, с папкой – правительственный служащий. Осознание собственной значимости, самоуверенность и снобизм были написаны на его исполненном благородного достоинства лице. А почему такой солидный джентльмен ездит поездом... сейчас это принято, так символизируется близость к народу.

Такой человек заслуживает особенного выстрела...

Он спустил курок в тот самый момент, когда тронулся поезд, – конечно же, этот джентльмен выбрал вагон люкс – с двумя похожими на авиационные креслами в каждом полувагоне, с большим телеэкраном, с проводником. Попал он, как всегда, точно – через открытое окно, прямо в голову, на перроне никто ничего не заметил. Когда поезд, скрипя тормозами, остановился, отойдя на полкилометра от платформы «Ватерлоо Восточная», – его, конечно, на крыше уже не было.

В тот день он застрелил еще двоих. Даму на велосипеде в Кройдоне и какого то мальчишку-анархиста, который разбил на его глазах телефонный аппарат в общественной кабине в Ричмонде. Все оказалось проще, чем он себе представлял. Выбираешь цель – целишься – ба-бах!

08 июля 1996 года.

Российская империя, Туркестан.

Пограничная зона

– Он шарит локатором левее от нас. Нас не видит. До выхода его из зоны – пять с небольшим минут.

– Принял! – командир вертолета бросил взгляд на бумажный планшет, которым пользовался по старинке. – Что предлагаешь потом?

– Уходим севернее, идем ущельем, – мгновенно ответил лейтенант Веселаго, специалист по радиоэлектронной борьбе, – склоны ущелья отразят и рассеют радиосигнал.

– А если ПЗРК?

– У нас есть средства РЭБ. Я могу опознать опасность, как только мы войдем в пределы прямой видимости ПЗРК.

Полковник от авиации Назралла Фахри, среднего роста, коренастый, седой, как лунь, турок, оторвал на миг затянутую в кожаную перчатку руку от ручки управления «Сикорским», провел по жесткой щеточке усом.

– Запроси обстановку, – коротко бросил он, думая про себя, что Веселаго не так уж и плох. В последнее время в военных училищах учат абы как, приходится по году доучивать на местах службы. А этот молодец, на лету схватывает.

Лейтенант Веселаго – несмотря на то, что обстановку запрашивали пятнадцать минут назад, а в горах она быстро не меняется, и не подумал обсуждать приказ полковника. Полковник Фахри был легендой 44-го вертолетного спасательного эскадрона, одним из немногих вертолетчиков, имевших нашивку с буквой «М» на рукаве летной куртки – мастер, наивысшая из возможных категорий классности – и право на карту на фюзеляже. Карта – это уже признак настоящего аса, всего в ВВС действующих летчиков, имевших право наносить изображение карты на фюзеляже, было пятьдесят два – по числу карт в колоде. Пятьдесят два – ни больше, ни меньше, следующий получал это право только тогда, когда кто-то из них погибал или уходил в отставку. Авиаторы эти были организованы в своего рода общество, и новых членов выбирали тайным голосованием. Полковник Фахри, один из трех вертолетчиков, был членом общества вот уже десять лет, а на фюзеляже его «Сикорского-89» красуется десятка крестей.

Пока полковник что-то высматривал на карте, лейтенант Веселаго переместился к станции связи, нащупал нужную частоту.

– Дозорная башня-двенадцать, ответьте Гюрзе... Дозорная башня-двенадцать, ответьте Гюрзе... – монотонно забубнил он.

– Дозорная-двенадцать на связи.

– Прошу обстановку по квадратам одиннадцать-шесть и дальше до восемнадцати. Информацию прошу передать по основному каналу. Так же прошу информацию по квадратам двенадцать-восемь, двенадцать-десять, десять-шесть, способ передачи тот же.

– Вас понял, Гюрза, устанавливаю канал передачи...

Матово загорелся экран перед глазами лейтенанта, побежали строчки цифр.

– Прошу подтверждения.

– Есть канал.

– Вас понял, приступаю к передаче информации...

Прошли те времена, когда обстановку диктовали по связи, а штурман лихорадочно наносил ее на карту. Сейчас – закрытый, помехоустойчивый канал связи с самолетом АВАКС, высокоскоростная передача информации со спутника и самого АВАКСа, один большой, размером двадцать девять дюймов по диагонали цветной экран у штурмана-оператора систем РЭБ, по два маленьких – у первого и второго пилота, и еще можно подключить один экран в десантном отсеке – для командира досмотровой группы. Красота! Вся обстановка как на ладони. Не то что раньше – летишь будто к чертям в ад, идешь по ущелью и гадаешь, что тебя ждет на выходе. Если позиция мобильной ПВО, то... пишете письма. Сейчас же – спутник даже отдельного зенитчика с ПЗРК увидит и тебя о нем предупредит, не то что...

– Господин полковник, на маршруте движение! Минута тридцать до прохода самолета ДРЛО противника!

– Тебя понял... – проворчал полковник, – сохраняй бдительность...

Никто теперь уже не помнил – кто и когда придумал эту игру с самой смертью. Кто-то говорил, что первая игра состоялась в начале восьмидесятых, кто-то утверждал, что еще в семидесятые «ходили на ту сторону нитки». Это была жестокая и мужская игра, ставка в которой жизнь... и смерть. Причем смерть часто мучительная и жестокая – игра могла закон-

читься на колу или со снятой заживо кожей и вспоротым животом. Но все равно – в нее играли. Каждый год.

Правила игры простые. Каждый год, как только в южном учебном центре подготовки войск специального назначения подходил очередной выпуск, готовили выпускной экзамен. Не теоретический – именно такой. Самая что ни на есть практика. Взаправдашняя игра со смертью. Весь курс выпускников – тех, кто еще не отселялся – сажали в вертолеты, перевозили на ту сторону границы. И высаживали. В глубине афганской территории за сотню километров до границы. Оружие, патроны, снаряжение – на выбор, сколько унесешь. Все по-взрослому. Задача только одна – выжить, уклониться от поисковых групп афганской армии, племенного ополчения и банд душманов и дойти до своих. Дошел – значит, стал спецназовцем, заслужил право носить черный берет и значок с черепом и костями – наследие штурмовых отрядов еще Мировой войны. Нет...

Ну, нет – значит, нет.

Нигде, ни в одном учебном центре – не то что Российской империи – ни в одном учебном центре мира подобного профиля таких выпускных экзаменов не было. Североамериканцы устраивали адскую неделю – семь дней учений, с выполнением тяжелейших задач, без пищи и сна, с постоянными издевательствами инструкторов. В Священной Римской империи были африканские лагеря, без еды и воды, тяжелые переходы, перетаскивание камней и тому подобное. У нас забрасывали в Сибирь, в тайгу, задача – выйти к своим и выполнить по дороге учебные задания. Но нигде не додумались забрасывать выпускников в самый настоящий тыл к противнику.

Кто-то отказывался – никто никого не заставляет, колокол всегда там, где занимается группа. Подходи, звони. Но многие соглашались – ради значка и кокарды с черепом и костями, символа презрения к смерти и родства со смертью. Те, кто имел такой значок, вполне были вправе сказать смерти: мы с тобой одной крови, ты и я...

На такие дела шли самые лучшие экипажи вертолетов. Вот и сейчас командир сорок четвертого эскадрона, полковник Фахри лично сел за ручку управления своего «Сикорского», чтобы доказать и себе, что он тоже одной крови со смертью. И хотя ему было за пятьдесят, запредельный возраст для летчика, все знали – Фахри вывезет даже из преисподней, если случится туда попасть.

Вертолеты тоже были необычные – три «Сикорских-89» в модификации для поисково-спасательных операций. Сейчас они висели в десяти метрах над землей, в одном из самых опасных и непроходимых мест нитки, где изломанные пики гор рвались к небу, перемежаясь узкими ущельями. Они ждали, пока пройдет британский разведывательный самолет, делающий облет границы. Как только самолет пройдет – можно будет начинать...

– Господин полковник, «Дефендер»²¹ ушел из квадрата. Отметки не наблюдаю!

– Ждем...

Полковник прождал десять минут – благо запас топлива в этих вертолетах позволял долго висеть над землей в режиме ожидания – чтобы наверняка. Выждав время, глянул на часы. Пора...

– Я Гюрза-один! Начинаем.

Один за другим три тяжелых, грузных, ошестинившихся стволами пулеметов вертолета пересекли пограничную реку, вошли в «лаз» – ущелье, ширины которого едва хватало для того, чтобы уместить в нем лопасти вертолетных винтов.

²¹ «Дефендер», защитник – легкий самолет ДРЛО (дальнего радиолокационного обнаружения), дополняющий более тяжелый «Нимрод». Сделан на базе легкого «Норманн Айлендер».

Они, как всегда, сидели вместе – друг напротив друга. Экипаж один-четыре, в котором четыре бойца – Бес, Араб и Иван с братом. Четыре человека, каждый из которых теперь ближе друг другу, чем родной брат и даже отец, потому что от надежности, подготовленности и смелости каждого зависит – выживут они или нет, выйдут к своим – или их кровь оросит эти камни, а они сами навсегда канут в неизвестность. Они уходили в страну, жестокую и беспощадную, страну гордую и непокоримую, плюющую пулей в лицо любому чужаку, дерзнувшему прийти на эту древнюю землю. В эту страну приходили многие – и Александр Македонский, и монголы, и персы, и британцы. . . Но страна из раза в раз оставалась свободной, а кости завоевателей, источенные ветром, оставались лежать на каменистых склонах этих гор. Теперь в эту страну шли русские, те, кто приходит с севера, так их здесь называли. Здесь плохо знали воинов севера, ибо у них была своя земля, и они давно не ходили в чужие земли, чтобы покорить их. Здесь хорошо знали приходящих с севера караванщиков – воинов и купцов в одном лице, знали их, за редким исключением, как смелых и честных людей. Афганцы и русские никогда не враждовали, никогда между ними не было войн. Но каждый год русские приходили, высаживались со своих гремящих птиц – и афганцы воевали с ними, ибо Пуштун-Валай – кодекс чести пуштуна гласил: «Враг, ушедший с твоей земли живым, унес с собой твою честь». Никто из чужаков, дерзнувших вступить на афганскую землю с оружием в руках, не должен был выйти с нее живым. . .

Араб помнил последнее построение на пяточке, в узкой горной долине, перед тем как начали грузиться в вертолеты. Офицеры спросили – не хочет ли кто-нибудь выйти из строя – и пятеро вышли. Сопровождаемые презрительным молчанием строя, они прошли к стоящему недалеко от строя на плацу корабельному колоколу-рынде, и каждый позвонил в него. Один удар – резкий, тягучий, бьющий по нервам звон. Арабу было страшно. Очень страшно, тем более что инструкторы делали все, чтобы их запугать, чтобы заставить выйти из строя. Колокол – вот то, что хотели инструкторы, колоколом проверялась их решимость, мужество, сила воли, готовность идти до конца. Но он, казак Ближневосточного казачьего войска из станицы Каффрия, Александр Савич Тимофеев, решил для себя, что выйти и позвонить – это значит предать. Позвони – и этот звон услышат те, кого с нами нет, те, кто лег *тогда*. Позвони – и этот звон услышат враги, услышат и поймут, что на русской земле появился еще один трус. Позвони – и ты перечеркнешь пот, кровь и слезы, что проливал ты здесь, в этих проклятых песках все два с лишним года. Перечеркнешь ночные подъемы, стрельбу по цинку в день, драки палками и голыми руками, сначала один на одного, потом на двоих, на троих, на шестерых. Перечеркнешь *истошный* страх зеленки и *бездонный* страх пропасти у тебя под ногами, перечеркнешь до крови закусенную губу на тридцатом километре марш-броска в полном снаряжении. Позвони – и перечеркнешь все это. А еще Араб посмотрел украдкой на своих подчиненных, на Беса, на Ивана с братом – и понял, что им еще страшнее, чем ему. И позвонить – это значит перечеркнуть, подло предать и их тоже.

И он остался в строю. А потом, когда над головой завывла турбина и пошли раскручиваться лопасти – он еще раз понял для себя, что был прав. Он пройдет все это – иначе это будет предательством. Предательством себя самого.

На это задание их готовили особенно тщательно. В отличие от обычных заданий для выживания, где полагается один нож на всех – на сей раз они были нагружены снаряжением, как мулы. Его крестный, майор Тихонов, отозвал его в сторону после того, как им объявили о походе, и спросил – хочет ли он идти. А получив утвердительный ответ, кивнул и начал рассказывать, с чем им там придется столкнуться, и давать советы, как скомплектовать походный набор вооружения и снаряжения.

По его совету Араб на этот раз вооружился последней версией автомата «АК» – изюминка этой комплектации заключалась в том, что можно быстро сменить ствол – причем сменить не только по длине, но и по калибру. Такого не было даже в автомате Коробова – новейшем

образце вооружения армии Российской империи, еще не поступившем в части в достаточном количестве. Даже в боевых частях Командования специальных операций он был не у всех.

Стволы Араб подобрал под все возможные задачи. Ствол под 6,5×45 – длинный, позволяющий использовать этот автомат как портативную снайперскую винтовку. Второй – того же калибра, но короткий. И еще один ствол – с интегрированным глушителем под 9,3×45. Патрон 9,3×45, первоначально разрабатывался для использования в бесшумных автоматах «Волк», теперь же под него изготовили и специальную версию «АК». Достаточно сменить ствол и магазин – и у бойца в руках оказывалось оружие, выстрел из которого слышен не громче, чем хлопок в ладоши. Боец с таким комплектом стволов как бы одновременно имел при себе и штурмовой автомат, и легкую снайперскую винтовку, и бесшумное оружие.

Бес наотрез отказался брать что-то помимо своего обычного пехотного «АК» – он уже сжился с ним. Иван с братом на сей раз взяли по «Барсуку» – ротному пулемету калибра 7,62. Два ротных пулемета на группу из четырех человек – по огневой мощи получался даже перебор, но майор одобрил, сказал, что если потянут по горам такую тяжесть – пусть тянут, а огневая мощь лишней не бывает.

Остальное снаряжение собралось быстро. По пять гранат – новейшие «РГО» и «РГН», взрывающиеся при ударе об землю. По настоянию Араба все взяли еще по две старые Ф-1 – это была одна из спецназовских хитростей. Гранаты Ф-1 они «модернизировали» – заменяли медленногорящее вещество в запале порохом из автоматных патронов. Отпустил рычаг – и граната взорвалась у тебя в руках. Носить такую гранату на снаряжении нельзя из-за опасности самоподрыва – поэтому переснаряженные гранаты носили в рюкзаке. Использовали для того, чтобы делать «растяжки» и «картошку»²² мгновенного действия.

Мины решили не брать – даже МОН, мины направленного действия, самое страшное из минного оружия, но двенадцать гранат у каждого, в том числе тех, которые идут на растяжки, – вполне достаточно.

Ну и – сухпай, вода – главное, вода, без еды можно прожить неделю и даже две, без воды сдохнешь дня через три. Хотя все выучили наизусть места, где могла быть вода, – надеяться на воду, которая отыщется там, было бы безумием.

В итоге – килограммов сорок на каждого, считай, половина собственного веса. Для многих вес неподъемный, для них – в самый раз.

Вылетали они буднично – ни речей, ни прощаний. Прямо в горах на подходящей площадке приземлились три вертолета, в том числе тот самый, с картой на фюзеляже. Весь курс – те, кто от него остался, быстро загрузились в вертолеты, навьюченные, как ишаки. И вертолеты взлетели, направляясь в неизвестность...

Неизвестность...

Араб сидел так, что напротив него, стоит только скосить глаза, оказывался люк, из которого торчал крупнокалиберный пулемет. Близко, *очень близко* от борта вертолета неся каменный склон, где каждый из камней хотел напиться их крови и разочарованно провожал их, когда они проносились мимо. Пулеметчик, в темно-синем шлеме-сфере, расслабился, все равно сейчас единственная защита – это скорость, если впереди гранатометчики – то пулемет не поможет, склон слишком близок, а скорость слишком высока. На голове у пулеметчика были наушники, как ни странно, нештатные, и он покачивал головой... господи, да он музыку слушает. Взгляды пулеметчика и Араба встретились – и пулеметчик подмигнул ему. Просто подмигнул, но Араб вдруг перестал бояться предстоящего. И подмигнул в ответ...

– Внимание, вторая точка!

– Вторая точка, внимание! – продублировал Фахри. – Обстановка! По фронту чисто!

²² «Картошка» – граната с выдернутой чекой маскируется на земле, спусковой рычаг подпирается чем-нибудь так, чтобы держался на честном слове. Неосторожно зацепил ногой – взрыв.

– По левому борту чисто!
– По правому борту чисто!
– С тыла чисто!
– Приготовиться к сбросу!
– Приготовиться к сбросу, – заорал сержант, выпускающий в десантном отсеке, – вторая группа, на сброс!

Пора...

В десантном отсеке мигающий красным светофор сменился на зеленый, пошла в сторону крышка десантного люка. В отличие от легких и средних вертолетов из этого десантироваться можно было, как с самолета, через заднюю аппарель, и через десантный люк в полу.

Выпускающий начал стравливать лебедку, Араб поднял два пальца – проверка.

Проверить, весь ли груз закреплен как следует, подтянуть в последний раз ляжки рюкзака, хлопнуть рукой по автомату – на всякий случай. Хлопнуть по плечу стоящего перед тобой – все в норме...

– Готовность!

– К сбросу готовы! – за всех ответил Араб.

Выпускающий плюнул в люк – на удачу...

– Первый, пошел!

Веревка обжигает руки, съезжаешь как можно быстрее, потому что каждая минута, когда ты висишь в воздухе между землей и вертолетом, – минута смертельного риска. Каменистая желто-серая земля стремительно летит навстречу.

– Второй, пошел!

Десантирование идет плотно, один только нырнул в люк – а за ним уже идет второй, едва не наступая ему на голову.

– Третий, пошел!

Земля привычно отдаёт в ноги, ноют обожженные руки, но сейчас не до них – почувствовал ногами землю – и сразу в сторону, в сторону, потому что промедлил на секунду – и идущий следом за тобой приземлится тебе на голову. Еще летишь по тросу – а уже высмотрел укрытие на земле – и сразу к нему. Руки сами находят автомат, патрон в патроннике, предохранитель снят – грубейшее нарушение техники безопасности, но на это плевать. Здесь не полигон, здесь жизнь и секунда, даже доля секунды, потраченная на досылание патрона в патронник, может стоить жизни.

– Четвертый, пошел!

Первый уже на земле, второй тоже. Площадку можно считать относительно безопасной, если бы не была безопасной, кто-нибудь уже саданул бы из гранатомета. Но все равно – самое хреновое еще впереди...

– Десантирование завершено! Группа на земле!

Полковник Фахри двигает вперед ручку «шаг-газ», вертолет сдвигается с места, закрывается крышка люка, отсекая тех, кто на земле, от тех, кто в относительно безопасном чреве ревущей стальной птицы. Внизу четверо пацанов, почти ставших волками за эти два безумных года, залегли на каменистой осыпи, целясь во все стороны света.

Не дожидаясь, пока вертолет удалится, Араб встал.

– Идем цепью, Бес, ты первым. Расстояние в цепи двадцать пять метров. Направление – север, точка сорок. Пошли!

09 июля 1996 года.

Исход...

Из Лондона начался исход...

Такое в истории этого древнего города уже бывало – и в Средние века, и в кромвелевское правление, когда лобные места на площадях были залиты кровью. Иногда причиной исхода служила чума – в Средние века большая часть таких исходов была обусловлена именно ею. Последний раз исход из Лондона был в начале двадцатых – когда чужие корабли, прорвавшись к самому устью Темзы, открыли орудийный огонь по британской земле, по земле воюющей с ними империи. Корабли потопили – слишком мала была мощь прорвавшейся эскадры по сравнению с мощью британского Гранд-флита. Но сам факт обстрела города произвел на лондонцев столь тяжкое впечатление, что многие из них сочли нужным покинуть город. Они были испуганы не на шутку. Война раньше им представлялась чем-то далеким, даже чуточку нереальным. Воины в алых мундирах вели войны где-то на границах бесконечной империи, во славу Ее Величества и старой доброй Англии, они смело бились с туземными племенами и побеждали их, даже когда туземцы числом превосходили их вдесятеро. Нет, конечно, они становились героями, кавалерами боевых наград, их принимали в салонах, и дамы, ахая от ужаса, слушали леденящие кровь истории, а потом дарили им свою благосклонность где-нибудь в укромном месте. Иногда Британия воевала и с развитыми странами, даже с далекой, варварской Российской империей – но она побеждала и их. Крымская кампания, пусть и обернувшаяся для британцев морем крови, гибелью отпрысков самых родовитых семей, вызывала боль, гнев, ярость – но в то же время и гордость за то, что их маленький остров может поставить на колени даже такую необъятную и сильную страну, как Россия. Самый сильный в мире, не имеющий соперников британский флот господствовал на морях, обеспечивая безопасность омываемой холодными водами со всех сторон родины.

XX век стал прозрением, последовавшие за ним годы – крахом надежд, безумно болезненной ломкой представлений Британии о самой себе. Две сильнейшие в Европе континентальные державы, вероломно объединившись и предав Британию, начали войну. Рухнула под совместным, германо-русским натиском Франция, единственный союзник Британии на континенте, – германцы раз и навсегда решили для себя французскую проблему, подтвердив свои претензии на европейскую гегемонию, возникшие со времени битвы под Седаном²³. Затем русская армия пошла на Восток, немцам, при поддержке сильного подводного флота, удалось переправить крупные наземные силы в Африку. Каждая из этих стран использовала свои преимущества. Немцы подло били из-под воды, маленькие подводные скорлупки с торпедами топили громадные британские корабли. Русские имели подавляющее превосходство в живой силе и опытных, не уступающих британским, офицеров. Также немцы имели сильнейшую в мире разведку – возможно, именно они предупредили русских о готовящемся ударе по их столице Санкт-Петербургу, так удачно расположенному на самом берегу. И русские совместно с немцами предприняли безумный ответный ход. Многие говорили в те времена, что война была проиграна Британией именно тогда, когда тяжелые снаряды падали на их землю, когда рушились не здания – рушилась сама имперская, непоколебимая сущность Британии. Унизи-

²³ *Битва под Седаном* – сражение Франко-прусской войны, в котором французская армия потерпела сокрушительное поражение, а Наполеон III попал в плен. С этого времени считается, что стратегическое преимущество сильнейшей армии в Европе, которым французская армия обладала со времен битвы при Рокруа, ею утрачено, а самой сильной в военном отношении континентальной державой стала Германия.

тельный Берлинский мирный договор с дополнительными протоколами лишь подтвердил, что Британия теперь – не единственная и непобедимая, а всего лишь одна из многих.

Совсем недавно, и месяца не прошло, – страх, так давно забытый и проклятый, вернулся снова. За то время, что минуло после двадцатых, успело родиться уже третье и даже иногда четвертое поколение людей, не ведающих, что такое страх. После двадцатых мир, еще недавно такой жестокий и яростный, постепенно стал превращаться в нечто мирное, уютное и привычное. Все двадцатые, тридцатые и даже сороковые годы военные упорно готовились к новой, большой и страшной войне. Это было ненормально – несколько мировых гегемонов. Как говорил Горец, Дункан Мак Лауд из клана Мак Лаудов, бессмертный воин с мечом, из одноименного, прошедшего недавно с оглушительным успехом фильма, – должен остаться кто-то один. Один – а остальным отруби голову мечом, и пусть их сила войдет в тебя, пусть она напитает тебя, даст тебе силы для новых битв и свершений. Этот синемаграф, внешне чисто художественный и развлекательный, на самом деле очень точно отражал суть и смысл международной политики. Должен остаться кто-то один. Убей своего конкурента – и возьми его силу, возьми его природные ископаемые, его науку, его землю, его людей. Убей – и сила убитого напитает тебя, сделает тебя сильнее для новых битв. Убей – воистину остаться должен кто-то один.

Но война не торопилась. Начатые еще в двадцатые годы эксперименты с ураном завершились в пятидесятых созданием оружия, равного которому не видел мир. Все дрогнули, полагая, что война на пороге, – но вместо войны это оружие принесло мир. Мир – когда все были готовы к новым сражениям, когда все в достаточной степени зализали раны, оставшиеся после Второй войны, когда накопили оружие и припасы – и уже вознамерились вцепиться друг другу в глотку. Все ждали войны, но пришел мир, пусть мир плохой, мир со взаимной ненавистью и злобой, мир, обеспеченный страхом перед ядерным огнем, – но все же мир. Который, как известно, лучше доброй ссоры, даже самый худой – но мир.

Постепенно начала забываться и ненависть. Мелкие, повседневные дела вытесняли из памяти национальное унижение, все больше было людей, которые при слове «Багдад» не мрачнели, а недоуменно пожимали плечами: ну, Багдад так Багдад, и что дальше? Кто-то торговал с Россией, кто-то имел там друзей, кто-то учил русских детей в престижных британских университетах. Нити обычных человеческих взаимоотношений все больше и больше связывали народы – и все больше и больше людей задавались вопросом: а нужна ли нам война, а нужна ли нам месть, а что это за национальное унижение такое, через столько лет?

Не всех такое положение дел устраивало.

Снова напомнил о себе страх. Страх, долгие годы таившийся в самых темных уголках подсознания, внезапно вырвался наружу, расцвел ядовитым цветком под взрывы минометных мин в самом центре Лондона. Эффект от этого теракта не исчерпывался только разрушенными зданиями и погребенными под руинами, разорванными на куски людьми – он был куда больше, объемнее, серьезнее. Это был страх, не отпускавший ни днем, ни ночью, страх, от которого не спрячешься за железной дверью и тревожной кнопкой, нажав которую можно вызвать полицию. Страх, что на твой дом упадет мина или снаряд – и тебя не будет. Или не будет твоих близких.

Но это было только начало. За последние дни лондонцы узнали еще больший страх. Страх перед снайпером-невидимкой, выцеливающим свои жертвы с крыши высотного дома. Снайпер был везде и нигде, он был всего один – но угрожал каждому из более чем двадцати миллионов жителей большого Лондона. Каждый мог стать его жертвой просто потому, что оказался не в том месте и не в то время. Каждый мог попасть в перекрестье прицела, каждый мог умереть в любую секунду. Выстрел – и тебя нет, твоя жизнь оборвалась, потому что так решил неведомый палач. Каждому побывавшему на войне пехотному офицеру отлично известно, что такое страх перед снайперами. Для того, чтобы уничтожить одного-единственного снайпера, иногда заливались напалмом, забрасывались снарядами и ракетами целые акры земли – просто для

того, чтобы поднять боевой дух солдат, просто для того, чтобы поднять боевой дух и самим себе. Подразделение, которое два-три дня обстреливал снайпер, становилось по факту небоеспособным, моральный дух солдат сильно падал. И это солдат! Можете себе представить, что происходило с обычными людьми.

За несколько дней охоты «Лондонского снайпера» все сильно изменилось. В два-три раза выросли продажи плотных штор и просто ткани, особым спросом пользовались тяжелые, плотные, темные шторы. Все помнили судьбу несчастной, застреленной через окно, когда снайпер выстрелил по силуэту, помнили – и не хотели повторения. Не справлялись с нагрузкой электроподстанции – теперь лондонцы предпочитали жить с плотно занавешенными окнами, и даже днем у всех горел свет. От постоянной перегрузки – а сейчас почти весь день нагрузка на распределительную сеть была близка к пиковой, такой, на которую она просто не рассчитана, – уже произошло несколько аварий, и какие-то районы большого Лондона несколько часов сидели без света. Дважды из-за этого случились массовые беспорядки, они произошли в бедных, наполненных преимущественно выходцами из колоний кварталах, и были жестко подавлены полицией. Выросли продажи лампочек накаливания, фонариков, свечей...

Люди стали меньше выходить из дома. Закрылись почти все уличные кафе, в страну перестали приезжать туристы, опустела Трафальгарская площадь, и голодные голуби частично улетели из ставшего в один момент таким негостеприимным города, а часть осталась и, ослабевшие, стали добычей кошек. Почти весь сектор экономики, связанный с туризмом, нес огромные убытки. Закрылся музей мадам Тюссо, закрылся Тауэр.

Люди перестали ходить на работу. Не все, конечно, кто-то должен был работать, чтобы жить. Но те, кто мог, – те перестали. Опасным стало это дело – ходить на работу. Огромным спросом в офисах пользовалась пленка для тонирования стекол и опять-таки занавески.

Люди стали больше болеть – все чаще обострялись хронические заболевания, появлялись различные мании и психозы. Врачи были перегружены, «Скорая помощь» не успевала выезжать на вызовы.

Резко увеличилось потребление алкоголя. Мужчины собирались в клубах за зашторенными окнами, заказывали выпивку, пили и смотрели друг на друга, убеждаясь, что они до сих пор живы. С каждым глотком обжигающей коричневой влаги мир становился чуточку лучше, чем был до этого. Но таким, каким он был до этого, он не становился, даже если выпить целую бутылку виски в одиночку.

С полок супермаркетов смели все продукты, особенно те, которые могут долго лежать и не портиться. Сейчас закупались уже не на день, а на неделю-две, а то и на месяц. В тех офисах, которые еще работали, ни один служащий не соглашался сидеть у незашторенного окна.

Люди уезжали – особенно сильно выросла нагрузка на все городские магистрали во второй и третий день, когда полиция наконец подтвердила то, что и так все знали: все произошедшие убийства – это звенья одной цепи и дело рук одного человека. Люди штурмом брали электрички, движение на идущих из Лондона магистралях было затруднено – целыми днями вязкий поток машин двигался со скоростью не более пятнадцати миль в час. Переполнены были все рейсы, вылетающие из Хитроу и других окрестных аэропортов. Уезжали все, кто мог, – одни на побережье, другие на Лазурный Берег или в Индию, третьи в глубь страны, в Уэльс или Шотландию. Правительство работало круглые сутки, королевская семья отказалась покидать Лондон и находилась в Букингемском дворце под усиленной охраной, не выходя на улицу.

Полиция сбивалась с ног, в город прибывали все новые и новые подразделения. Полицейских перебрасывали из других городов, коммутатор Скотленд-Ярда разрывался от звонков. Над городом барражировали полицейские и армейские вертолеты. То и дело звонили жители и говорили о том, что видели кого-то на крыше. Обычно это оказывались трубочисты или монтеры какого-нибудь оборудования, либо ремонтники. «Лондонский снайпер» испарился – и

полиция с ужасом думала о том, что будет, если он проявит себя в другом городе. Плотнo перекрыть всю страну полиция была не в состоянии. Все ждали продолжения – но после шестой цели «лондонский снайпер» исчез, подобно злoму духу...

Потому что спугнули.

Суперинтендант Чарльз Вустер, старший офицер Скотленд-Ярда, наконец, с неохотой признал, что главным подозреваемым по делу «лондонского снайпера» является действующий констебль полиции Белфаста Александр Кросс. Признание это прозвучало, как гром среди ясного неба. Полицейский-убийца-маньяк – для старой доброй Британии это было уже слишком. Сразу после прозвучавшего заявления имя Александра Кросса стало самым упоминаемым в британских СМИ и одним из самых упоминаемых в мировых. Личность убийцы разбирали по косточкам. Сиротский приют, потом военная карьера. Флот, войска специального назначения. Участие в боевых операциях. Бейрут и плен, после тяжелого боя и в бессознательном состоянии. Потом – Белфаст, война с терроризмом на самом переднем крае. Все были в шоке от того, что такой человек – можно сказать, герой – взял винтовку и начал убивать мирных граждан. Высказывались разные предположения о том, что могло толкнуть Кросса на подобное. Стало известно, что констебль Кросс буквально за несколько дней до начала этого кошмара потерял своего осведомителя, жестоко убитого боевиками ИРА, а чуть позже был отстранен от службы в полиции.

В популярном ток-шоу самый дорогой психоаналитик Лондона, пожилой седой мужчина, не расстающийся с черными очками, закатил лекцию на целый час. Он сказал, что Кросс не выдержал психологического давления на него и сломался. Предпосылки: сиротское детство, бои в Бейруте, где он был взят в плен в бессознательном состоянии, потом Белфаст с его террористической войной, зверское убийство осведомителя, отстранение от должности – все это привело к психологическому слому и развитию реактивного психоза. Этот психоз заключается в том, что Кросс считает всех подданных Соединенного королевства виновными в своих бедах и поэтому отстреливает их. Интервью, данное этим самым психоаналитиком, перепечатали большинство британских газет. Одна из этих газет так и хранилась у меня, в моем временном убежище...

Начался исход – и на сей раз причиной ему был всего один человек.

10 июля 1996 года.

Оак-Ридж, Североамериканские соединенные штаты.

Национальный исследовательский центр расщепляющихся материалов

В отличие от других стран Североамериканские соединенные штаты и поныне весьма легкомысленно относятся к вопросам безопасности центров по производству ядерного оружия. Если безопасность стратегических ядерных сил, в частности хранилищ готовых изделий, находится вполне на уровне – то в безопасности центров передовых исследований и заводов по производству и обслуживанию ядерных зарядов североамериканцы опасно халатны. В отличие от русских, прячущих подобные производства в глухих местах, в лесах, в подземных убежищах, – у североамериканцев они располагаются чуть ли не в центре городов.

На этот момент в Североамериканских соединенных штатах существовали три основных центра, занимающихся фундаментальными исследованиями, прикладными исследованиями в области расщепляющихся материалов, а также конструированием и производством готовых

изделий. Серийной сборкой ядерных зарядов – а в последнее время только обслуживанием и продлением ресурса, и так наклепали столько, что еще внукам хватит – занимается завод «Саванна-Ривер» в Северной Каролине, он же единственный из трех, где не ведутся никакие научные исследования. Есть также два научно-исследовательских центра высшего уровня, в которых основной упор делается на прикладные и фундаментальные исследования в области ядерных материалов, – но там, при необходимости, могут собрать готовый заряд или мелкую серию зарядов. Это центр в Лос-Аламосе, штат Нью-Мексико, у самой беспокойной мексиканской границы, и центр «Оак-Ридж», расположенный на берегу одноименной реки, в штате Теннесси, недалеко от городка Ноксвилл.

Проект «Белое пламя» родился много лет назад в Оак-Ридже, и теперь в специальном зале, допуск в который строго регламентирован, лежало первое зримое, материальное воплощение этого прорывного проекта, в ходе которого ученые сказали немало новых слов в науке. На специальном демонстрационном постаменте покоилось готовое изделие.

Само изделие и условия, в которых его демонстрировали гостям, внешне выглядели совершенно неприметно. Постамент посреди комнаты, сляпанный на скорую руку. Большой стальной кофр, с открытой крышкой, какие-то провода, датчики, кнопки. Увидишь – никогда и не подумаешь, что на разработку этой самой штуковины угроханы многие миллиарды долларов и вложен труд десятков лучших ученых страны, среди которых имелись даже нобелевские лауреаты.

– Это и есть оно? – Генерал Лерой Томас недоверчиво смотрел на изделие, которое должно было стать первым из серии. В конечном итоге, оно превратится в боеголовку, пригодную для постановки на крылатую ракету авиационного базирования либо на тяжелую межконтинентальную баллистическую ракету шахтного базирования, способную нести десять-двенадцать таких вот боеголовок индивидуального наведения. Изделие его не впечатлило.

– Оно и есть. «Белое пламя», сэр. Опытный экземпляр, конечно, мы его специально собрали в варианте для испытательного полигона. Если все пройдет нормально, то серийные изделия будут выглядеть презентабельнее.

Доктор физики Гордон Браун, выпускник Массачусетского технологического, глава рабочей группы проекта «Белое пламя», совершенно не походил на «ботаника» – здоровенный, чем-то похожий на штангиста-тяжеловеса, он выглядел так, будто мог согнуть руками железный лом. Он и в самом деле мог его согнуть.

– Выглядит... не впечатляюще. Сколько весит?

– Семьдесят восемь килограммов. Совсем немного, это небольшой заряд, мы его собрали именно таким. Мощность всего... около ста килотонн. Основной целью проекта, как вы помните, была выработка заряда диверсионного типа.

– Какие меры предосторожности необходимо предпринимать?

– О, совершенно никаких. Он почти не фонит.

– Почти?

– Фон выше нормы раза в полтора. Для того, чтобы словить опасную для жизни дозу излучения, нужно просидеть верхом на контейнере лет пятьдесят.

– Это радует. Насколько устойчив контейнер?

– В смысле?

– В смысле транспортировки. Стандартная процедура – броневедомоцикл, потом самолет?

– Ничего хрупкого там нет.

– В любом случае, у нас есть свой контейнер, в него мы и положим изделие.

– Пожалуйста. Только извольте расписаться в получении.

– Давайте документы...

Пока генерал и глава рабочей группы ставили свои подписи на многочисленных бланках, в комнату вошли два человека в легких противорадиационных костюмах. Каждый из них был офицером военной полиции и прошел специальную подготовку по обращению с особо опасными предметами. Вообще-то такими делами должны заниматься гражданские, это изделие не было принято на вооружение и юридически не принадлежало армии, поэтому транспортировать его должны сотрудники Департамента ядерной безопасности. Но здесь на требования закона не обращали внимания – закон здесь не действовал, его подменяли ведомственные, совершенно секретные директивы.

В демонстрационной комнате офицеры закрыли крышку и положили изделие в кевларовую сумку с двумя прочными ручками для транспортировки. Затем они вышли в дверь, там их уже ждал генерал и восемь человек с короткоствольными автоматами «кольт». Генерал проверил содержимое сумки, в которой помимо прочего был и вшитый в ткань радиомаяк, и опломбировал ее собственной пломбой, а пломбир положил в карман. После чего генералу предстояло остаться в Штатах, научная группа летела другим путем, потому что комфорт армейского самолета оставлял желать лучшего. А двое носильщиков, в сопровождении восьмерых автоматчиков охраны, отправились в путь по прямому и ярко освещенному лампами подземному коридору, выходящему в спецсектор подземной стоянки. Там их уже ожидала спецмашина и автомобили охраны.

Для того, чтобы не привлекать к перевозке излишнего внимания, армейскую технику не задействовали, полицейских в известность тоже не поставили – хотя и это было нарушением закона. Спецмашина представляла собой раму от тяжелого трехосного тягача «Кенуорт-500», на которую умельцами был водружен бронированный кузов, выдерживающий попадание пули пятидесятого калибра при выстреле в упор. Такими машинами пользовался Федеральный резерв, Казначейство, ребята из Форт-Нокс²⁴. Отличие данной машины заключалось лишь в том, что она была изнутри дополнительно укреплена толстыми пластинами свинца. Также на ней имелся специальный детектор – в случае повышения радиации до критического уровня все замки блокировались, и в машину можно было проникнуть только с автогенном. Жизнь экипажа в этом случае в расчет не бралась – каждый знал, на что шел. Датчик радиационного фона был, успеешь выскочить, если пошло излучение, – твое счастье...

Бронеавтомобиль с изделием сопровождали четыре совершенно одинаковых черных внедорожника «Шевроле Субурбан», каждый из которых поставлялся в «президентском варианте»²⁵ – то есть небронированный, но с третьим рядом сидений, поставленным спиной к направлению движения и с пулеметом «M134 миниган» на турели. Эти машины сопровождали броневик по дороге до гражданского аэропорта Ноксвилла к центру.

В аэропорту колонну уже поджидал самолет – тоже очень необычный, для подобных перевозок он использовался впервые. Это «Грамман С2 Грейхаунд», он же CODS, «треска» – единственный транспортный самолет ВВС САСШ, способный приземляться на авианосец. Небольшой, кургузый самолет уже заправили, и он стоял в готовности принять столь надежно охраняемый груз.

Колонна добралась до аэродрома без происшествий. Тяжелый контейнер с хранящимся внутри зарядом переносили в самолет уже ввосьмером – кому-то пришла в голову дурацкая идея пошутить, что эта вся процедура сильно напоминает транспортировку покойника,

²⁴ *Форт-Нокс* – там хранится золотой запас САСШ, несколько тысяч тонн.

²⁵ Автор видел подобные машины и удивлялся, почему их не бронируют, – но они и в самом деле небронированные. По словам специалистов Секретной службы, так у экипажа машины больше стимулов быстрее привести пулемет в боевую готовность и открыть огонь. Кроме того, такая машина маневренней. Объяснение это не выдерживает никакой критики – при попадании в серьезную засаду, организованную военными, с использованием армейского оружия, небронированную машину изрешетят в считанные секунды. Надо сказать, что в кортеже президента САСШ есть и бронированные «Субурбаны», правда, без турелей с пулеметами, а для частных охранных компаний, для Ирака и Афганистана делают машины и с турелью, и с бронированием. Война все ставит на свои места.

и настроение у всех упало. Контейнер был настолько тяжелым, что вместе с ним в самолете полетят только двое сопровождающих и четыре специалиста по защите из службы безопасности ВВС.

В кабине «трески»²⁶ полковник ВВС Ричард А. Раск, один из самых опытных пилотов, совершивший более восьмисот посадок на авианосец на самолетах различных типов, в последний раз просматривал прикрепленный к планшету лист с маршрутом. До Афганистана без промежуточной посадки и дозаправки добраться не удастся. Поэтому в Тихом океане их уже ждет авианосец «Джон Адамс», на котором ради такого случая прекращены все полеты, кроме полетов по обеспечению безопасности. Его единственная задача – принять самолет, дозаправить его и выпустить обратно в воздух. Вторая посадка – в Гонконге, на британских территориях, которые должны быть отданы Китаю года через два, но которые, понятное дело, отдавать никто не собирался. Где-то в том же районе Тихого океана крутилась авианосная группа русских во главе с «Екатериной Великой», с ними проблем не должно быть, и сразу две японские авианосные группы. Вот с этими проблемы могут возникнуть. Все самураи – полные психи, хоть их страна и подписала все базовые международные договоренности, делающие океан общим, за исключением двенадцатимильной прибрежной зоны – все равно от этих идиотов можно ожидать чего угодно. Решит какой-нибудь из них, что его честь задета, – и привет. А японские адмиралы втихую поощряли безумные выходки своих подчиненных. Полковник Раск летал в Тихом океане уже давно и прекрасно помнил, как он катапультировался из истребителя, атакованного сразу двумя парами «Мицубиши-Зеро», причем явно учебная атака под конец переросла в таран, как приближалась водная гладь, а сверху была настоящая карусель – свои, япошки узкоглазые... Все, конечно же, объявили несчастным случаем на учениях, тем более что и японцу тоже пришлось катапультироваться. В общем – поганое дело.

– Сэр, погрузка завершена.

«Грумман» был самолетом небольшого размера – поэтому полковник обернулся и лично оценил, как прикреплен груз.

– Принайтовили надежно?

– С гарантией, сэр...

– Смотрите. Над океаном могут пойти кульбиты, и мне совсем бы не хотелось, чтобы эта штука летала по отсеку, подобно мячу. Впрочем – вам виднее, это вам рядом с ней сидеть, а не мне.

– Принайтовили надежно, сэр... А что за кульбиты?

– Танцы с узкоглазыми. Когда ты видишь узкоглазого – никогда не поймешь, какое у него сегодня настроение. Может быть, и плохое.

– Но нас же будут сопровождать.

– Это не поможет... – полковник отвернулся. – Вышка, я Тридцать первый, прошу разрешения начать рулежку!

– Тридцать первый, я Вышка, рулежку разрешаю, полоса один-три.

– Вас понял, Вышка...

Запустился один двигатель, затем второй. На ВПП и на рулежных дорожках никого не было, работу аэропорта остановили из-за самолета со спецгрузом. Уже через несколько минут маленький самолет бодро поднялся в воздух, уходя на запад, в сторону тихоокеанского побережья...

Как это и было оговорено, эскорт ожидал прямо у береговой черты, в пределах двенадцатимильной исключительной зоны. Сразу восемь флотских истребителей-бомбардировщиков «Ф-18» свалились откуда-то сверху, словно с небес, один из них завис буквально в нескольких

²⁶ Треска – C2 Greyhound называется еще COD, carrier-onboard-delivery. Оттого и неофициальное название.

метрах от пилотской кабины. Полковник Раск с удовольствием заметил черный туз на фюзеляже – сорок первое авиакрыло так и называлось – «Черные тузы». Подразделение, которым он командовал, – до того идиотского случая с узкоглазыми, когда его после не совсем удачного катапультирования сочли негодным для полетов на истребителях, и теперь он вынужден возить всякую дрянь с черепашной скоростью. Он даже узнал номер самолета...

– Том, я напишу на тебя рапорт, как только приземлимся... – полковник прижал тангету микрофона.

– Вот как? В таком случае мы удаляемся и оставляем тебя наедине с нашими маленькими узкоглазыми друзьями.

«Ф-18» покачал крыльями, это означало, что ведущий собирается совершить маневр, остальные же должны ему следовать.

– О, нет, нет, нет... Не уходи, я этого не переживу. Еще один танец с узкоглазыми – это слишком даже для меня. Кстати, как япошки поживают?

– Нормально поживают. Когда летели сюда, мы видели четверых, правда, связываться с нами они не захотели. На обратном пути их будет больше, так что готовься...

– Тебя понял...

Японцы и впрямь появились – аж шестнадцать истребителей. Майор Томас Кулидж, один из офицеров крыла, командующий группой эскорта, не сказал, что по пути сюда они слегка припугнули «Мицубиши» – один из летчиков выпустил короткую очередь из пушки почти впритирку с японцами. Это тоже было в правилах игры, хотя и на самой их грани. Японцы неофициально считали Тихий океан своим «домашним» океаном, в Атлантику, где были и русские, и североамериканцы, и германо-римляне, и итальянцы, они не совались, понимая, что им там делать нечего, – а вот здесь буквально кишмя кишели, превосходя все другие державы региона если не качеством – то, во всяком случае, количеством. И игры были на грани фола, а иногда и выходили за грань, как в случае с полковником Раском. Нравы здесь были такие же, как в дурном квартале, – если тебя где-то обидели, ты собирал друзей, брал бейсбольные биты и возвращался туда. Вот и сейчас – сочтя произошедшее часом раньше оскорблением, японцы вернулись снова, прихватив с собой друзей.

– Сэр, бандиты слева на три часа, – предупредил второй пилот.

И тут ярко-алая трасса распорол воздух прямо перед фюзеляжем.

– Два-четыре – работаем! Два-один и два-два, прикройте Тридцать первого!

Шесть истребителей «ромашкой» разошлись в разные стороны, выходя на позиции для атаки и охватывая японцев. Небо буквально кишело темно-серыми, с красным кругом на фюзеляже птицами. Зеро...

В отличие от американцев «Мицубиши-Зеро» брали не хитроумной электроникой и не мощным двигателем – а отточенными навыками пилотов-самураев, в сочетании с хорошим аэродинамическим качеством фюзеляжей и почти полным отсутствием защиты. У японцев бронирования почти не было, их боевой истребитель в этом смысле мало отличался от гражданского самолета, только двигатели прикрывала кое-какая броня, а пилота и вовсе – лишь тонкий слой упроченного алюминиевого сплава. В этом была вся Япония – истинно самурайское презрение к смерти. Поэтому «Зеро» был самым скоростным истребителем на Тихом океане, в этом ему уступали и русские, и североамериканцы. Большую скорость могли развить только русские «М-245», истребители-бомбардировщики предельных параметров, вылетавшие со стороны континента, – они запросто брали три скорости звука и летали почти в стратосфере. Но тут их не было – а было только шестнадцать японцев против восьми североамериканцев.

– Адамс, я Тридцать первый! Мэйдэй, мэйдэй! Атакован японцами!

По меркам забав над океаном, это было поражение, причем основательное. По неписаным законам, если ты выходил на связь со своим авианосцем, говорил, что атакован и просил помощи, тем более посылал сигнал «Мэйдэй» – проиграл без вариантов, противник записывал себе победу и удалялся, гордо покачивая крыльями. Но тут была не игра, был спецгруз, который он обязан доставить в любом случае.

Однако в наушниках были только вой и треск помех – японцы включили аппаратуру подавления. Мелькнула мысль, что вот сейчас-то он точно вляпался на своем тихоходном корыте и узкоглазые запросто закончат то, что не доделали несколькими годами ранее.

– Адамс, я Тридцать первый! Выйдите на связь! Чрезвычайная ситуация! Мэйдэй, мэйдэй! Атакован японцами!

Ответом был залп ругательств – какой-то японский самурай-истребитель прорвался в эфир и сейчас рассказывал много интересного о североамериканцах и о том, что он с ними будет делать, когда доберется до них.

Уже добрался, блин...

Ударная волна качнула самолет, как ветку на ветру, тут же последовал второй удар – японцы вышли на позицию для атаки, и теперь их истребители проносились буквально в нескольких метрах от транспортника, а воздушные волны от их истребителей били по транспортнику раз за разом. Так можно и в штопор сорваться – причем в любую секунду.

– Снижаем скорость до предела! Ближе к воде!

Полковник, до этого летавший на истребителе, забыл один из самых эффективных приемов противодействия. Верней, он не забыл, он его отлично знал – просто он до сих пор мыслил истребительными категориями, и тот не сразу пришел ему в голову. Нужно просто прижаться к самой воде и максимально снизить скорость. Тактический турбовинтовой транспортник может спокойно лететь со скоростью сотня с чем-то миль в час – а истребитель должен поддерживать вдвое большую скорость, если не хочет сорваться в штопор и упасть в океан. На этом основан бизнес по транспортировке наркоты через Мексиканский залив – по крайней мере, был основан до тех пор, пока на вооружение там не встали переделанные из гражданских «цессны» с «миниганами».

Самолет резко пошел вниз...

– Черт, что за...

Не обращая внимания на крики, доносящиеся из десантного отсека, полковник Раск выравнивал самолет. И выровнял – буквально метрах в двадцати над серой гладью воды...

Поняв маневр, два истребителя, до этого прикрывавшие транспортник, оторвались от него и ринулись вверх, на помощь своим товарищам.

– Он идет на нас!

Господи, да они всерьез...

Один из японских истребителей, который не был блокирован североамериканцами, принял рискованнейший маневр – он снизился и пошел лоб в лоб на транспортник.

– Готовность!

Темно-серое тело японского истребителя пронеслось чуть ли не на расстоянии вытянутой руки от фюзеляжа, полковник рванул на себя штурвал, истошно взвыли моторы. Замысел японца был в том, что от удара воздушной волны пилот североамериканского транспортника управление потеряет на мгновение – а на высоте двадцать метров над поверхностью большего для катастрофы и не нужно. На какой-то момент полковнику показалось, что нос проваливается и через секунду самолет ударится об воду, но движки не захлебнулись – вытащили.

– Бандит слева!

Спасли их, как ни странно, русские. Четверка тяжелых двухместных истребителей «С-30» с «Императрицы Екатерины Великой» с громовым ревом вынырнула из облаков, присоединяясь к североамериканцам. Двенадцать против шестнадцати – это уже не восемь про-

тив шестнадцати, тем более что японцы просекли: раз появились эти русские, значит, могут появиться и другие русские. Русские не любили японцев, в пятом году их флот потерпел от узкоглазых тяжелое поражение, и они до сих помнили об этом. Не давали забыть об этом Курильские острова и Сахалин, наполовину находящийся под властью Империи восходящего солнца, причем вся японская половина острова была под военными. Там был порт для японских военных кораблей, там были несколько хорошо укрепленных подземных аэродромов – японцы фактически построили сухопутные авианосцы. И все это было направлено против России, свою половину острова японцы изрыли, как кроты, а граница между этими половинами была укреплена, как нигде в мире. Японцы не признавали прав Российской империи на Сибирь, называя ее «Территорией Северных Ресурсов», и хотя в открытую посягнуть на нее они не решались – говорить на словах говорили. Поэтому русские очень недобро относились к японцам, а увидев неладное, четверка патрульных истребителей русских, так называемый «патруль дальнего рубежа», не задумываясь, присоединилась к североамериканцам.

С вмешательством русских свалка быстро сошла на нет. Обе стороны во время свалки агрессивно маневрировали, часто применяли форсаж – топливо кончалось и у тех, и у других. А у русских истребителей топлива как раз было достаточно, они прибыли последними. Как бы то ни было – японцы в какой-то момент резко вышли из боя и направились на север, к своему авианосцу. Напоследок они разом сделали маневр, на местном наречии обозначающий примерно следующее: «Вы обделались, а мы победили».

Пострадавших в этой свалке не было, пострадали только нервы пилотов и матчасть – двигатели при таком рваном режиме работы, с частым включением форсажа, приходится перебирать. Приняв благодарность за помощь, русские отвалили выше, в облака – они вообще любили летать на предельно возможных высотах, – а майор Томас Чен вызвал заправщики с «Адамса» – на остатках топлива в баках до авианосца можно было и не долететь.

Посадка на авианосец и дозаправка прошли штатно, на дальнейшее сопровождение «летний босс» с авианосца выслал аж двадцать четыре машины, опасаясь, что японцы могут повторить свою выходку. На полпути к Гонконгу эскорт сменился – теперь маленький транспортник эскортировали двенадцать британских «Харриеров», взлетевших с «Принца Уэльского», британского авианосца, болтавшегося на траверзе Гонконга, или с платформы, – этого полковник Раск не знал.

Гонконг...

Полковник не раз бывал в этом городе – и каждый раз восхищался его дьявольской красотой. В Гонконге и впрямь было что-то темное, дьявольское – это чувствовал любой человек, более-менее внимательный, прилетевший сюда. Красивейшая бухта, заполненная гражданскими и военными кораблями, лес небоскребов, пагоды китайского квартала. Этот город, один из крупнейших в мире, был под британской юрисдикцией – но находился на китайской земле, которую взяли в аренду и не собирались отдавать обратно, мотивируя тем, что государства, с которым заключался договор, больше нет, а с Японией и ее марионеточным государством на континенте разговаривать никто не собирается. Собственно говоря, Япония особо и не настаивала, ибо многие подозревали, что между Японией и Великобританией заключен тайный союзнический договор, а Японии Гонконг в нынешнем виде был так же нужен, как и самой Великобритании.

Собственно говоря, Великобритания контролировала Гонконг только формально, там была такая же «серая зона», как, к примеру, в Афганистане. То, что Гонконг застроен небоскребами, наверное, даже больше, чем лондонский Сити, то, что в местных банках золота больше, чем в банках самой Великобритании, суть проблемы не меняло...

Вообще, Гонконг получил статус «подмандатной британской территории» в начале прошлого века, во время печально знаменитых «опиумных войн». Смысл опиумных войн заклю-

чался в том, что Британия импортировала из Китая чай, шелк и много чего другого и расплачиваться за это приходилось золотом, поскольку Китай у Британии почти ничего не покупал. Британская казна весьма оскудела, и министр финансов уже был вынужден делать доклады, лежа на полу²⁷. Вот тогда-то и придумали товар, которым с Китаем можно было торговать на бартер и который давал бы гигантские прибыли. Опиум! Целую страну Великобритания посадила на иглу во имя собственных геополитических интересов, причем основную роль в наркоторговле играла британская аристократия, ставшая таким образом первой в мире наркомафиозной группировкой²⁸. Когда же китайское правительство уничтожило склады с наркотиками в прибрежных портах – Великобритания объявила войну.

После того, как Япония оккупировала весь Китай и Корею, Гонконг оказался единственным местом, куда хлынули китайские богачи. Китайские кварталы стремительно застраивались небоскребами, организовывались экспортно-импортные компании по торговле с оккупированными территориями. Банки в Гонконге финансировали весь континентальный Китай и давали займы даже японской оккупационной администрации. Здесь же, в городе, были крупнейшие склады с наркотиками, поступающими из «Золотого треугольника» и Афганистана. С наркотиками боролись, иногда устраивали показательные сожжения – но в руки полиции попадала одна пятидесятая от того, что реально проходило через этот город, если не меньше. Должность генерал-губернатора Гонконга была самой желанной для любого британского чиновника – ежегодный неофициальный доход на ней составлял не менее десяти миллионов фунтов стерлингов. Это даже особо не стараясь – мафия сама преподносила тебе эти деньги просто за то, чтобы ты ничего не делал. За отдельные услуги доплачивали отдельно.

Помимо наркоторговли, у города были и другие источники дохода. Легальная банковская деятельность – и нелегальная тоже. Гонконг был одним из тех редких мест на земле, где разрешены номерные, зашифрованные счета, владельцев которых банки никому открывать были не обязаны. Поэтому здесь держали счета многие – и китайские «беженцы», и североамериканцы, и русские, и японцы. У Японии – несмотря на то, что официально она не признавала мандат Великобритании, над Гонконгом, было здесь свое дипломатическое представительство, замаскированное под офис концерна «Мицубиши» – одной из крупнейших японских финансово-промышленных групп, дзайбацу, занимающихся как военной, так и гражданской продукцией. Через концерн совершались многие дела, тайно и бессудно.

Гонконг был единственным местом на планете, где не преследовались организаторы боев без правил насмерть. Нет, бои такие были везде, и даже в Российской империи существовал чемпионат «Октагон» – но там боролись хотя бы с минимальными правилами и уж, во всяком случае, не насмерть. Здесь же было все – богатые зрители, большое количество специалистов по самым разным стилям и видам рукопашного боя – японских, тайских, корейских, китайских. И много нищих, молодых парней, «нахватавшихся по верхам» и желавших зацепить удачу за хвост. В основном на ринг выходили профессионалы – они очень редко дрались насмерть, они уважали друг друга и просто хотели выяснить, кто сильнее. На потеху публик на ковре убивали как раз новичков, решивших рискнуть – правда, иногда случались и осечки, и никому не известный новичок вырывал свой заслуженный титул и победу с мясом и кровью у именитых соперников. Не без этого – бой есть бой.

В Гонконге торговали людьми. Здесь была прекрасная медицина – где много богатых людей, там и хорошая медицина. И здесь же в клиниках полуофициально делали сотни опера-

²⁷ *Бюджет* – первоначально это был большой кожаный мешок, в котором находилась вся королевская казна в виде золотых монет. Министр финансов двора Его Величества по традиции делал доклад королю о состоянии королевской казны, опираясь на мешок с монетами, – и чем меньше монет там оставалось, тем сложнее министру было стоять на ногах. А иногда и вовсе приходилось лежать.

²⁸ Автор понимает, о чем говорит. Более того – это продолжается и по сей день.

ций в месяц по пересадке органов – органы брали у похищенных, иногда даже у детей. Это тоже приносило хороший доход.

Ну и по мелочи – торговля оружием, проституция. На это и внимания особого не обращали.

Садилась на аэродроме, прозванном пилотами «Две звезды». Непонятно почему так назвали – но название прижилось, возможно, потому что так назывался тонг²⁹, контролировавший постройку аэродрома. Тонги в этом городе были особенно сильны, здесь было их гнездо, их логово. В континентальном Китае с ними боролась японская оккупационная администрация и японские мафиозные группировки – тоже, а здесь с ними не боролся никто. Аэропорт был построен на сваях и на огромной платформе с понтонами, наполовину погруженной в воду. В Гонконге было слишком много денег и слишком мало земли – поэтому город наступал на море, на залив, отвоевывая все больше и больше пространства, и так теперь строили не только дома – строили аэропорты и целые кварталы. Строили также на насыпных островах – но наплавные были несколько дешевле. Гонконг превращался в китайскую Венецию.

Самолет со спецгрузом зашел на посадку мастерски, с первого круга – в конце концов, это был гражданский аэропорт, с нормальной длинной полосой, а не качающаяся палуба авианосца, на которой надо еще зацепить трос аэрофинишера³⁰. «Харриеры» сели еще раньше – британцы использовали для защиты Гонконга от японцев и, возможно, русских огромную платформу, этакий стационарный авианосец, установленный на сваях на траверзе Гонконга в десяти морских милях от берега и способный принимать боевые самолеты вертикального взлета и посадки, подобные «Харриерам»³¹. Такие стационарные вышки-аэродромы, на которых базировались и «Харриеры», и ракетные катера, и отряды СБС, защищали побережье всех британских колоний. Так британцы наращивали военно-морскую мощь, не вызывая слишком больших протестов других стран. На дозаправку машину отогнали к обычным гражданским ангарам, да и рожи на заправщике не внушали особого доверия – все молодые, у одного вместо форменной – черная кожаная куртка, двое – в картузах, показывающих принадлежность к местному мафиозному сообществу. Из десантного отсека самолета никто не вышел, с британским представителем общался второй пилот, не покидая кабины самолета. В отсеке автоматчики сняли свое оружие с предохранителей – на всякий случай.

Невысокий молоджавый китаец, левую щеку которого украшал страшный, плохо зашитый бритвенный шрам, соскочил с подножки тяжелой цистерны-заправщика, бросил в последний раз взгляд на самолет, бегом поспешил за ангар...

Ляovej³², которого очень интересовал этот рейс, был там, он стоял возле своего черного американского внедорожника и ждал. Это был средних лет, крепкий, с узкими, монголоидного типа глазами, наголо бритый человек с короткими усами, одетый, как одеваются местные мафиози, – в черную кожаную куртку и настоящие американские джинсы, тоже черные. Тонг «Белый дракон», контролировавший порт, хорошо знал этого ляovejа, потому что он хорошо платил, если ему что-то понадобилось, и через него можно было достать оружие – не всегда, конечно, но можно. Еще ляovej торговал морепродуктами, покупал их и отправлял в дальние страны. В отличие от японцев, людей крайне закрытых и не любящих иностранцев, а

²⁹ Тонг – китайское мафиозное сообщество.

³⁰ Аэрофинишер – приспособление на авианосце для посадки. Прочный стальной трос на палубе, а самолет должен при посадке зацепить его приспособлением, напоминающим крюк.

³¹ Автор не выдумывает. Такие аэродромы морского базирования, строящиеся по тому же принципу, что и морские добывающие нефтяные платформы, начала строить Бразилия для защиты своего шельфа, на котором обнаружены сверхгигантские месторождения нефти. Кстати, как только их обнаружили, так североамериканцы объявили о воссоздании Четвертого флота САСШ для активных действий у побережья Латинской Америки. Если у вас есть нефть – мы летим (плывем, идем... нужно подставить) к вам!

³² Ляovej – иностранец.

особенно русских, китайцы нормально относились к русским, торговали с ними и оказывали взаимовыгодные услуги. Даже слово «иностранец» в японском и китайском языках в дословном переводе говорит о многом. У японцев это – «гайджин», варвар, а у китайцев «ляовой», означавшее «человек извне». В Гонконге было много китайских националистов, в том числе весьма опасных, мечтающих о том дне, когда они освободят свою родину от японской оккупации. Британская колониальная администрация воевала с ними – но воевала нехотя, она держала их, словно камень за пазухой, как еще один аргумент в британо-японских отношениях. На оккупированной территории свирепствовала кемпетай, японская военная разведка. Людей убивали сотнями по одному только подозрению в сотрудничестве с националистами, закапывали заживо или пытали до смерти. Помощь от британцев в обретении китайцами родины ограничивалась лишь словами – поэтому наиболее дальновидные тонги медленно, но верно налаживали отношения с великой северной страной, словно глыба, нависавшей над Японией и особенно угрожавшей ее континентальной части. Пусть Россия декларировала исключительно мирный характер своей политики и отсутствие территориальных претензий к Японии – все могло измениться, и очень быстро.

И поэтому глава тонга, мастер Ли, наказал Хе с большим почтением относиться к ляовею и узнать все, что тому было нужно.

– Самолет захвачен, сэр... – поклонившись, доложил Хе на английском, какой здесь знал каждый уважающий себя китаец.

– Сколько топлива они взяли? – к удивлению Хе, ляовой довольно чисто заговорил на северном диалекте, родном языке Хе и его тонга.

– Шесть тысяч фунтов, господин... – ответил на том же языке Хе.

– Хорошо. Когда ты встретишься с мастером Ли, скажи ему, что оружие придет, как и договаривались.

Русское оружие здесь ценилось – как и во всем мире. Это была одна из самых твердых валют, особенно здесь. Если оружие не нужно тебе – можно перепродать его на рынке, его с удовольствием купят те, кто занимается транзитом из Афганистана. Но тонги оружие не продавали – копили на будущее...

– Слушаюсь... может, господину нужно что-то еще?

– Ничего. Иди.

Поклонившись, Хе припустил к ангару, а ляовой проводил взглядом китайца, сунулся в машину, достал ноутбук, раскрыл его. Через несколько минут с почтового сервера отправилось в дальний путь письмо, внешне ничем не примечательное, сообщающее о ценах на рыбу и креветки. Но у этого письма имелся и второй, скрытый смысл – оно сообщало о том, что североамериканский самолет дозаправился и продолжил свой путь.

10 июля 1996 года.

Западное побережье Уэльса, где-то в районе Кардиган-бэй

Соппротивление, побег, выживание, уклонение...

Как все-таки одинаково нас учат. Даже названия курсов одинаковые. Интересно только, кто у кого подсматривает...

А ведь не ожидал... Вот чего-чего, но такого никак не ожидал, ни при каком развитии событий. Переиграли, признаю, что переиграли. Интересно, это кто это такой умный, что начал разыскивать меня, представив... маньяком! Самым натуральным маньяком, причем смертельно опасным. Какие нож и бритва? О чем вы, господа! Время ножа и бритвы давно прошло, это XIX век. Это раньше Джек-Потрошитель орудовал такими инструментами – а сей-

час забирай выше. А крупнокалиберную снайперскую винтовку не хотите? Из которой такой вот душегуб стреляет в людей? И черт его знает, зачем ему это надо? Но психологический эффект от этого сравним с атомным ударом по Лондону. Сколько там уже? Шестеро? Шестеро погибших, плюс возникла версия, о том что один пи... простите, подданный альтернативного сексуального выбора, некий сэр Энтони Браун, постоянный заместитель министра иностранных дел правительства Ее Величества, вместе со своим спутником, тоже таким же ... «альтернативным», пал от рук того же злодея. Сиречь меня. Если считать за людей и этих двоих – получается восемь.

Нет, вообще-то я и сам хотел грохнуть этого недоноска. В списках он значился одним из координаторов бойни в Бейруте. За это и был приговорен к смерти – но приговор исполнил кто-то другой.

Кто?

У любой спецслужбы есть какие-то пределы, черт возьми, да у любого человека есть какие-то пределы. Убивать прохожих на улице, просто так, ни за что, для того чтобы прикрыть какую-то специальную операцию, – это беспредел. А убивать прохожих в своей стране, убивать тех людей, которых ты поклялся защищать, – это уже даже не беспредел, это нечто такое, чему нет названия. Это шаг за грань, это ход, которым переворачивается шахматная доска. Тот, кто это делает, недостоин даже называться человеком. А в то, что этот снайпер появился случайно, – я не верил. Слишком много совпадений. Более того – я на девяносто процентов уверен, что снайпер, застреливший полковника в Ирландии, и тот, который сейчас убивает людей в Лондоне, – это одно и то же лицо. Не знаю сам, почему, но в этом я уверен.

Стало теперь понятно и то, почему охотятся на меня – и в то же время пытаются взять меня живым. Я им нужен как тот, на кого можно будет списать все произошедшее, как тот, кого можно будет вывести на суд. Сидящее на скамье живое доказательство звериной сущности кровавого романовского режима, возможно, даже аргумент в пользу войны с Россией. То, что позволит оправдать все – и безумие Бейрута, и увеличение ассигнований на оборону, при том, что экономика королевства находится далеко не в лучшей форме, и беспредел спецслужб. Скорее всего, этой акцией они попытаются оправдать призывы к дипломатической и экономической изоляции Российской империи. Но это ненадолго – полезные ископаемые нужны всем. Поэтому любой более-менее знакомый с политикой человек мог предсказать, что будет дальше.

Дальше будет война. Война, чтобы получить силой все, что нужно от России, чтобы устранить опаснейшего конкурента.

И все это – завязано на мне. Если я окажусь у них в руках – они разыграют партию как по нотам. Если нет...

Интересно, знает ли Центр? Может быть – знали и именно поэтому передали сигнал на эксфильтрацию?³³ А я, дурак, нарушил приказ на отход и остался. Ввязался в войну, которую не выиграть. Ох, прав был капитан первого ранга Гришковец, который вдалбливал в наши дурные головы под бескозырками: приказ штаба священен! Если даже он кажется глупым – его надо выполнять. Только штаб знает ситуацию целиком, ты можешь знать только то, что видишь со своего места. Да, ты должен донести свое видение до штаба, любая развединформация может оказаться бесценной. Но выполнить приказ ты все равно обязан.

Вот теперь я познал суровую справедливость этих слов – на собственной, черт возьми, шкуре.

Выживание и уклонение...

Выжить и уклониться от поисковых команд – задача непростая. Дело в том, что в данном случае против меня играют все, вся страна. Любой – дорожный полицейский, продавец в магазине, бармен – любой может увидеть меня, опознать и сообщить в полицию. А то могут

³³ *Эксфильтрация* – возврат с враждебной территории.

и линчевать – избавившись, таким образом, от своего страха. Это тебе не Россия, где, по мнению некоторых людей, «честный человек не будет сотрудничать с государством в любой его ипостаси». В Британии полицейских принято любить и помогать им. Констебль здесь – живое воплощение закона, даже за оскорбление констебля предусмотрена смертная казнь каким-то старинным законом, какой до сих пор никто не удосужился отменить.

Я лежал в густом подлеске на довольно сырой траве уже второй час, набросав на себя валежника – для маскировки. Немного, потому что если набросать много – то когда начнешь двигаться, валежник станет хрустеть и трещать. Я охотился. Нет, не за людьми, не подумайте чего дурного. На кой черт мне нужны люди, ничего мне не сделавшие? Мне нужен был сотовый телефон с СИМ-картой, причем добыть его следовало, не заходя в населенные пункты. Сотовый телефон мне понадобился, чтобы выйти на связь.

Полцарства за костюм Гилли! Костюм Гилли, неперемнная принадлежность любого снайпера, был бы сейчас исключительно необходим, с ним в лесу можно стать невидимкой. Но костюма не было, приходилось обходиться тем, что есть.

Вообще, сотовые имелись и у меня, и у Грея – но пользоваться ими нельзя. Любой сотовый телефон в кармане – все равно, что маяк, постоянно извещающий всех, у кого есть соответствующие возможности, о местонахождении владельца. А в последнее время появилась возможность дистанционно прослушивать разговоры даже с выключенного сотового – мембрана-то никуда не девается, стоит только подключить соответствующее оборудование и... Поэтому и я, и Грей не только выключили свои сотовые, но и извлекли из них аккумуляторы, сделав их гарантированно недееспособными. А мне нужен был именно украденный сотовый, с которого я позвоню всего один-два раза и выброшу.

Место, в котором мы засели, было глухим и почти безлюдным – северный Уэльс. Реки, горы, густые леса, заброшенные фермы и даже коттеджи. В этих местах тренировались по программе курсов выживания агенты Четырнадцатого разведупра и некоторые воинские части, кроме САС, – САС тренировалась в еще более тяжелых условиях, в северной Шотландии. Поскольку было лето – рисковать и заселяться даже в какое-то заброшенное строение мы не стали. Углубившись в лес, мы отрыли для себя две землянки-укрытия. Основное и запасное. У нас это называлось «кротовая нора», как это называлось в САС, я спрашивать не стал. Как бы ни называлось – это укрытие защищало от любых видов поиска, в том числе от поиска с вертолета, оснащенного тепловизором. А то, что некомфортно... несколько дней пересидеть можно, да и не до комфорта сейчас...

Проблему сотового я собирался решить, подкарауливая парочки. Особенно осторожные любовники вместо того, чтобы ехать в мотель, выезжают на природу, занимая укромные и тихие уголки. Иногда на побережье – здесь есть такие бухточки, и пусть вода холодная... все равно здесь хорошо. В такие места приезжают на машинах, а в машине, скорее всего, есть сотовый – девяносто девять процентов, что есть. По закону, разговаривать по сотовому телефону в машине без гарнитуры hands-free запрещено – штраф пять фунтов. А когда сотовый не нужен, его оставляют в машине на держателе. И вряд ли мужчина, намеревающийся уединиться с дамой, возьмет с собой сотовый – чтобы тот зазвонил в самый неподходящий момент. Конечно же, он оставит его в машине. Его я и позаимствую, поговорю и по возможности верну обратно. Машину вскрыть – вообще не проблема. Вот поэтому я и лежу, караулю свою добычу.

И вот, кажется, мое терпение наконец-то привело к какому-то результату. Завывающий шум двигателя, пока тихий, но приближающийся. Думал уже, что пустышку тяну, ведь только местные в курсе, где искать такие места...

Машина была шикарная – американский «Интернэшнл», роскошный семиместный джип, с шестилитровым мотором, пожирающим бензин с таким аппетитом, что его владелец должен владеть еще и нефтяной скважиной, чтобы питать прожорливого монстра. А налоги

за него придется платить такие... В общем, не бедным должен быть владелец этой машины, не бедным.

Он и был не бедным. Кажется, я его лицо даже где-то видел, в газетах или на ТВ – знакомое, в общем, лицо. Владелец – крепкий, импозантного вида мужчина, годам уже к пятидесяти, одетый так, как обычно здесь одеваются на охоту. Брюки и пиджак из плотной, однотонной зеленой ткани, вместо сапог резиновых на ногах – что-то типа мокасин, но из плотной толстой черной кожи, бордовый шейный платок, охотничья шляпа. В общем, еще на бок причудливо изогнутый медный рожок – и вылитый охотник, хоть в рекламу ружей «Голланд-Голланд». Здесь так высший свет на охоту и ходит – в костюмчике и в шляпе. А что вы хотели? Это не Россия лапотная, где охотятся в камуфляже и болотных резиновых сапогах, потому что в иных местах утонуть можно. Это Британия, сэр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.